

ПРИЛОЖЕНИЕ
К РОССИЙСКОМУ ЕЖЕГОДНИКУ
УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Н. Г. Стойко

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС
ЗАПАДНЫХ ГОСУДАРСТВ
И РОССИИ:
СРАВНИТЕЛЬНОЕ
ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЕ
ИССЛЕДОВАНИЕ
АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ
И РОМАНО-ГЕРМАНСКОЙ
ПРАВОВЫХ СИСТЕМ

УДК 343.1(341.4)
ББК 67.411
С81

Стойко Николай Геннадьевич — кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой уголовного процесса Красноярского государственного университета, докторант кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета СПбГУ

Стойко Н. Г.

С81 Уголовный процесс западных государств и России: сравнительное теоретико-правовое исследование англо-американской и романо-германской правовых систем. Монография. — СПб.: Издательский Дом С.-Петерб. гос. ун-та, Издательство юридического факультета СПбГУ, 2006. — 264 с. ISBN 5-9645-0077-3

Работа представляет собой комплексный сравнительный анализ уголовного процесса Англии и Уэльса, США, Германии, Франции и России в формально-правовом и уголовно-стратегическом аспектах. Автор акцентирует внимание на проблемах правовой интеграции.

Для научных и практических работников, студентов и аспирантов.

УДК 343.1(341.4)
ББК 67.411

ISBN 5-9645-0077-3

О Н. Г. Стойко, 2006
© Издательство юридического факультета
С.-Петербургского государственного
университета, 2006

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

Уголовный процесс западных государств и России (постановка вопросов для исследования).....	5
--	---

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА ЗАПАДНЫХ ГОСУДАРСТВ И РОССИИ.....	22
---	----

§ 1. Типологический подход к сравнительному изучению уголовного процесса западных государств и России: основные типологии.....	22
§ 2. Ценностно-правовой подход к сравнительному изучению уголовного процесса западных государств и России: объект, предмет и метод.....	40
§ 3. Модельный подход к изучению уголовного процесса западных государств и России: понятие уголовно-процессуальной стратегии.....	50

ГЛАВА II. ОСНОВНЫЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ В ТЕОРЕТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ.....	65
---	----

§ 1. Содержание уголовно-процессуальных стратегий.....	65
§ 2. Согласование уголовно-процессуальных стратегий.....	88

ГЛАВА III. ЦЕЛИ И ПРИНЦИПЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА ЗАПАДНЫХ ГОСУДАРСТВ И РОССИИ.....	96
--	----

§ 1. Цели уголовного процесса западных государств и России....	96
§ 2. Принципы уголовного процесса западных государств и России.....	133

ГЛАВА IV. ФУНКЦИИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА ЗАПАДНЫХ ГОСУДАРСТВ И РОССИИ В СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОМ КОНТЕКСТЕ.....	145
---	-----

§ I. Функции основных участников уголовного процесса западных государств и России в досудебном производстве ...	150
---	-----

Литература

§ 2. Функции основных участников уголовного процесса западных государств и России в судебном производстве.	190
--	-----

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Уголовный процесс России в сравнительно-правовом контексте.....	230
Список литературы.....	251

Введение

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС ЗАПАДНЫХ ГОСУДАРСТВ И РОССИИ (ПОСТАНОВКА ВОПРОСОВ ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ)

Международная правовая интеграция, в которую во все большей мере вовлекается Россия, предполагает осуществление деятельности по координации ее собственной правовой политики с правовой политикой других стран.¹ Движение нашего государства по этому пути вполне очевидно. Свидетельством тому является широкомасштабная судебно-правовая реформа, сопровождающаяся использованием зарубежного и международного опыта, правовыми заимствованиями, признанием международного права частью российской правовой системы и приведением ее в соответствие с международными правовыми стандартами. Можно сказать, что оформившаяся ранее главным образом в западных странах (вследствие интернационализации современных обществ под воздействием социально-экономических и иных факторов) тенденция к сближению национальных правовых систем стала характерной и для России.²

Правда, указанная тенденция в области уголовно-процессуального права до последнего времени была менее выражена и заметна, чем в других отраслях права. Подобный консерватизм объясняется в какой-то мере естественным нежеланием любого государства ограничивать свою монополию на власть и культурным наследием каждой страны. Более того, нужно иметь в виду, что в последнее время наряду с процессами глобализации, обусловившими необходимость

¹ О понятии правовой интеграции см.: *Бахин С. В.* 1) Сотрудничество государств по сближению национальных правовых систем (унификация и гармонизация права): Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2003. С. 16; 2) Субправо (международные своды унифицированного контрактного права). СПб., 2002. С. 125-127; *Глобализация и развитие законодательства: Очерки* / Отв. ред. Ю. А. Тихомиров, А. С. Пиголкин. М., 2004. С. 69-82.

² Речь идет о согласованном в международно-правовом смысле общем развитии государств. См. об этом: *Бахин С. В.* Сотрудничество государств по сближению национальных правовых систем... С. 17; *Глобализация и развитие законодательства*. С. 78.

правовой интеграции, прослеживаются процессы усиления национальной культурной автономизации (самоидентификации, поддержания и развития национальных традиций, языка, религии и т. п.),³ затрагивающие и сферу права. Поэтому закономерно, что взаимовлияние и взаимопроникновение национальных уголовно-процессуальных законодательств (и шире — правовых систем) происходят, главным образом, через посредство международного права (общепризнанные принципы, стандарты правосудия и защиты прав человека, договоры о взаимной помощи и сотрудничестве и т. п.).⁴

Вместе с тем сказанное совершенно не исключает необходимости в создании сходных (на национальном уровне) и единых (на международном уровне) механизмов правового регулирования однородных общественных отношений, т. е. в определенной гармонизации (согласовании официальных правовых доктрин, концептуальных подходов, принципов, программ правовых действий и т. п.) и унификации (принятии основанных на общих межнациональных стандартах правовых актов или норм, действующих взамен или наряду с национальными) национальных законодательств и практики их применения.⁵ Дело заключается в том, что перед государствами, включенными в процесс интернационализации, стоят одинаковые проблемы в сфере уголовной юстиции:

- рост преступности (в особенности однотипных и транснациональных преступлений);
- недостаточное финансирование органов уголовной юстиции;
- слабая координация между ними;
- сложность, запутанность и иногда архаичность законодательства;
- повышение требовательности к органам уголовной юстиции с точки зрения соблюдения прав человека;
- судебная волокита и судебные ошибки;
- неэффективная защита потерпевших от преступлений;

³ См. об этом, напр.: *Гаджиев К. С.* Введение в геополитику М., 1998. С. 230.

⁴ Общую характеристику современных тенденций сближения уголовно-процессуальных правовых систем см.: *Уголовная юстиция: проблемы международного сотрудничества. Международный научно-исследовательский проект.* М., 1994. С. 21–40; *Гуценко К. Ф., Головкин Л. В., Филимонов Б. А.* Уголовный процесс западных государств. М., 2002. С. 34–43. — См. также: *Волженкин В. М.* Нормы международного права в российском уголовном процессе. СПб., 2001; *Волеводз А. Г.* Правовое регулирование новых направлений международного сотрудничества в сфере уголовного процесса. М., 2002.

⁵ См. об этом: *Глобализация и развитие законодательства.* С. 78–79.

— утрата общественного доверия к уголовной юстиции.⁶

Перечисленные проблемы ясно показывают, что все государства, включенные в процесс интеграции, независимо от их желания вынуждены сотрудничать друг с другом, даже если они не подготовлены к согласованию своих законодательств. Речь идет о координации усилий в области пресечения и предупреждения международной преступности, обеспечения выдачи преступников, оказания взаимной помощи в осуществлении судебных разбирательств и исполнении наказаний, т. е. о том, что уже породило международную систему уголовной юстиции и побуждает к новаторской трансформации международного права в национальные законодательства (например, в области защиты прав и свобод человека и гражданина).

Однако следует заметить, что отмеченная выше тенденция к сближению национальных уголовно-процессуальных законодательств и практик вызывает сопротивление сложившихся культурных исторических форм судопроизводства (как относительно устойчивых и постоянно воспроизводимых).

Данное явление имеет общий и естественный характер. Его игнорирование или недооценка, некритическое отношение к нему не только опасны для процессов гармонизации и унификации национальных законодательств, но и грозят дестабилизацией национальных правовых порядков.

Для России, переживающей переходный период, сопровождающийся очередной в ее истории модернизацией правового строя с учетом западного опыта,⁷ сказанное особенно актуально, а в области уголовного процесса (в связи с принятием нового УПК РФ) уже превратилось в проблему теории и практики,⁸ которая может быть сформулирована следующим образом:

⁶ См. об этом, напр.: *Criminal procedure systems in the European Community* / Ed. C Van Den Wyngaert. London, 1993. P. 6; *Уголовная юстиция: проблемы международного сотрудничества*. С. 22-26.

⁷ Подобную (но более масштабную, глубокую и длительную) модернизацию, основанную на западных правовых образцах, Россия уже осуществляла в XVII--XX вв. См. об этом подробнее: *Исаев И. А.* История России: Правовые традиции. М., 1995. С. 72-152; *Ильин В. В., Ахиезер А. С.* Российская государственность: истоки, традиции, перспективы. М., 1997. С. 164-167; *Княгинин В. Н.* Рецепция зарубежного права как способ модернизации российской правовой системы // Правовая реформа и зарубежный опыт. Красноярск, 2000. С. 18-23.

⁸ Обсуждение наиболее дискуссионных вопросов нового УПК РФ см.: *Бойков А. Д.* Третья власть в России. Кн. 2. Продолжение реформ. М., 2002.

— являются ли произошедшие перемены очередной в длительной российской истории юридической аккультурацией, т. е. заимствованием отдельных правовых институтов, процедур и т. п. без изменения основополагающих принципов и механизмов (средств, способов) судопроизводства?

— связаны ли они (перемены) с изменением общей системы правовых взглядов в обществе и ведут ли в этом смысле к кардинальному изменению практики судопроизводства путем рецепции (переноса) западного уголовного процесса как культурного феномена?

— если это аккультурация, то из какого или каких образцов (форм) и на какой исторической основе?

— если это рецепция, то какой или каких моделей?

— существует ли риск юридической декультурации, т. с. разрушения собственной культурно-исторической системы уголовного процесса и блокирования воплощения в жизнь чужого образца?⁹

— какова исторически сложившаяся форма российского уголовного процесса и перспективы ее развития с учетом общемировых тенденций?

Очевидно, что любая правовая трансляция, радикально меняющая уголовный процесс, обречена на провал, если не усиливает существующие структуры власти (а также профессионализм конкретного правоприменителя), их способность достигать поставленных перед ними политических и правовых целей. Поскольку не исключена вероятность того, что мы находимся именно в такой ситуации, важно провести сравнение российского уголовного процесса с наиболее влиятельными национальными системами судопроизводства с тем, чтобы учесть накопленный ими опыт и не допустить простого возврата в прошлое в ходе возможных контрреформ.

Традиционно уголовный процесс западных государств рассматривается на примере Англии и Уэльса, США, Германии и Франции, чьи правовые системы относятся к числу наиболее изучаемых в юридической науке; причина тому — их общемировая историческая значимость и огромное влияние, которое они оказали на другие страны.¹⁰

⁹ О понятиях юридической аккультурации, рецепции и юридической декультурации см.: Карбонье Ж. Юридическая социология. М., 1998. С. 198-201; Рулан Н. Юридическая антропология. М., 1999. С. 194-196.

¹⁰ Используемые для характеристики исторической значимости и влияния этих уголовных процессов источники являются общеупотребимыми и приводятся здесь по работе: *Comparative Criminal Procedure* / Ed. J. Hatchard, B. Huber, R. Voglcr. London, 1996.

Общеизвестна роль французского Уголовно-процессуального кодекса 1808 г. (Code d'Instruction Criminelle— CIC) в развитии уголовного процесса многих стран мира. Дело в том, что в тот период (сразу после принятия) он представлял собой весьма привлекательный образец для подражания, выгодно отличаясь от своих предшественников либеральными идеями и последовательным использованием метода научной кодификации.¹¹ Более того, как отмечали некоторые исследователи, он символизировал собой международный кодекс универсальной обоснованности.¹² Это было то реальное основание, которое позволило французскому уголовному судопроизводству достичь общемирового значения. Разумеется, введение в силу CIC на всей территории наполеоновской империи немало способствовало данному обстоятельству. Однако важнее было другое. CIC был удобен, с точки зрения его не совсем простой, но логически завершенной структуры, для практического применения и готов, с точки зрения его либерального содержания (надлежащей правовой процедуры судебного разбирательства), для замены старых автократических форм процесса, не приемлемых странами Европы периода революционных преобразований XIX в. К тому же явно выраженные в нем требования гласности, состязательности, презумпции невиновности и других демократических принципов правосудия сочетались с высоким уровнем закрытости, тайны расследования, с эффективностью управления судебным разбирательством, с большим правительственным влиянием (через государственных чиновников—*procureur*) на производство по делу и с возможностью его осуществления без сильной профессиональной юридической помощи.

Варианты CIC с местными особенностями сохранились в ряде стран (например, в Голландии) даже после падения Наполеона, а в Бельгии до сих пор действует версия французского Уголовно-процессуального кодекса 1808 г. (разумеется, с учетом современных реалий). Позднее другие страны, находившиеся под влиянием французской политики и культуры и осуществлявшие собственные реформы, восприняли французский образец: Румыния и Россия — в 1864 г., Италия — в 1865 г., Турция — в 1887 г., Египет — в 1890 г.

¹¹ Esmein A. A History of Continental Criminal Procedure. London, 1914. P. 572; *Comparative Criminal Procedure*, P. 8.

¹² *Comparative Criminal Procedure*. P. 8.

Введение

Египетский вариант затем был заимствован Ливией, а также другими государствами Среднего Востока.¹³

Германия также испытала на себе сильное французское влияние, что явно выразилось в кодексах государств, составлявших ее до объединения, а после провозглашения Германской Империи в 1877 г. — в новых стандартных кодексах уголовного процесса и судостроительства (при том, что существовали заметные отличия по составу суда первой инстанции).¹⁴

В свою очередь германский уголовный процесс оказал воздействие на Японию, реформировавшую свое судопроизводство в 1922-1924 гг., и Турцию, использовавшую германский образец в 1924 г. Правда, Япония несколько ранее, в 1880 и 1890 гг., модернизировала свой уголовный процесс на основе СИС.¹⁵ В значительной мере производным от СИС был австрийский УПК 1850 г., почти сразу же упраздненный консервативной реакцией. Многие французские черты судопроизводства позднее были восстановлены в УПК Австрии 1873 г. Вариант австрийского уголовного процесса был принят в Сербии (1865 г.) и в Венгрии (1896 г.).

Во многом восприняли французский образец Испания (1882 г.)¹⁶ и ее бывшие колонии — Никарагуа (1879 г.), Аргентина и Боливия (1888 г.), Эквадор (1890), Мексика (1894 г.) и Венесуэла (1897 г.). Причем Никарагуа воспользовалась испанским переводом ОС.¹⁷

Китай после революции 1912 г. также обратился к СИС как к модели для подражания.¹⁸ Очень схожие с ним структурные и процедурные черты имел уголовный процесс в странах советского блока, включая Россию и все союзные республики,¹⁹ а также в колониях континентальных европейских государств.

¹³ *Mayer E. A. Reinstating Islamic Criminal Law in Libya// Law and Islam in Middle East/ Ed. D. H. Dwyer. London, 1990. P. 123.*

¹⁴ *Dubber M. D. The German Jury and the Metaphysical Volk: From Romantic Realism to Nazi Ideology// 43 American Journal of Comparative Law. 1995. P. 221.*

¹⁵ *Milani T. Judiciary and Political Party in Japan. Oxford, 1990. P. 93-96.*

¹⁶ *Esmein A. A History of Continental Criminal Procedure. P. 584-585; Morn F., Togo M. The Legal Culture and Legal System in Post-Franco Spain // 14 (2) International Journal of Comparative and Applied Criminal Justice. 1990. P. 211.*

¹⁷ *Wilson R. J. Criminal Justice in Revolutionary Nicaragua: Intimations of the Adversarial in Socialist and Civil Law Traditions (1991-1992)// 23 (2) University of Miami Inter-American Law Review. 1993. P. 269.*

¹⁸ *Cheng Y. Criminal Procedure in China: Some Comparisons with English System// 37 International and Comparative Law Quarterly. 1988. P. 190.*

¹⁹ *Comparative Criminal Procedure. P. 9; Фридман Л. Введение в американское право. М., 1993. С. 19.*

По причине отсутствия систематической кодификации английский уголовный процесс никогда не обладал таким формальным структурным единством, как СИС, характеризуясь высокой степенью вариативности своих воплощений в других странах. В отличие от французского уголовного процесса, распространившегося в мире (за исключением колониальных стран) в результате свободного выбора как либеральная, демократическая альтернатива консервативным формам судопроизводства, английская система уголовного правосудия успешно укоренялась лишь там, где она напрямую внедрялась британскими колониальными властями для поддержания своего господства, а затем видоизменялась в соответствии с местными интересами.²⁰ Тем не менее английская состязательная процедура значительно повлияла на французский процесс (но лишь в части судебного разбирательства) и не превратилась в структурный аналог СИС.²¹ Преобладание французского уголовного судопроизводства во многом прекратилось в XX в., чему способствовало как отсутствие дальнейших реальных шагов по развитию СИС, так и серьезные отступления от него (репрессии режима Виши во время Второй мировой войны и послевоенное чрезвычайное положение).²²

Доверие к немецкому уголовному процессу было еще в большей мере подорвано нарушениями прав человека в нацистской Германии.²³

Однако, как бы то ни было, интерес к этим двум разновидностям уголовного процесса возобновился уже во второй половине XX в. благодаря не только быстро возрожденному экономическому и политическому влиянию Франции и Германии, но и активному устремлению всех западноевропейских стран к созданию эффективной системы защиты общечеловеческих ценностей. Более того, после распада Советского Союза и замены в странах, находившихся под советским

²⁰ *Alschuler A. W., Deiss A. G.* A Brief History of the Criminal Jury in the United States // 61 University of Chicago Law Review. 1994. P. 867; *Neal D.* Law and Authority in Early New South Wales. The Campaign for Trial by Jury // 7 Journal of Legal History. 1987. P. 107; *Spiller P. R.* The Jury System in Early Natal (1846-1874) // Ibid. P. 129; *Olson A.* Parliament, Empier and Parliamentary Law 1776//Three British Revolutions, 1641, 1688, 1776/ Ed. J. Pocock. London.. 1989. P. 299.

²¹ *Comparative Criminal Procedure.* P. 9, 10-11.

²² *Vouin R.* French Criminal Procedure // The Accused: II Comparative Study / Ed. J. E. Coutts. London, 1966; *Hvones S.* Interrogation Abuses by the Police in France — A Comparative Solution // 12 Criminal Law Quarterly. 1969. P. 68; *Comparative Criminal Procedure.* P. i 1—12.

²³ *Dubber M. D.* The German Jury and the Metaphysical Volk... P. 257-267.

влиянием, авторитарных политических режимов на демократические этот интерес усилился.²⁴

В целом по тем же причинам в это время наблюдался и рост интереса к уголовному процессу англосаксонского типа, усиленный мощной экономической, политической и культурной гегемонией США в мире. Причем, если в странах бывшего советского блока США и Западная Европа действовали совместно, оказывая практическую помощь в демократическом обновлении консервативных кодексов через группы независимых экспертов,²⁵ то в латиноамериканском регионе можно было говорить лишь о североамериканской экспансии. Например, в 1980-е годы США потратили свыше 100 млн. долларов на установление в этом регионе состязательных форм судебного разбирательства англо-американского образца.²⁶

Что касается российского уголовного процесса, то он, находясь под сильным воздействием вначале германского, а затем французского образца,²⁷ большую часть XX в. идентифицировался как социалистический уголовный процесс особого советского типа²⁸ и был эталоном для значительного числа стран. Но в юридико-техническом отношении он продолжал развиваться в духе континентально-правовой традиции.²⁹ Даже в постсоветский период, подвергшись серьезным изменениям с ориентацией на западное право, российский уголовный процесс остается авторитетным для большинства бывших союзных республик главным образом в силу еще сохранившейся общности правовой культуры юристов-профессионалов, получивших образование и опыт юридической практики в советское время. Впрочем, объективно этому способствует и сравнительно недавняя активизация сотрудничества между странами СНГ в экономической,

²⁴ См. об этом, напр.; *Comparative Criminal Procedure*. P. 2.

²⁵ *Wice E. M. Criminal Justice Policy and Comparativism// Nouvelles Etudes Penales*. 1997. N 17. P. 131-133.

²⁶ *Wilson R. J. Criminal Justice in Revolutionary Nicaragua...* P. 269, 281.

²⁷ См. подробнее: *Викторский С. И.* Русский уголовный процесс. М., 1997. С. 359-360; *Чельцов-Бебутов М. А.* Курс уголовно-процессуального права: Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. СПб., 1995. С. 688-828; *Исаев И. А.* История государства и права России. М., 1996. С. 257-259; *Смирнов А. В.* Модели уголовного процесса. СПб., 2000. С. 191-193; и др.

²⁸ *Полянский Н. Н.* Вопросы теории советского уголовного процесса. М., 1956. С. 106.

²⁹ *Фридман Л.* Введение в американское право. С. 19; *Осакве К.* Сравнительное правоведение в схемах: Общая и Особенная части. М., 2002. С. 27-28.

политической и других областях. В связи с этим не случайно принятие в 1996 г. Модельного уголовно-процессуального кодекса стран СНГ.³⁰

Вместе с тем в настоящее время, как и в прошлом, английский (и его американский вариант), германский и французский уголовный процесс не только влияют на другие страны, но и друг на друга.

С одной стороны, мы можем констатировать, что германский и французский образцы (по крайней мере, на уровне самых общих и отчетливо выраженных признаков) резко отличаются от английского. Для английского судопроизводства (равно как и для американского) характерны отсутствие кодификации (за исключением некоторых штатов США), господство прецедента над статутом, состязательная процедура (в споре рождается истина), приоритет процессуального права над материальным, широкая диспозитивность (практика ведения переговоров с целью достижения значимого правового результата — заявления или сделки о признании вины). Для германского и французского, напротив, — верховенство кодифицированного права, следственная процедура (истина — результат исследования), придание большей роли материальному праву, нежели процессуальному, широкая публичность (значимый правовой результат достигается в силу закона, а не в силу переговоров сторон).³¹

С другой стороны, даже исходя из того, что «общее право — другое»,³² мы можем обнаружить не менее видимые (хотя и не столь фундаментальные) сходства, указывающие на взаимопроникновение этих разновидностей уголовного процесса.

Современный период развития права даст множество примеров такого взаимопроникновения. Это статутная интервенция в Англии,³³ осуществляемая с далеко идущими целями кодификации, провозглашенными еще в 1965 г., распространение прецедентов как источников права в странах континентальной Европы, учреждение обвинительной службы в Англии, сокращение сферы действия суда

³⁰ Информационный бюллетень межпарламентской ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств. 1996. № 10. Приложение.

³¹ Фридман Л. Введение в американское право. С. 18-19; Брейנסма Ф. Три этапа юридического образования // Юридическое образование: новые подходы в России и Западной Европе. М., 2001. С. 55-57; Романов А. К. Правовая система Англии. М., 2002. С. 79-85.

³² Van Caenegem R. C. Judges, Legislators and Professors. Chapters in European Legal History. Cambridge, 1987. P. 1. — См. также: Great Political Thinkers, Plato to the Present / Ed. W. Ebenstain, A. O. Ebenstain. Oxford, 1991. P. 408, 429; Фридман Л. Введение в американское право. С. 18-19.

³³ См. об этом, напр.: Романов А. К. Правовая система Англии. С. 82.

присяжных,³⁴ допущение некоторых элементов следственной активности судей в мире общего права (например, право суда в некоторых случаях вызывать по собственному усмотрению свидетелей),³⁵ упразднение института следственных судей в ряде европейских стран (в Германии — в 1975 г., в Италии — в 1988 г.),³⁶ демонстрация большего уважения к процессуальной справедливости в континентальном праве (во многом благодаря деятельности Европейского Суда по правам человека — ЕСПЧ),³⁷ назначение наказания без учета данных о личности в общем праве,³⁸ распространение и законодательное урегулирование практики переговоров сторон как альтернативы уголовному преследованию на континенте,³⁹ недопущение потерпевшего к участию в переговорах с целью заключения сделки о признании вины в Англии и Уэльсе,⁴⁰ подмена переговоров с обвиняемым давлением на них.⁴¹

Неоднозначность этих и других «подвижек», происходящих в пределах рассматриваемых уголовно-процессуальных систем, усиливается порой высокой степенью критичности ученых и практиков по отношению к своему собственному праву.

Например, во Франции неоднократно предлагалось упразднение ключевого для ее уголовного процесса института следственного судьи, мотивированное необходимостью ближе подойти к англосаксонской системе с тем, чтобы исключить случаи неправильного отправления правосудия.⁴² Напротив, в Англии и Уэльсе активно обсуждался вопрос об учреждении данного института по французскому образцу, что сопровождалось критикой суда присяжных и требованиями радикального обновления всей системы судопроизводства на основе континентальной модели.⁴³

³⁴ Там же. С. 81.

³⁵ См. об этом: *Семухина О. Б.* Типология уголовного процесса англо-американской и романо-германской правовой систем. Томск, 2002. С. 56; *Романов А. К.* Правовая система Англии. С. 13; *Comparative Criminal Procedure*. P. 14; и др.

³⁶ См., напр.: *Comparative Criminal Procedure*. P. 3.

³⁷ *Ibid.* P. 12-13.

³⁸ *Кристи Н.* Борьба с преступностью как индустрия. Вперед, к Гулагу западного образца? М., 1999. С. 77.

³⁹ См. об этом: *Головки Л. В.* Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. СПб., 2002. С. 52-175.

⁴⁰ Там же. С. 185.

⁴¹ *Кристи Н.* Борьба с преступностью как индустрия. С. 139-141; *Curran P.* Discussions in the judge private room // 2 *The Criminal Law Review*. 1991. P. 79.

⁴² *Comparative Criminal Procedure*. P. 2.

⁴³ *Lawton Sir F.* What Follows the Judith Ward Case? // 136 *Sollicitors' Journal*. 1992. P. 616; *Jackson J. D.* Two Methods of Proof in Criminal Procedure // 51 *Modern Law Review*. 1988. P. 549; *Field S.* Judicial Supervision and Pre-trial Process // 21 (1) *Journal of Law and Society*. 1994. P. 119; и др.

Введение

В США также существовало заметное разочарование в состязательном методе,⁴⁴ что во многом было связано с признававшимся многими учеными неблагоприятным воздействием на состязательность все большего значения сделки о признании вины.⁴⁵ Одни авторы выступали за введение обязательного (публично-правового) обвинения и смешанного суда первой инстанции по немецкому образцу.⁴⁶ Другие предлагали в качестве ответа на потребности американской практики принять французский институт следственного судьи с характерным для него «не состязательным» подходом к судопроизводству.⁴⁷ Причем так или иначе они указывали на глубокое реформирование континентально-европейской системы правосудия и видели ее эффективность и надежность в том, что она представляет собой исследование истины, а не инсценированную схватку пристрастных сторон.⁴⁸

Тем не менее англосаксонская модель по-прежнему сохраняет свою приверженность состязательному методу. Более того, многие авторы видят именно в нем преимущества процессуальной системы общего права, полагая, что лучший способ нахождения истины как раз и состоит в сильных доводах сторон перед пассивным и нейтральным судьей.⁴⁹ С их точки зрения легитимная процедура судебного спора является более гибкой в сравнении с законом или прецедентом, которые стареют значительно быстрее. К тому же она уменьшает риск совершения ошибок, связанный с психологией человека,

⁴⁴ *Jackson J. D.* Theories of Truth Finding in Criminal Procedure: An Evolutionary Approach // 10 *Cardozo Law Review*. 1988. P. 475.

⁴⁵ *Криминология* / Под ред. Дж. Ф. Шели. СПб., 2003. С. 512, 515-516; *Coughlan S. G.* The Adversary System: Rhetoric or Reality? // 8 *Canadian Journal of Law and Society*. 1994. P. 139. — Критику состязательного метода см. также: *Golstein A., Marcus M.* The Myth of Judicial Supervision in Three «Inquisitorial» Systems: France, Italy and Germany // 87 *Yale Law Journal*. 1977-78. P. 240; *Weinreb L.* Continental Criminal Procedure: «Myth» and Reality // *Ibid.* P. 1549.

⁴⁶ *Langbein J.* 1) Controlling Prosecutorial Discretion in Germany // 4 *University of Chicago Law Review*. 1977. P. 439; 2) Mixed Court and Jury Court: Could The Continental Alternative Fill the American Need? // *American Bar Foundation Research Journal*. 1981. P. 195.

⁴⁷ *Уайнреб Л. Л.* Отказ в правосудии. Уголовный процесс в США. М., 1985. С. 37-38, 66, 67, 135; *Frase R. S.* Comparative Criminal Justice as a good to American Law Reform: How the French Do It, How We Find Out and Why Should We Care? // 78 *California Law Review*. 1990. P. 542.

⁴⁸ *Pizzi W.* The O. J. Simpson Trial and the American Legal System // 145 *New Law Journal*. 1995. P. 990.

⁴⁹ См., напр.: *Silver J. S.* Equality of Arms and the Adversarial Process: a New Constitutional Right // 4 *Wisconsin Law Review*. 1990. P. 1035.

Введение

склонного слишком быстро судить о том, что еще не полностью известно, на основании заранее установленных образцов.⁵⁰

Отмечается также, что состязательное судебное разбирательство получает в последнее время новые перспективы своего развития, связанные в целом с возможностью самих судей реформировать свое собственное право, опираясь на его каноны и следуя его принципам,⁵¹ и, в частности, с техническим прогрессом (например, в области передачи визуальных изображений).⁵²

Не менее последовательны и сторонники «классического» построения немецкого и французского уголовного процесса, фактически вообще отрицающие необходимость разделения сторон и борьбы между ними.⁵³

Несмотря на порой существенную теоретическую разногласию, практически реформы судопроизводства продолжают в пределах стран как континентального, так и общего права. Главным стимулом и фундаментом для этого в Западной Европе стала Европейская конвенция о правах человека (ЕКПЧ), к настоящему времени распространившая свое влияние (через ЕСПЧ) почти на все европейские страны.⁵⁴ Можно сказать, что уголовный процесс этих стран стала объединять одна «философия»,⁵⁵ основанная на следующих всеобщих и нераздельных ценностях:

— человеческое достоинство (запрет пыток, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения);

— свобода (право на свободу и личную неприкосновенность, право на уважение своей частной и личной жизни, своего жилья и своих коммуникаций, право на защиту данных личного характера);

⁵⁰ Бернэм У. Суд присяжных заседателей. М., 1995. С. 94; Франковски С, Гольдман Р., Лентовска Э. Верховный Суд США о гражданских правах и свободах. Варшава, 1998. С. 224-226; Фридмэн Л. Введение в американское право. С. 61; и др.

⁵¹ Романов А. К. Правовая система Англии. С. 77-78.

⁵² Comparative Criminal Procedure. P. 14.

⁵³ Pradel J. Procédure pénale. 9 ed, Paris, 1999. P. 165; Розэ Г. Введение в немецкое уголовно-процессуальное право. Красноярск, 2001. С. 41, 61-65; Гуценко К. Ф., Головкин Л. В., Филимонов Б. А. Уголовный процесс западных государств. С. 294-297, 402-410; и др.

⁵⁴ Для стран Европейского Союза (ЕС) это привело к принятию 7 декабря 2000 г. Хартии ЕС об основных правах — наднационального правового акта, согласованного с ЕКПЧ по смыслу и пределам совпадающих прав и свобод.

⁵⁵ По мнению К. Осаке, эта философия — один из фундаментальных признаков отнесения того или иного национального права к западному типу (Осаке К. Сравнительное правоведение в схемах. С. 43-44).

Введение

— равенство (все равны перед законом, дискриминация недопустима);

— правосудие (право на эффективные средства правовой защиты и на доступ к беспристрастному суду, право обвиняемого на презумпцию невиновности и соблюдение прав на защиту, право не привлекаться к суду дважды за одно и то же преступление).

Уголовное судопроизводство Англии и Уэльса, Германии и Франции (как и ряда других стран) уже давно находится под пристальным вниманием ЕСПЧ, оценивающего его именно с этих позиций.

Франция подвергалась критике за растянутость досудебного производства и длительность сроков содержания под стражей, неспособность в полной мере гарантировать презумпцию невиновности обвиняемого и его право на защиту путем дачи показаний и вызова собственных свидетелей, за недостаточное ограждение прав личности при собирании и изъятии доказательств, прослушивании телефонных переговоров, чрезмерную закрытость предварительного расследования (деятельности следственного судьи), допущение случаев жестокого обращения с обвиняемыми и нарушения права на беспристрастный суд.⁵⁶ Осуждался также и известный дисбаланс между обвинением и защитой во французском судопроизводстве (хотя при этом ЕСПЧ жестко не связывал справедливость, честность процедуры с буквальным соблюдением равенства сторон, полагая, в частности, что одновременное неучастие сторон в суде либо участие лишь одного обвинителя, выступающего в роли объективного толкователя права, совместимо с принципом равенства исходных условий).⁵⁷

Не остались вне критики ЕСПЧ немецкая и английская процессуальные системы. В Англии и Уэльсе отмечались нарушения прав на гласность судебного разбирательства дела, конфиденциальность контактов с адвокатом, назначение защитника в интересах правосудия, гуманное обращение и др.; в Германии — на презумпцию

⁵⁶ *Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т. 1. М., 2000. С. 698-704, 755-767; Т. 2. С. 85-93, 196-206.* — См. также официально опубликованные решения Европейского Суда по правам человека на английском языке: *Morganti v France* (1996) 21 EHRR 34; *Tomasi v France* (1993) 15 EHRR 1; *Dobhertin v France* (1993) 16 EHRR 558; *Delta v France* (1993) 16 EHRR 574; *Saicli v France* (1994) 17 EHRR 251; *Miaillhe v France* (1993) 16 EHRR 332; *A v France* (1994) 17 EHRR 462.

⁵⁷ *Гомьен Д., Харрис Д., Зваак Л.* Европейская конвенция о правах человека и Европейская социальная хартия: право и практика. М., 1998. С. 222-224.

Введение

невиновности, неприкосновенность жилища, бесплатную помощь переводчика и др.⁵⁸

Хотя английское и германское судопроизводство в меньшей степени чем французское осуждалось ЕСПЧ, это не означает меньшую распространенность злоупотреблений правами человека в практике первых двух стран. Просто соответствующие нарушения рассматривались в большей мере на национальном уровне.⁵⁹

Во всяком случае, деятельность ЕСПЧ не прошла бесследно и вылилась в серьезное реформирование законодательства и уголовно-процессуальной практики рассматриваемых стран.

В Англии и Уэльсе была принята целая серия законодательных актов, направленных на улучшение правосудия и защиты по уголовным делам. Среди них особое место занимают: Закон о полиции и доказательствах по уголовным делам 1984 г. (с изм. и доп., в том числе по Закону об уголовном правосудии 2003 г.), который закрепил право арестованного подозреваемого на участие в его деле адвоката, ограничил задержание (арест) жесткими сроками; Закон о правах человека 1998 г., легитимировавший ЕКПЧ и установивший правила ее толкования и уяснения в судах; Закон о судах и правовом обслуживании 1990 г., направленный на обеспечение слияния существующих корпораций юристов (солиситоров и барристеров) в единую корпорацию (адвокатуру) и призванный улучшить оказание юридических услуг, в том числе и по уголовным делам; Закон об обеспечении доступа к правосудию 1999 г., содействующий оказанию реальной помощи неимущим обвиняемым.⁶⁰

Германское уголовно-процессуальное законодательство (прежде всего УПК) неоднократно перерабатывалось, изменялось и дополнялось. Закон об изменении уголовного процесса 1964 г. расширил права защитника на ознакомление с материалами уголовного дела и общение с обвиняемым, установил обязанность подробного разъяснения обвиняемому его права на отказ от дачи показаний; первый Закон по изменению уголовно-процессуального права 1974 г. расширил право защитника присутствовать при допросах обвиняемого, предусмотрел назначение защитника в производстве по вновь открывшимся обстоятельствам; Закон по защите жертвы 1986 г. увеличил

⁵⁸ См. подробнее: Там же.

⁵⁹ *Comparative Criminal Procedure*. Р. 12.

⁶⁰ См. подробнее: *Гуценко К. Ф., Головки Л. В., Филимонов Б. А. Уголовный процесс западных государств*. С. 49-62.

объем прав потерпевших в уголовном процессе; Закон о защите свидетелей 1997 г. урегулировал порядок проведения «шадящих» допросов несовершеннолетних и лиц, подвергающихся опасности (вне стен суда с последующей трансляцией видеозаписи), предусмотрел для них в отдельных случаях возможность пользоваться услугами адвоката за счет государства.⁶¹

Во Франции уголовно-процессуальный закон (в первую очередь имеется в виду УПК) подвергался частым и значительным изменениям. По Закону от 17 июня 1970 г. введен так называемый судебный контроль как альтернатива предварительному заключению под стражу. Закон от 10 июля 1991 г. «О перехвате сообщений, передаваемых с помощью средств телекоммуникации» детально урегулировал порядок производства данного следственного действия с точки зрения соблюдения прав человека. Целым рядом законодательных актов установлен предельный срок содержания под стражей (от 6 августа 1975 г., от 9 июля 1984 г., от 6 июля 1989 г., от 30 декабря 1996 г. и от 15 июня 2000 г.), ранее не существовавший. Закон от 30 декабря 1996 г. расширил права адвоката знакомиться с материалами дела в ходе предварительного следствия.⁶²

Эти (приведенные здесь для примера) и другие изменения законодательства рассматриваемых стран, подкрепленные последовательными усилиями всего европейского сообщества в деле создания единого правового пространства (прежде всего, но не исключительно в области прав человека), не могли не вызвать определенного оптимизма в вопросе о возможности и даже неизбежности не только гармонизации, но и унификации континентальной и англосаксонской систем судопроизводства посредством внедрения общих принципов, стандартов и правил правосудия.⁶³

Вместе с тем реформы уголовного процесса, проводимые на национальном уровне, хотя и исходили из общих принципов, не привели к существенному стиранию различий. На основании этого некоторые авторы проблематизируют процесс сближения указанных выше уголовно-процессуальных систем. Как принципиально возможные рассматриваются три варианта:

⁶¹ Там же. С. 410-416.

⁶² Там же. С. 298-301.

⁶³ См. об этом, напр.: *Nijboer /J. F. Common Law Tradition in Evidence Scholarship Observed from a Continental Perspective// 41 American Journal of Comparative Law. 1993. P. 299, 311, 331.*

- слияние в один тип (с сохранением национального своеобразия);
- доминирование одной системы судопроизводства над другой;
- сохранение глубоких (межтиповых) различий.⁶⁴

Для первого варианта значимым является вопрос о том, действительно ли общая философия уголовного процесса, европейские стандарты правосудия и судебная практика ЕСПЧ способны соединить традиционно рассматриваемые как противоположные ценности двух систем (континентального и общего права) или привести к таким взаимным заимствованиям, которые сделают это противопоставление не существенным.

Для второго — нет ли риска распада данных систем в результате наиболее радикальных заимствований, несовместимых с более глубокими общественными ценностями, обеспечивающими целостность всего государственного и общественного организма.

Для третьего — можно ли считать типовые различия естественными в пределах правового пространства стран, разделяющих ценности свободы, равенства и солидарности, могут ли различия углубляться, не будет ли их сохранение препятствовать интеграционным процессам.

Для всех трех — зависит ли степень успешности (или неуспешности) борьбы с преступностью, уровень защиты прав и свобод человека от наличия или отсутствия типовых (англосаксонский и романо-германский тип) либо видовых (германский, французский вид) различий вообще, возможно ли независимо от таких различий появление и осуществление общих уголовно-процессуальных стратегий, способны ли эти стратегии влиять на сближение национальных уголовно-процессуальных правовых систем и является ли столь значимым вопрос о типовых и видовых различиях разновидностей уголовного процесса, если в их пределах реализуются общие или очень сходные стратегии.

В первом случае необходимо акцентировать внимание на том, что обе системы сориентированы на соблюдение и защиту прав человека, требующих надлежащей правовой процедуры (процессуальной справедливости), и на контроль над преступностью, требующий обнаружения истины и наказания преступников (материальной справедливости).

Во втором — на детерминированности правовой процедуры характером институциональной организации учреждений процессуальной власти, расхождении ценностей государственной защиты личности от беззакония чиновников и судебной защиты личности от злоупотреблений государственной власти, на взаимозависимости

⁶⁴ *Criminal Justice in Europe*. Oxford, 1995. P. 41.

между степенью иерархизации или автономии процессуальных властей и их способностью соблюдать права человека и эффективно бороться с преступностью (сдерживать ее).

В третьем — на способности континентальной и англосаксонской систем судопроизводства решать сходные проблемы, на создании и развитии наднациональных европейских учреждений уголовной юстиции и уголовно-процессуального права, на переводе существующих на национальном уровне межтиповых противоречий на второй план, прямом использовании прецедентов ЕСПЧ национальными судами, на заимствованиях и условиях их адаптации.⁶⁵

Во всех трех — на единстве уголовной и уголовно-процессуальной политики, являющейся ответом на «вызовы» преступности (общей по своей природе и признакам во всех рассматриваемых странах).

Постановка указанных проблем позволяет определить общие цели исследования английского, американского, немецкого, французского и российского уголовного процесса: 1) сформулировать общие уголовно-процессуальные стратегии; 2) выявить ценности, объединяющие и разделяющие эти разновидности уголовного процесса; 3) установить сходные и отличные способы удержания (защиты) этих ценностей; 4) определить условия, при наличии которых разделяющие ценности могут быть совместимы, а отличные способы взаимно адаптированы; 5) выделить области, где возможны заимствования; 6) оценить значимость общих уголовно-процессуальных стратегий для сближения национальных уголовно-процессуальных систем.

Причем применительно к российскому уголовному процессу следует как минимум:

- провести его типизацию по английскому, немецкому и французскому эталонам (т. е. определить, к какому из них он ближе всего);
- выделить области произведенных заимствований;
- выявить противоречия между произведенными заимствованиями и практикой;
- определить необходимость и практическую возможность новых заимствований с точки зрения реализации общих уголовно-процессуальных стратегий.

⁶⁵ Сказанное прямо или косвенно вытекает из ряда работ: *Ashworth A. The Criminal Process: An evaluative study. Oxford, 1998. P. 27-28; Gibson J. I., Caldeira G. A. The Legal Culture of Europe// I Law and Society Review. Vol. 30. 1996. P. 55-85; Damaska № R. Structures of Authority and Comparative Criminal Procedure// 84 Yale Law Journal. 1975. P. 480; The European System for the Protection of Human Rights / Ed. By K. Macdonald, F. Matscher, Li. Petzold. Dordrecht, 1993. P. 25-41; и др.*

Глава I

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА ЗАПАДНЫХ ГОСУДАРСТВ И РОССИИ

§ 1. Типологический подход к сравнительному изучению уголовного процесса западных государств и России: основные типологии

Разновидности уголовного процесса в Англии и Уэльсе, США, Германии, Франции и России представляют собой конкретные правовые реальности,¹ сложившиеся в результате длительной исторической эволюции. На теоретическом уровне сравнения они типизируются путем выделения общих существенных признаков и классифицируются путем распределения по родственным группам на основании типичных сходств и различий.²

На протяжении длительного времени типологизация (типизация и классификация) уголовного процесса названных стран проводилась, главным образом, по критерию разделения и взаимосвязи функций обвинения, защиты и правосудия (т. е. по типовым признакам этого разделения и взаимосвязи).³ В соответствии с этим критерием в XIX в. большинство ученых исходили из деления уголовного

¹ Под правовой реальностью здесь понимается объективный мир права, который рассматривается многоаспектно: как правовые нормы и правовые принципы, судебные прецеденты и судебная практика, правовая политика и правовая идеология, и т. п. О многоаспектном понятии права (праве в действии, в жизни) см. подробнее: Керимов Д. А. Философские основания политико-правовых исследований. М., 1986. С. 152-198.

² О понятиях «типология», «типизация», «классификация» см.: Советский энциклопедический словарь. М, 1980. С. 1341; Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 685; Философский словарь. М., 1988. С. 157.

³ Чельцов-Бебутов М. А. Курс уголовного судопроизводства: Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. СПб., 1995. С. 22.

процесса на розыскной, состязательный и «смешанный».⁴ К началу XIX в. российский и германский (отдельных германских государств) уголовный процесс характеризовались как розыскные, французский — как «смешанный», а английский (англо-американский) — как состязательный. Позднее, в связи с исчезновением розыскного процесса (по крайней мере, в рассматриваемых странах), такое деление уступило место другому: состязательный (английский) и «смешанный» (германский, российский, французский).⁵ Причем классически «смешанным» считался прежде всего французский уголовный процесс образца Кодекса Наполеона 1808 г., который сочетал в себе розыскное досудебное производство (тайное, письменное с полным господством официального начала и игнорированием интересов обвиняемого) и состязательное судебное разбирательство (устное, гласное с сохранением следственной активности суда).⁶

В то же время развитие уголовного процесса всех указанных стран к концу XIX в. привело к тому, что ряд ученых обратили внимание на отсутствие чисто розыскного или чисто состязательного судопроизводства: существуют лишь национальные формы, воплощающие в себе черты того и другого типа. Например, И. Я. Фойницкий, оценивая русский уголовный процесс как «смешанный», говорил о сочетании в нем: порядков розыскного и состязательного; самостоятельности обвинительной власти и судебного контроля над ней; устноеTM и письменности; гласности и негласности; суда с участием и без участия народного элемента.⁷ Аналогичным образом некоторые авторы рассматривали и российский уголовный процесс советского времени.⁸

Однако подобная постановка вопроса сразу же с неизбежностью приводит к выводу о том, что смешанная форма является типичной характеристикой каждой национальной формы процесса (во всяком

⁴ Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 1. СПб., 1996. С. 60-61; Случевский В. К. Учебник русского уголовного процесса. СПб., 1895. С. 69-70; Esmein A. A History of Continental Criminal Procedure. London, 1914. P. 14.

⁵ См. подробнее: Чельцов-Бебутов М. А. Курс уголовного судопроизводства. С. 399-452, 473-514, 553-572, 688-828.

⁶ Comparative Criminal Procedure / Ed. J. Hatchard, B. Huber, R. Vogler. London, 1996. P. 10; Гуценко К. Ф., Головкин Л. В., Филимонов Б. А. Уголовный процесс западных государств. М., 2002. С. 8.

⁷ Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. С. 59, 61.

⁸ Строгович М. С. Уголовный процесс. М., 1946. С. 37; Полянский Н. Н. Основные формы построения уголовного процесса // Ученые записки Московского университета. Труды юридического факультета. 1949. Вып. 145. С. 51.

случае, в пределах западного права, которое имеется здесь в виду). Вот почему в науке уголовного процесса утвердилось мнение, что различие национальных форм уголовного процесса должно производиться по-другому (по иным критериям и основаниям).

Можно выделить несколько основных типологий (типологизаций) уголовного процесса: *сравнительно-исторические* (частно-обвинительный, розыскной и состязательный, или смешанный; рабовладельческий, феодальный, буржуазный и социалистический; обвинительный, розыскной, состязательный и смешанный; состязательный, розыскной и смешанный; состязательный и розыскной; английский, германский и французский архетип) и *сравнительно-правовые* (обвинительный (розыскной, инквизиционный, следственный) и состязательный («процессуальный»); романо-германский (континентальный) и англосаксонский (англо-американский); английский, германский и французский).

В *сравнительно-историческом* подходе предлагалось делить уголовный процесс по этапам его исторического развития на *частно-обвинительный* (активные стороны и нейтральный пассивный судья), *розыскной* (активный суд, обвинитель — доноситель, обвиняемый — объект исследования для суда, тайное письменное производство, допустимость пытки, формализм и мелочность правил), *состязательный, или смешанный* (сочетание розыскных и состязательных начал).⁹

Следует заметить, что такое деление, хотя и представлено как обобщение теоретических взглядов ведущих западных и русских процессуалистов XIX— начала XX в.,¹⁰ вступает в явное противоречие с некоторыми из них.

Так, известный английский ученый Д. Стифен определял уголовный процесс как разрешаемый при посредничестве суда частный спор двух сторон — государства (обвинитель) и гражданина (обвиняемый), "в котором обвинитель стремится достигнуть того, чтобы обвиняемый был наказан, а обвиняемый старается избежать наказания...". Эта трактовка, данная в XIX в., ничуть не изменилась. Английский суд по прежнему рассматривается как рефери, или посредник, не выступающий от имени или на стороне государства,

⁹ Чельцов-Бебутов М. А. Курс уголовного судопроизводства. С. 21.

¹⁰ Там же.

¹¹ *Stephen.J. F. A general view of the criminal law. London, 1863. P. 197* (цит. по: Чельцов-Бебутов М. А. Курс уголовного судопроизводства. С. 575). — См. также: Стифен Д. Уголовное судопроизводство вообще, английское в особенности, изложенное сравнительно с шотландским и французским. СПб., 1864.

которое в свою очередь является всего лишь одним из субъектов права.¹² Причем если взгляды Д. Стифена могли быть охарактеризованы как наивно-теоретические, основанные на эмпирическом уровне обобщений,¹³ то этого нельзя сказать о современных научных представлениях. Исследователи английского суда (например, цитируемый ниже Дж. Гриффите) прекрасно понимают, что «судьи неизбежно определяют общественный интерес с позиций своего класса. А общественный интерес, определенный таким образом, естественным образом становится интересом власть имущих, будь то правительство, Сити или церковь. Он включает в себя поддержание порядка, защиту частной собственности, решение определенных экономических задач, сдерживание профсоюзного движения и сохранение правительства».¹⁴ Исходя из этого, самостоятельность судебной власти определяется, с одной стороны, политикой назначения судей, когда на должность судьи отбираются опытные и преуспевающие представители юридического сословия, а с другой — правосознанием судей, воспитанных в традиции борьбы со злоупотреблениями государственных властей и ощущающих себя независимыми от них.¹⁵

Аналогично обстоит дело в немецкой и французской юридической литературе.

Французская процессуальная мысль XIX в., ориентированная вначале на заимствование английского образца,¹⁶ всегда исходила из признания интересов государства и обвиняемого в одинаковой мере значимыми для общества. Именно по этой причине возникает необходимость в их согласовании, которое должно осуществляться путем подчинения процессуальных правил производства по делу единой цели — достижению истины (с тем, чтобы действительно виновный человек не мог избежать наказания или отдалить его).¹⁷

¹² См. напр.: *Zander M.* *A matter of justice. The legal system in ferment.* New York, 1989. P. 140; *David R., Brierley J. E.* *C Major Legal Systems in the World Today.* London, 1985. P. 339. — См. также: *Романов А. К.* *Правовая система Англии.* М., 2002. С. 79-80; 231.

¹³ *Чельцов-Бебутов М. А.* Курс уголовного судопроизводства. С. 573-574 и др.

¹⁴ *Griffiths J. A. G.* *The Politics of the Judiciary*, 3rd ed. London, 1989 (цит. по: *Брейнсма Ф.* Три этапа юридического образования // *Юридическое образование: новые подходы в России и Западной Европе.* М., 2001. С. 56).

¹⁵ *Ллойд Д.* *Идея права.* М., 2002. С. 293-294; *Брейнсма Ф.* Три этапа юридического образования. С. 55-56.

¹⁶ *Чельцов-Бебутов М. А.* Курс уголовного судопроизводства. С. 580-587.

¹⁷ *Helie F.* *Traite de L'instruction crimenelle ou theoric du code d'instruction crimenelle.* 2 cd. Paris, 1867. Т. LP. 1-2; *Garraimnd R.* *Trate theorique el pratique d'instruction crimenelle et de procedure penale.* Paris, 1907. Т. 1. P. 4-5, 9 (приводится по: *Чельцов-Бебутов М. А.* Курс уголовного судопроизводства. С. 582-586).

Развитие данных положений в XX в. привело французскую теорию к выводу, что представление об уголовном процессе как о состязании сторон (дуэли, споре) не соответствует действительности, поскольку «на самом деле, судья, прокурор и адвокат пытаются сообща найти выход из сложившейся ситуации».¹⁸

Подобно своим французским коллегам, некоторые немецкие процессуалисты XIX в. также по началу стремились к подражанию английской состязательной конструкции, рассматривая в качестве движущей силы процесса активность равноправных сторон.¹⁹ Однако другие ученые считали, что суд не может быть зависим от произвола сторон, а состязательность есть лишь внешняя форма публично-правовой деятельности всех государственных органов, включая суд, который выполняет служебный долг и преследует общую с обвиняемым цель.²⁰ Впоследствии, уже в XX в., немецкая теория стала полностью отрицать понятия сторон и состязательности в традиционном (англосаксонском) смысле и относить германский уголовный процесс к особому обвинительно-следственному типу, судебное разбирательство в котором возможно лишь на основе возбужденного прокуратурой публичного обвинения и осуществляется судом самостоятельно и независимо от участников производства по делу.²¹

Известной альтернативой такому делению в рамках того же сравнительно-исторического подхода было деление на исторические типы, предложенное М. А. Чельцовым-Бебутовым. Используя формационный критерий, он выделил следующие типы уголовного процесса: *рабовладельческий, феодальный, буржуазный и социалистический*.²² При этом ученые, следующие этой типологии, отмечали,

¹⁸ Pradel J. *Procédure pénale*. 9 ed, Paris, 1997. P. 165 (цит. по: Гуценко К. Ф., Головкин Л. В., Филимонов Б. А. Уголовный процесс западных государств. С. 3 11).

¹⁹ См. подробнее: Чельцов-Бебутов М. А. Курс уголовного судопроизводства. С. 587-593. — См. также: Plank J. *Systematische Darstellung des deutschen Strafverfahrens*. Göttingen, 1857.

²⁰ Heinze L. *Dispositionsprinzip und Offizialprinzip. Verhandlungsform und Untersuchungsform*. Göttingen Archiv. 1876. S. 265-310; Vach A. *Struktur des Strafprozesses* (Separatdruck aus der Festgabe für Binding). 1914. S. 5. 7-8, 19 (приводится по: Чельцов-Бебутов М. А. Курс уголовного судопроизводства. С. 587-593).

²¹ См. об этом: Гуценко К. Ф., Головкин Л. В., Филимонов Б. А. Уголовный процесс западных государств. С. 402-410; Жалинский А., Рёрихт А. Введение в немецкое право. М., 2001. С. 714-716. — См. также: Roxin C. *Strafverfahrensrecht*. 24. Aufl. München, 1995.

²² Чельцов-Бебутов М. А. Курс уголовного судопроизводства. С. 22-24, 156 159, 365-367, 610-614. — См. также: Нажимов В. П. Типы, формы и виды уголовного процесса. Калининград, 1977. С. 31; и др.

что различение *розыскного, состязательного и смешанного* видов *судопроизводства* не отражает его поступательного исторического развития, так как не учитывает возможность их существования и повторения в пределах одной и той же исторической эпохи.²³

Будучи чрезмерно идеологизированной, такая классификация была отвергнута как в отечественной, так и в зарубежной литературе,²⁴ тем более что автор классификации в своем анализе не привнес ничего нового в объяснение типологических особенностей уголовного процесса той или иной исторической эпохи (по причине жесткой связанности идеологическими и политическими требованиями) и постоянно опирался на критикуемое им прежнее деление судопроизводства.

Вместе с тем нельзя не отметить, что историческая типология М. А. Чельцова-Бebutова окончательно не потеряла своего научного значения не только потому, что представляет собой масштабную панораму исторического развития уголовного процесса многих стран мира, но и в силу указания на взаимосвязь права и форм его реализации с экономическими, политическими и иными конкретно-историческими условиями. Учет такой взаимосвязи является аксиомой современного сравнительного правоведения.²⁵ Более того, в современной теории права формационный подход (после избавления его от чрезмерного «идеологизаторства» при использовании) по-прежнему остается востребованным и развивается, чему в немалой степени способствует расплывчатость и неопределенность критериев, применяемых в так называемом цивилизационном подходе.²⁶

В связи с этим обращает на себя внимание появление в современной литературе ряда типологий, так или иначе объясняющих смену исторических типов уголовного процесса (или указывающих на нее) с новых (не вульгарно классовых) социально-теоретических позиций.

Одним из первых подобную типизацию провел Ю. В. Мещеряков, который выделил четыре формы уголовного процесса: *обвинительную*,

²³ Полянский Н. Н. Вопросы теории советского уголовного процесса. М., 1956. С. 137.

²⁴ См. напр.: Смирнов А. В. Модели уголовного процесса. СПб., 2000. С. 8-9; *Comparative Criminal Procedure*. Р. 7.

²⁵ См., напр.: Осаке К. Сравнительное правоведение в схемах: Общая и Особенная части. М., 2002. С. 23.

²⁶ См. об этом, напр.: Марченко М. Н. Теория государства и права. М., 2004. С. 151-159.

*розыскную, состязательную и смешанную.*²⁷ С его точки зрения, это родовые формы, представленные им в признаках близких к тем, которые выделяли ученые еще в XIX в., или к тем, которые были обобщены в исторической схеме М. А. Чслыдова-Бебутова, воспроизведенной нами выше. Причем речь шла именно об исторической типизации, основанной на определении существенных, наиболее устоявшихся в своих проявлениях признаков уголовного процесса. Эти признаки рассматриваются во взаимосвязи с формой государства и историческим развитием, позволяя осветить историческую процессуальную форму с учетом всей культуры (в широком смысле слова) конкретного общества (включая соотношение индивида и коллектива, степени свободы или несвободы личности и т. п.),²⁸ а не только с точки зрения своеобразия политического режима или классовых отношений.²⁹

Идеи Ю. В. Мещерякова хотя и не получили своего завершения в характеристиках современного процесса, обладали большим потенциалом и привели к появлению еще трех исторических типизаций.

Одна из них была предложена С. Д. Шестаковой и, по сути, является творческой интерпретацией исторических форм уголовного процесса Ю. В. Мещерякова. Правда, в отличие от него она действовала скорее «чисто» теоретически и не в историческом, а исключительно в собственно правовом (нормативном) контексте, вкладывая в уже известные науке конструкции *состязательного, розыскного и смешанного процесса* свое особое содержание. Для нее критерием деления на указанные формы является соотношение процессуальных статусов (совокупности прав и средств их осуществления) органов уголовного преследования и обвиняемых (подозреваемых) на досудебном и судебном этапах судопроизводства.³⁰ При таком подходе состязательная форма процесса характеризуется равенством статусов названных участников на всех этапах, розыскная — неравенством на всех этапах, смешанная — равенством на судебном этапе и неравенством на досудебном этапе. В теоретическом отношении (как инструмент научного познания) это вполне приемлемо,

²⁷ Мещеряков Ю. В. Формы уголовного судопроизводства. Л., 1990. С. 20-24.

²⁸ Там же. С. 64-65; 89-91.

²⁹ Такой односторонний подход был характерен для советского периода развития науки. См., напр.: Полянский Н. Н. Вопросы теории советского уголовного процесса. С. 37; Нажимов В. П. Типы, формы и виды уголовного процесса. С. 79; и др.

³⁰ Шестакова С. Д. Состязательность уголовного процесса. СПб., 2001. С. 13, 21-22.

однако, как минимум, требует подтверждения исторической достоверности существования данных форм и их разновидностей, и, как максимум, — сравнения национальных видов уголовного процесса различных стран. Иначе говоря, нужны исторические и современные «детали», которые в теоретически весьма интересной работе С. Д. Шестаковой отсутствуют. Не случайно, по-видимому, те сравнительные оценки, которые все же упомянутый автор дает, порой существенно расходятся с оценками специалистов, изучавших уголовный процесс той или иной страны со сходных или близких позиций. Например, современный английский процесс характеризуется С. Д. Шестаковой как частно-исковая разновидность состязательной формы судопроизводства.³¹ В то же время еще известный русский процессуалист И. Я. Фойницкий отмечал, что уже в XIX в. обвинение в Англии носило публичный, государственный характер.³² Аналогичного мнения придерживаются и современные исследователи, полагая, что частное уголовное преследование существует в Англии и Уэльсе лишь теоретически. Практически же это случается очень редко (как и в других европейских странах), поскольку признаваемое в силу традиции право каждого дееспособного лица на уголовное преследование за любые преступления (даже особо опасные) находится под столь сильным государственным контролем, что сводится на нет.³³

Другая историческая типизация представлена А. В. Смирновым.³⁴ Она предполагает деление уголовного процесса на два идеальных типа: *состязательный* и *розыскной*. Их характеристика очень близка к традиционному представлению, сложившемуся в литературе: *состязательный* характеризуется наличием двух спорящих противоборствующих сторон, их процессуальным равноправием и арбитражным методом правового регулирования (разрешения спора) в рамках трехстороннего юридического отношения (независимый суд — автономное обвинение — автономная защита), *розыскной* — отсутствием сторон, полным слиянием функций обвинения, защиты и правосудия в руках одного органа и административным

³¹ Там же. С. 29.

³² Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. С. 29.

³³ См. об этом, напр.: Гуценко К. Ф., Головки Л. В., Филимонов Б. А. Уголовный процесс западных государств. С. 62-64; AslInvorlh A. The Criminal Process. An evaluative study. Oxford, 1998. P. 35.

³⁴ Смирнов А. В. Состязательный процесс. СПб., 2001.

методом правового регулирования в рамках субъект-объектного отношения (где обвиняемый лишь объект и нет места спору).³⁵

В основании такого деления лежит степень социальной свободы, соотношение интересов личности и государства в самом широком смысле слова.³⁶ Причем в первом типе свобода есть (в той или иной форме ее выражения), а во втором — нет (отсутствуют достаточные гарантии защиты личных интересов).³⁷

Каждый из данных типов в свою очередь делится на виды.

Состязательный — на обвинительный или аккузационный (приговор суда определяется не убедительностью доводов сторон, а соблюдением ими формальных условий состязания),³⁸ частно-исковой (суд пассивен, стороны формально равны; бремя доказывания равномерно распределено между сторонами; обвинитель собирает только уличающие доказательства, защитник — только оправдывающие),³⁹ публично-исковой (потерпевшему предоставляется официальная поддержка государства, вплоть до замены его в судебном споре; официальное уголовное преследование особо опасных преступников, если потерпевший отсутствует; предоставление дополнительных пассивных юридических гарантий стороне защиты в целях уменьшения фактического неравенства обвиняемого с государством) и постсостязательный, или состязательно-дискурсивный (функциональное равноправие и активность сторон; целесообразность публичного обвинения и возможность примирения сторон путем медиации; субсидиарная активность суда на всех стадиях процесса).⁴⁰

Розыскной — на уголовную расправу (процессуальная деятельность соединена с административной; неразвитость судебной процедуры; отсутствие формальной системы доказательств и большая роль судейского усмотрения),⁴¹ ассизу (судьям, представляющим центральную власть, под присягой сообщают обо всех очевидных преступлениях; доказательства не обязательны; вопрос о виновности решается с помощью ордалий),⁴² инквизиционный (функции обвинения

³⁵ Там же. С. 18-27, 111.

³⁶ Там же. С. 27-31.

³⁷ Там же. С. 27, 111.

³⁸ Там же. С. 31-37.

³⁹ Там же. С. 41-48.

⁴⁰ Там же. С. 258.

⁴¹ Она имеет разновидности: общинное дознание, вотчинный суд, уголовно-административная расправа, военно-полевой суд (Там же. С. 111-117).

⁴² Там же. С. 117-119.

и правосудия слиты воедино; суд отделен от администрации, но подотчетен ей; процессуальная деятельность достаточно урегулирована законом; судебское усмотрение минимально; формальная система доказательств, где господствует признание под пыткой; толкование сомнений против обвиняемого),⁴³ следственный (официальное предварительное следствие; рациональность, письменность, безличность; строгая регламентированность судебной процедуры),⁴⁴ судебный приказ (административный метод регулирования; ограниченная сфера применения — дела о преступлениях, не представляющих большой общественной опасности; упрощенный и ускоренный порядок производства за счет отсутствия сторон, устности и непосредственности; гарантирование обвиняемому альтернативной состязательной процедуры).⁴⁵

Совершенно очевидно, что эта типология есть результат обобщения, идеализации реальных черт уголовного процесса, существовавшего, главным образом, у европейских народов в разные исторические эпохи (о чем свидетельствуют отчетливые исторические аналоги, многочисленные исторические детали и схожесть с исторической схемой развития уголовного процесса). С полным основанием она может быть названа исторической цивилизационной типологией. Будучи результатом творческого использования современной социальной теории, эта типология заменила вульгарно-классовую трактовку исторических типов процесса М. А. Чельцова-Бебутова. В этом состоит несомненная научная заслуга автора.

Правда, в литературе встречаются критические замечания в адрес приведенной типологии. Суть их состоит в том, что она якобы исключает существование смешанных типов процесса, включает в себя отсутствующие в современный период виды судопроизводства и потому малопригодна для сравнительно-правовых исследований.⁴⁶

По меньшей мере, эта критика несправедлива. Дело заключается в том, что А. В. Смирнов ставил перед собой задачу построения теоретической модели нового, формирующегося, с его точки зрения, вида процесса — дискурсивно-состязательного, являющегося логическим продолжением исторически поступательного развития уголовного

⁴³ Там же. С. 119-121.

⁴⁴ Там же. С. 121-123.

⁴⁵ Там же. С. 123-124.

⁴⁶ Семухина О. Б. Типология уголовного процесса англо-американской и романо-германской правовой систем. С. 4-5.

судопроизводства. Для ее решения ему не нужно было классифицировать современные уголовно-процессуальные системы, хотя, разумеется, научная потребность в такой классификации существует, равно как и ее варианты. К тому же, на самом деле А. В. Смирнов вовсе не отрицает реальных смешанных форм процесса, полагая, что на законодательном уровне нет иных форм судопроизводства, кроме *смешанных*.⁴⁷

Однако исторический анализ, проведенный А. В. Смирновым, в конечном счете, приводит к выводу, что в современный период уголовный процесс интересующих нас стран является по преимуществу публично-исковым состязательным, и можно говорить лишь о сохранении отдельных элементов или институтов розыскного типа судопроизводства (например, судебного приказа). С одной стороны, в контексте авторского исследования такой вывод представляется логичным и убедительным, с другой — он вступает в определенное противоречие с еще одной классификацией автора: делением уголовного процесса на *английскую, германскую и французскую исторические формы-архетипы*, взятые в совокупности тех черт, из которых развились все современные национальные виды процесса в мире западного права.⁴⁹ Ведь если это наиболее устойчивые, типичные черты, или даже уникальные, как английский тип, перенять который «в целом не удалось никому, за исключением стран... с англосаксонским, по своим этническим корням, населением»,⁵⁰ то ни о каком общем публично-исковом состязательном судопроизводстве для стран с разными исходными морфологическими типами речи быть не может.

По той же причине не может быть и смешанных исторических форм-архетипов, на чем настаивает А. В. Смирнов.⁵¹ К тому же, если законодательные формы уголовного процесса смешанны лишь в той мере, в какой отражают случайные или второстепенные признаки,⁵² то получается, что морфологическая типизация как самостоятельная вообще не нужна, ибо ее назначение сводится к классификации законодательных форм путем выделения в них того существенного, что сохранилось в исторически неизменном виде.

⁴⁷ Смирнов А. В. Состязательный процесс. С. 134.

⁴⁸ Еще один архетип (шариатский), выделяемый этим автором, нас здесь не интересует.

⁴⁹ Там же. С. 16.

⁵⁰ Там же. С. 134, 157.

⁵¹ Там же. С. 134.

⁵² Там же.

Кроме того, проведение различия между делением уголовного процесса на идеальные типы (состязательный и розыскной) и архетипы (английский, германский, французский) по признаку реальности последних⁵³ вряд ли оправданно. Те и другие типы суть историческая реальность: прошлая и настоящая, сохранившаяся в прежнем виде или трансформированная, и т. п. Их выделение (во всяком случае, в интерпретации автора) опирается как на историческое прошлое, так и на настоящее, и является результатом идеализации реальных признаков уголовного процесса разных стран в различные исторические периоды развития.

Причем не совсем ясно, что имеет в виду автор морфологической типизации: те черты, которые возникли в определенный исторический период, а затем постоянно воспроизводились в ходе исторического развития, или то, что послужило толчком, основой для исторического развития и не сохранилось в неизменном виде. Если неизменные черты, то различия между архетипом и национальным видом как эталоном (образцом) практически стираются, так как образец, отобраный для сравнения, должен быть типизирован, т. е. представлен в типичных признаках соответствующего национального вида уголовного процесса. Если изменяемые, то расхождения между историческим прототипом и современным национальным типом, который от него произошел, могут быть разительными. В первом случае теряет смысл обращаться для сравнительно-правового исследования к контексту исторического прошлого, если, конечно, не требуется показать, что соответствующие черты являются типичными для всех эпох и не менялись. Но тогда это будет типизация и классификация в сравнительно-историческом аспекте. Во втором случае изучение исторического прошлого обязательно и исследование будет исключительно сравнительно-историческим.

Скорее всего, А. В. Смирнов использовал оба указанных варианта. Не отрицая допустимости и полезности подобной идеализации, все же следует заметить, что она, в конечном счете, ведет к смешению сравнительно-исторической и сравнительно-правовой идеальных типологий.

Сравнительно-правовые типологии предельно идеализированы и используются для характеристики современных форм уголовного судопроизводства. Данные в вариациях — *обвинительный и*

⁵³Там же.

состязательный, розыскной (инквизиционный, следственный) и состязательный («процессуальный»), — они как бы встраиваются в более широкую типологию правовых семей, когда соответствующие идеальные типы процесса рассматриваются как модели, используемые для анализа какой-либо группы родственных процессов: общего и континентального (романо-германского) права, общего, континентального и социалистического (так называемое двух- и трехстороннее деление).⁵⁴

Одни авторы разделяют *романо-германский и англосаксонский уголовный процесс* на основе традиционного функционального подхода (соотношения функций обвинения, защиты и правосудия), используя конструкции розыска и состязательности как «чисто» теоретические инструменты анализа реальных форм судопроизводства.⁵⁵ При этом внимание акцентируется на различиях в положении сторон и суда, распределении ролей между ними. В *англосаксонском процессе* подчеркивается его «процедурность», использование состязательного метода, следственная активность сторон при пассивном суде, их несвязанность необходимостью установления истины, самостоятельности обвиняемого, его способности независимо ни от кого решать вопрос о своей виновности (путем признания вины исключить официальное исследование предъявленного обвинения, отказаться от услуг защитника даже по делам об особо опасных преступлениях). В *романо-германском процессе* отмечается его «следственность», использование научного метода исследования обстоятельств дела, активность суда при относительной пассивности сторон, возложение на него обязанности по установлению истины, зависимость обвиняемого от органов уголовной юстиции в решении вопроса о его виновности.⁵⁶

⁵⁴ Damaska M. R. Structures of Authority and Comparative Criminal Procedure// 84 Yale Law Journal. 1975. P. 480; Barton L. G. The Structure of Criminal Procedure. Connecticut, 1987. P. 21; Comparative Criminal Procedure. P. 6; Семухина О. Б. Типология уголовного процесса англо-американском и романо-германской правовых систем. С. 4-8; Решетникова И. В. Доказательственное право Англии и США. М., 1999. С. 24.

⁵⁵ См., напр.: Comparative Criminal Procedure. P. 6.

⁵⁶ Eggleston R. Evidence, Proof and Probability. London, 1983. P. 32; Bayles M. D. Principles of Law: A normative analysis. Boston, 1984. P. 34-35; Zander M. A Matter of Justice. The Legal System in Ferment. P. 140; Comparative Criminal Procedure. P. 8; Флетчер Дж., Наумов А. В. Основные концепции современного уголовного права. М., 1998. С. 163-169; Решетникова И. В. Доказательственное право АНГЛИИ И США. С. 24-37.

Другие авторы типизируют уголовный процесс, исходя из более или менее абстрактных признаков (базовых элементов) его системы или структуры. Так, О. Б. Семухина выделяет цель судопроизводства (удовлетворение государственного, общественного, частного интересов), вид обвинения (государственное, общественное, частное), сущность обвинения (государственная деятельность, уголовный иск), основные элементы принципа состязательности (равноправие сторон, отделение обвинения от защиты, наличие и степень познавательной и организационной активности суда), пределы диспозитивности (степень ее ограниченности или неограниченности).⁵⁷ Л. Бартон выделяет задачи или функции, присущие любому современному процессу: открытие производства по уголовному делу (прием, сбор, фиксация первичной информации о правонарушении, регистрация и оформление правонарушения), доказывание (проверка достоверности первичной информации, получение весомых доказательств для выдвижения обвинения), организация обвинения и защиты (объявление официального обвинения правонарушителю, обеспечение его необходимыми средствами защиты), принятие судебного решения (осуществление специальной процедуры для определения того, является ли обвиняемый действительно виновным или нет), наложение уголовных санкций (установление способа наложения и применения санкций), обжалование (использование средств для пересмотра официально принятых судебных решений).⁵⁸ Таким путем указанные ученые строят свои идеальные (или аналитические) модели и проводят типологии уголовного судопроизводства, имеющие более современные аналоги и не допускающие смещения сравнительно-исторической и сравнительно-правовой классификаций. Об этом свидетельствует, в частности, отказ О. Б. Семухиной от употребления понятия «инквизиционный процесс» как чисто исторического⁵⁹ и опора на понятие «обвинительный процесс» (очень близкое к понятию «обвинительно-следственный процесс», выработанному современными германскими процессуалистами),⁶⁰ а также в целом удачное

⁵⁷ Семухина О. Б. Типология уголовного процесса англо-американской и романо-германской правовой систем. С. 5-8, 75.

⁵⁸ Barton L. C. The Structure of Criminal Procedure. P. 21-25.

⁵⁹ Семухина О. Б. Типология уголовного процесса англо-американской и романо-германской правовой систем. С. 6-7.

⁶⁰ Гуценко К. Ф., Головкин Л. В., Филимонов Б. А. Уголовный процесс западных государств. С. 402-410.

«очищение» Л. Бартоном его признаков-функций от национальной специфики.⁶¹

Однако выводы этих авторов по ряду моментов также вступают в противоречие с действительностью.

Так, О. Б. Семухина полагает, что главная цель *англо-американского* состязательного типа *процесса* — удовлетворение частных правовых интересов с учетом интересов общества и государства, а *романо-германского* — ровным образом наоборот. При этом вид обвинения для первого типа определяется как в основном общественный при наличии государственного публичного, а для второго — как в основном государственный публичный при наличии частного.⁶² Такой взгляд явно не учитывает современных реалий: уголовный процесс в целом в США и в Англии и Уэльсе уже давно является уголовно-политической реакцией государства на преступность. Государство не может отдать, за некоторыми исключениями, на «откуп» ни частным лицам, ни местным сообществам уголовное преследование и правосудие, иначе оно рискует потерять не только контроль над преступностью, но и возможность осуществлять справедливость как общую меру согласия.⁶³ Что же касается так называемого общественного, или народного обвинения, которое осуществляется государственным обвинителем как «адвокатом потерпевшего», то оно является не более чем теоретическим оправданием правовой традиции, восходящей к давно уже исчезнувшей форме частного-искового уголовного судопроизводства. Никакие теоретические «ухищрения» (обвинение в совершении преступлений против частных интересов не есть функция государства, а всего общества; государственный обвинитель представляет интересы общества, а не государства; и т. п.)⁶⁴ не могут скрыть того бесспорного факта, что такой «адвокат» служит интересам потерпевшего лишь в той мере, в какой это не противоречит всеобщим, государственным интересам, связанным с борьбой с преступностью. В *англо-американском уголовном процессе*, как и в *романо-германском*, органы уголовной юстиции представляют

⁶¹ Barton L. G. The Structure of Criminal Procedure. P. 24.

⁶² Семухина О. Б. Типология уголовного процесса англо-американской и романо-германской правовой систем. С. 75.

⁶³ Конкретные аргументы были уже приведены в отношении аналогичной позиции С. Д. Шестаковой.

⁶⁴ Семухина О. Б. Типология уголовного процесса англо-американской и романо-германской правовой систем. С. 26-30.

интересы потерпевшего как государственные или совпадающие с государственными.⁶⁵

Оригинальным вариантом деления уголовного процесса на розыскной (инквизиционный) и состязательный является классификация Л. Бартона. В целом она также базируется на традиционных представлениях об этих типах процесса, но интересна тем, что представляет собой попытку учесть существование уголовного процесса социалистической правовой семьи. Конечно, можно говорить о выделении некоторых характерных черт уголовного процесса социалистической правовой семьи (отсутствие судебного контроля, доминирующая роль прокурора и подчинение ему следователя в досудебном производстве, например).⁶⁶ Однако на юридико-техническом уровне (без учета политических, идеологических и экономических факторов), очевидно, нельзя было отличить судопроизводство этой семьи права от других. Хотя, по-видимому, социальные факторы подразумевались Л. Бартоном, его деление сразу же было отвергнуто по причине явной теоретической несостоятельности и недостаточной «чистоты» критериев, по которым уголовный процесс советской России и Франции относился к инквизиционно-социалистическому виду, а США — к состязательно-капиталистическому.⁶⁷

Не случайно, поэтому, в западной литературе, не отказываясь от самого двухстороннего деления, подвергают критике его основания и выдвигают новые критерии. Так, по мнению ряда авторов, нельзя говорить о противопоставлении двух названных типов процесса, основываясь исключительно на функциональном подходе, который устарел и не соответствует действительности. Акцент нужно делать на организации органов процессуальной власти, которые в континентальном процессе иерархично устроены и подотчетны друг другу (полиция — прокуратуре, нижестоящий суд — вышестоящему суду), а в англосаксонском автономны, не соподчинены в исполнении своих функций и не стремятся к доминированию.⁶⁸

⁶⁵ Разумеется, сказанное не означает, что противопоставление общества (или гражданского общества) и государства вообще лишено смысла. Конечно, нет, но применительно к другой теории и другой практике (или иным аспектам), нежели те, которые обсуждаются О. Б. Ссмужиной.

⁶⁶ *Осакве К.* Сравнительное правоведение в схемах. С. 44.

⁶⁷ *Barton L. G.* The Structure of Criminal Procedure. P. 21.

⁶⁸ *Pataska M. R.* Structures of Authority and Comparative Criminal Procedure. P. 480; *Йорг Н., Фильд С., Брантс К.* Происходит ли сближение следственной и процессуальной систем? // Сборник текстов: Основные принципы современного уголовного права. Ч 4. Предмет 2. Тилбург, 1998. С. 1-3.

Появление вышеприведенной трактовки (как и других, которые мы еще будем анализировать в дальнейшем), по-видимому, закономерно. Дело заключается в том, что в силу ряда причин «классическая» интерпретация не способна дать объяснение современному состоянию уголовного судопроизводства.

Во-первых, она предполагает анализ сравниваемых процессуальных систем, главным образом, на нормативно-правовом уровне, вне социального (прежде всего уголовно-политического) контекста. Сравнение проводится, по сути, механистически или формально-процессуально.⁶⁹

Во-вторых, в качестве оснований деления на рассматриваемые типы процесса берутся, в первую очередь, те, которые проявляют себя на уровне соответствующих им правовых семей, т. е. на более общем уровне, абстрагирующемся в определенной мере от отраслевой конкретики. Как следствие — неизбежность потери каких-то существенных для того или иного типа судопроизводства признаков и ограниченная возможность обнаружения всех тенденций по его изменению.

В-третьих, во внимание принимаются доктрины, сформировавшиеся в предшествующий исторический период и сохраняющиеся в силу правовых традиций (например, теория преимущественно частно-исковой природы английского процесса или отсутствия правового спора в германском и французском процессе), при этом не используются или недостаточно используются достижения смежных юридических наук. В результате, в частности, в *англосаксонском* типе без внимания остается досудебное производство, существенное сокращение сферы применения состязательного метода (суда присяжных), а в *романо-германском* совсем не учитывается или лишь частично учитывается реальное расширение состязательных начал.

Сказанное, по нашему мнению, обуславливает необходимость еще одного типологического подхода. Он может быть назван эталонно-правовым, когда в пределах одной правовой традиции (западной, например) отбираются образцы (эталоны), в качестве которых выступают судопроизводства отдельных стран. В западном праве речь

⁶⁹ На это правильно указывал Ю. В. Мещеряков, отмечая, что еще в XIX в. многие ученые отказались от сравнительного анализа уголовного процесса в политическом или более широком социальном контексте, сосредоточив свои усилия на «чисто» процессуальных схемах {Мещеряков Ю. В. Формы уголовного судопроизводства. С. 15–18}.

идет об *английском, германском и французском уголовном процессе*, обладающих общепризнанной исторической значимостью и влиятельностью. По этим «эталонным» видам судопроизводства типизируются и классифицируются другие национальные процессы, изучается их сближение и расхождение и/или сближение и расхождение уголовно-процессуальных систем стран континентального и общего права.

Очевидно, что данный подход близок морфологическому подходу А. В. Смирнова, но в отличие от последнего обращен к актуальному состоянию права. В то же время, как и иные подходы, он не свободен от указанных выше недостатков и потому нуждается в определенной модификации.

С нашей точки зрения, сравнительный анализ, проводимый в рамках этого подхода, должен быть тесно связан с уголовной политикой, рассматривающей уголовный процесс как уголовно-политическую реакцию государства на преступность. Ибо вне контекста стратегических (политических) целей, которые государство ставит перед органами юстиции, невозможно дать ответы на вопросы о принципиальных (содержательных, ценностных, а не только формально-правовых) сходствах и различиях уголовного процесса английского, немецкого и французского образцов (в рамках правовых семей или групп). Ведь не исключено, что по своим базовым (уголовно-политическим) характеристикам (ценностям) они уже готовы к объединению либо продолжают сохранять основополагающие различия, или совпадают по базовым ценностям, но существенно расходятся по способам и средствам их воплощения в жизнь.

Такой подход (типологический по принципу) нацелен, скорее, не на построение типологии (она здесь лишь следствие), а на выявление общего и особенного, типичного и своеобразного во всех изучаемых национальных видах уголовного процесса с позиций как определяемого уголовной политикой содержания (базовых ценностей), так и формального построения (процедур, правил и т. п.).

Вот почему сравнение российского уголовного процесса с названными национальными видами уголовного процесса (как и сравнение между ними) нужно проводить, исходя из эталонно-правового подхода, рамки которого не только не исключают иных подходов, но и позволяют учесть их достоинства и недостатки. В контексте серьезного реформирования судопроизводства в нашей стране, сопровождающегося широким заимствованием западного опыта, это представляется особенно значимым.

§ 2. Ценностно-правовой подход к сравнительному изучению уголовного процесса западных государств и России: объект, предмет и метод

Вопрос об объекте, предмете и методе любого сравнительно-правового исследования — это вопрос о том, что и как подлежит изучению. Казалось бы, ответ на него достаточно очевиден, но он осложняется двумя обстоятельствами.

Во-первых, когда говорят об объекте и предмете сравнительного правоведения, то имеют в виду науку или теорию, т. е. сравнительную юриспруденцию;⁷⁰ когда же пишут о методе — эмпирическое или теоретическое исследование.

Разумеется, наука, в том числе и правовая, — это одновременно и «система знаний, и их духовное производство, и практическая деятельность на их основе».⁷¹ Но она не сводится исключительно к знанию или исключительно к исследованию (духовному производству и практической деятельности), которые, хотя и имеют сущностную взаимосвязь,⁷² могут рассматриваться относительно независимо, каждое в соответствии со своей логикой.

В логике науки право (в общей теории) или сравнительно-правовая реальность (в сравнительной юриспруденции) — это объект, а наиболее общее знание о нем (о ней) или закономерности возникновения, формирования и развития его (ее) — предмет.⁷³

В логике научного исследования право — это многообразная реальность, объект — ее часть, проявление, данные в противопоставлении субъекту (исследователю), а предмет — стороны (аспекты) соответствующих объектов.⁷⁴

Соответственно и методы науки, и методы научного исследования взаимосвязаны, но не совпадают.

⁷⁰ Об объекте и предмете сравнительного правоведения как юридической науки см.: *Марченко М. Н.* Курс сравнительного правоведения. М., 2002. С. 68-104.

⁷¹ *Спиркин А. Г.* Философия. М., 2001. С. 756. — См. также: *Гуревич П. С.* Философия. М., 2003. С. 306; *Философский энциклопедический словарь.* М., 1997. С. 288.

⁷² По мнению М. Хайдегера, существо науки состоит в исследовании, которое утверждает себя в качестве познавательного предприятия (деятельности) в определенной сфере сущего (*Хайдегер М.* Время и бытие. М., 1993. С. 42-43).

⁷³ См., напр.: *Поляков А. В.* Общая теория права: Курс лекций. СПб., 2003. С. 18; *Марченко М. Н.* Курс сравнительного правоведения. С. 26, 35.

⁷⁴ О соотношении понятий объективной реальности, объекта и предмета в гносеологии см.: *Философский энциклопедический словарь.* М., 1983. С. 196, 453, 518; *Философский энциклопедический словарь.* М., 1998. С. 313-314, 360, 388.

Методы науки носят общий, одинаковый для всех характер. Они являются средствами интерпретации объекта, построения его теоретической системы и легитимации.⁷⁵

В сравнительном правоведении используется метод сравнения (установление сходств и различий в предметах и явлениях),⁷⁶ специфицированный в принципах или правилах его применения⁷⁷ и конкретизированный в методах классификации, типологизации (правовых семей, правопонимания, правовых традиций и т. п.) и др. Методы научного исследования более конкретны и представляют собой совокупность приемов или операций, служащих достижению поставленных исследователем задач.⁷⁸ Эти методы специализированы в сравнительно-правовых исследованиях по отношению к изучаемым объектам и предметам и могут быть юридическими, социологическими и др. (толкование норм права, анкетирование, наблюдение, эксперимент и т. п.).

Смешение двух названных логик приводит к отказу от формулирования общих понятий объекта и предмета сравнительно-правовой науки,⁷⁹ к «растворению» их в понятии сравнительно-правового метода и тем самым затрудняет их использование в качестве теоретической основы для проведения конкретного сравнительно-правового исследования,⁸⁰ а также понимание сравнительного права вообще. Для изучения английского, германского, французского и российского уголовного процесса представляется более приемлемой вторая логика, которой мы и будем придерживаться в дальнейшем.

Во-вторых, дело заключается в порою существенных различиях в понимании права и путей, методов его исследования в юридической науке. Эти различия вполне естественны и определяются сложностью, многоаспектностью самого права как общественного явления,

⁷⁵ См. об этом: *Философский энциклопедический словарь*. М., 1997. С. 266, 350, 415, 452; *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знаний. М., 1995. С. 151-170.

⁷⁶ *Философский энциклопедический словарь*. М., 1997. С. 20; *Кондаков Н. И.* Введение в логику. М., 1967. С. 359; и др.

⁷⁷ См., напр.: *Тихомиров Ю. А.* Курс сравнительного права. М., 1996. С. 57-58; *Осакве К.* Сравнительное правоведение в схемах: Общая и Особенная части. М., 2002. С. 23-25; *Марченко М. Н.* Курс сравнительного правоведения. С. 36-45.

⁷⁸ *Философский энциклопедический словарь*. М., 1997. С. 226.

⁷⁹ *Давид Р., Жоффре-Спинози К.* Основные правовые системы современности. М., 1998. С. 9; и др.

⁸⁰ О теоретическом и практическом значении понятий объекта и предмета сравнительно-правовой науки см.: *Марченко М. Н.* Курс сравнительного правоведения. С. 24-36.

которое являет себя на многочисленных уровнях и поэтому выражается юридической мыслью во многих образах (представлениях, взглядах, концепциях, теориях).⁸¹ Более того, судя по всему, наука «обречена на бесконечный поиск определения права, побуждаемая к этому практической необходимостью... более надежных, четких и полных знаний...», стремлением к их усовершенствованию (питаемым постоянной неудовлетворенностью достигнутым результатом) и осознанием относительности, ограниченности и исторической ситуативности сделанных выводов.⁸² Так что «едва ли вызовет удивление, что не существует... универсальной идеи права, которую можно было бы сформулировать на основе изучения... человеческого общества».⁸³ Вот почему многие современные компаративисты в своих практических работах не акцентируют внимания на общем определении права, оперируя такими предельно общими терминами, как «правовая реальность» или «правовая система»,⁸⁴ а предпочитают говорить об объектах своего исследования (правовая семья, правовая ментальность, частное право и т. п.), подходах и особенностях его проведения. Причем утверждается даже, что «пришло время закончить дебаты... о предметности и природе» сравнительного правоведения.⁸⁵

Не отрицая в целом правомерности подобного отношения к универсальному понятию права, тем не менее, следует заметить, что любой компаративист неизбежно исходит из какого-либо правопонимания, преодолевая его за счет соответствующего исследовательского подхода. Разумеется, проще всего сказать, что сравнительное правоведение не имеет своей собственной области изучения, что последняя всегда совпадает со сравнительно изучаемым национальным правом (конституционным, уголовным, процессуальным

⁸¹ Право может быть понято, например, как социальный институт, виртуально присущий всем человеческим обществам, как правовой или государственный порядок, как законодательство, как аппарат (административный и судебный), конституирующий систему юстиции. См. об этом: *Ллойд Д.* Идея права. М., 2002. С. 7; *Pound R.* Social Control Through Law. New York, 1968. P. 33.

⁸² *Мальцев Г. В.* Понимание права: Подходы и проблемы. М., 1999. С. 3. — См. подробнее: *Поляков А. В.* Общая теория права: Курс лекций. С. 250-253; *Марченко М. Н.* Курс сравнительного правоведения. С. 252-269.

⁸³ *Ллойд Д.* Идея права. С. 375.

⁸⁴ См., напр.: *Цвайгерт К., Кетц Х.* Введение в сравнительное правоведение: В 2 т. Т. 1. Основы. М., 1998; *Давид Р., Жоффре-Спинози К.* Основные правовые системы современности. С. 18-20.

⁸⁵ *Осакве К.* Сравнительное правоведение в схемах. С. 20. — См. также: *Давид Р., Жоффре-Спинози К.* Основные правовые системы современности. С. 9; и др.

и т. п.).⁸⁶ В определенной степени данное утверждение не лишено смысла, поскольку указывает на возможность и целесообразность использования аппарата соответствующей юридической науки (общей теории права или отраслевой теории). Однако при этом практически все компаративисты подчеркивают необходимость рассматривать право в каком-то социальном контексте (политики, культуры, психологии и т. д.), полагая это аксиомой сравнительного правоведения.⁸⁷ Иначе говоря, фактически они относятся к праву как к явлению многомерному, существующему в различных формах и видах. Какие измерения имеют в виду те или иные авторы и каково их количество, неважно: «мертвое» и «живое» право (законодательство и судебная практика) или идея права и правовая жизнь (правовые ценности и правовое поведение).⁸⁸ Важно другое.

С одной стороны, сравнительное правоведение изучает объективный мир права в его многоединстве⁸⁹ или социальное бытие, которое вне права невозможно, и в котором право воплощает себя как предмет, социальная ценность (подобно здоровью в теле).⁹⁰ С другой стороны, сравнительное правоведение исследует субъективный мир права⁹¹ в его «жизненных проблемах», конкретном «живом» поведении людей, без которых права нет и в которых право воплощает себя как субъективная ценность.⁹² Эти миры не могут быть друг без

⁸⁶ *Осакве К.* Сравнительное правоведение в схемах. С. 20.

⁸⁷ Там же. С. 23.

⁸⁸ См., напр.: *Фридман Л.* Введение в американское право. М., 1993. С. 8-10, 20.

⁸⁹ Такой подход к праву обосновывается в так называемом феноменолого-коммуникативном подходе. См. об этом: *Поляков А. В.* Общая теория права: Курс лекций. С. 250-299.

⁹⁰ *Пермяков Ю. А.* Лекции по философии права. Самара, 1995. С. 99; *Eugen E.* Fundamental Principles of Sociology of Law. New York, 1962. P. 53; *Schur E.* Law and Society. New York, 1968. P. 85.

⁹¹ Объективный мир права — это институционализированное в правовой порядок привычное и типичное поведение людей, закрепленное в социальных ролях и легитимированное (социально-признанное). Субъективный мир права — это социализированное относительно социально заданного правового порядка фактическое поведение людей, идентифицированное в той или иной степени с социальными ролями и интернализированное. Подробнее об объективной и субъективной социальных реальностях, особенностях их формирования (конструирования) и взаимосвязи см.: *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. С. 80-295.

⁹² О предметных и субъективных ценностях см.: *Российская социологическая энциклопедия.* М., 1998. С. 5; *Философский энциклопедический словарь.* М., 1983. С. 764, 765; *Философский энциклопедический словарь.* М., 1998. С. 507, 547; *Давыдов Ю. Н.* Максе Вебер и современная теоретическая социология. М., 1998. С. 51-52.

друга, как стороны одного процесса, в котором общество упорядочение существует.⁹³ В то же время они никогда полностью не совпадают. Расхождение между ними носит естественный характер как в силу того, что социализация никогда не может быть завершённой до конца,⁹⁴ так и по причине «консервирования» некоторых правовых ценностей (например, закона), их отставания от ценностных изменений в общественной жизни.⁹⁵ Вместе с тем, когда это несовпадение принципиально и значительно, оно способно привести к кризису легитимности институционального правового порядка вплоть до его разрушения и замены на другой.⁹⁶

Поэтому сравнительное правоведение не случайно так заинтересовано в изучении того, «как часто тот или иной закон применяется на практике, как его избегают или как им злоупотребляют»⁹⁷ в той или другой стране, почему в одной стране суды и правоохранительные органы пользуются доверием населения и эффективны, а в другой — нет,⁹⁸ по каким причинам юридические трансплантаты приживаются и отторгаются.⁹⁹

Таким образом, право ценностно (объективно и субъективно) представлено в социальном мире и отдельных его частях (реальностях), являясь условием его существования и развития.

По отношению к этим социальным реальностям право будет не только формообразующим (тем, что придаст им форму правовых), но и качественно определяющим (тем, что придаст им ценность правовых).¹⁰⁰ Данное различие очень важно для сравнительного исследования, потому что независимо от избранного в качестве универсального определения (измерения) права, оно всегда берётся во взаимосвязи с другими реальностями и субъектом. Вот почему компаративисты так настаивают на прекращении дискуссии о предмете сравнительного правоведения.¹⁰¹

⁹³ *Thompson S.* The Authority of Law // 75 Ethics. 1964. P. 16.

⁹⁴ *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. С. 239.

⁹⁵ *Ллойд Д.* Идея права. С. 375.

⁹⁶ См. об этом, напр.: *Wolff R. P.* The Rule of Law. New York, 1971. P. 222; *Habermas J.* Legitimation Crisis. Boston, 1973.

⁹⁷ *Фридман Л.* Введение в американское право. С.11.

⁹⁸ *Friedman L.* The Legal System. A Social Science Perspective. London, 1975. P. 194; *Gessner V., Hoeland A., Varga C.* European Legal Cultures. New York, 1996. P. 516.

⁹⁹ *Gibson J., Caldeira G. A.* The Legal Cultures of Europe // Law and Society Review. Vol. 30/1. 1996. P. 55-85.

¹⁰⁰ О понятии ценности права и правовых ценностей см.: *Поляков А. В.* Общая теория права. СПб., 2001. С. 212-237; *Гревцов Ю. И.* Социология права: Курс лекций. СПб., 2001. С. 94-98.

¹⁰¹ *Давид Р., Жоффре-Спинози К.* Основные правовые системы современности. С. 9.

Однако сказанное отнюдь не означает, что в компаративистике нужно отказаться от выработки общих понятий объекта и предмета исследования. Их лишь следует переопределить с учетом сделанных выше теоретических замечаний: объект — часть правовой реальности, созданная человеком и существующая для человека конкретно-историческая данность (институциональный правовой порядок), предмет — ее стороны, аспекты, непосредственные объекты ценностного отношения (стратегии, доктрины, законодательство, прецеденты, правовые учреждения и правоприменительная практика, фактическое поведение, и т. п.). Причем объекты (вне зависимости от концептуального определения права) выделяются социологически, а рассматриваются коммуникативно: в ценностной правовой взаимосвязи (отношении) друг с другом и субъектом (участниками, акторами).¹⁰² Сравнение при этом будет выступать в качестве особой процедуры оценивания соответствующих явлений (объектов), в основе которой лежит сравнительный метод.

Очевидно, что аналогичным образом можно структурировать любые национальные виды судопроизводства (в том числе и интересующих нас стран), для достижения целей и задач сравнения которых значимо их изучение в следующих измерениях:

- в нормативном, т. е. как законодательства, прецедентов и практики их применения (использования);
- в институциональном, т. е. как системы и структурной организации органов уголовной юстиции;
- в фактическом, т. е. как типичного поведения участников уголовного процесса;
- в идеальном, т. е. как правовых доктрин, стратегий, выраженных в них или определяемых ими целей, принципов, функций уголовного судопроизводства.

В идеальном измерении речь идет о ценностном содержании уголовного процесса, в нормативном, институциональном и фактическом — о ценностном воплощении уголовного процесса в определенных предметных формах. В этом смысле ценности — то, что *со-держится*, а предметные формы — то, что *у-держивает*.

Хотя приведенные выше определения формы и содержания уголовного процесса не являются традиционными (легистскими), они

¹⁰² На необходимость учитывать взаимосвязь объектов сравнительно-правового исследования правильно указывает 10. А. Тихомиров (*Тихомиров Ю. А. Курс сравнительного правоведения. М., 1996. С. 42*).

оправданы не только избранным подходом, но и принципиально. Дело в том, что ценность — это и отношение к праву (в любом его измерении) как уже сформировавшемуся феномену, и сущность его бытия, и то, что предшествует праву, предопределяет право как форму своего существования. Иными словами, право (форма) есть превращенное, определенное содержание (ценность). В этом смысле правовые ценности (содержание) реальны и требуют выражения в соответствующей структуре (форме), которая, таким образом, организует данное содержание, развертывая его в нормативной системе уголовного процесса, судах и правоохранительных органах, целенаправленных действиях субъектов, уголовной политике, доктринах, принципах и т. п.¹⁰³

Будучи развернутым содержанием, форма влияет на него, зависит от него, образует с ним единство, но не сводится к нему.¹⁰⁴ Форма может менять и меняет содержание объекта, но лишь в случае, когда сам объект способен к преобразованию. Оттого, поддается ли такой объект как уголовный процесс преобразованию или нет, зависят ответы на вопросы о сближении судопроизводства рассматриваемых стран, а также возможность «новой» формы уголовного процесса России влиять на изменение «старого» содержания.

Вследствие значительного расхождения данного нами определения формы и содержания уголовного процесса с традиционными (по характеристике, но не по диалектике), мы не будем подробно останавливаться на существующих в юридической литературе взглядах. Тем не менее несколько общих замечаний необходимо сделать.

Чаще всего в отечественной литературе явно или неявно к содержанию относят уголовно-процессуальную деятельность, а к форме — порядок ее осуществления,¹⁰⁵ выраженный в условиях, требованиях к производству процессуальных действий,¹⁰⁶ их оформлению и

¹⁰³ О взаимосвязи ценностей и социального содержания бытия см.: *Философский энциклопедический словарь*. М., 1983. С. 765; *Философский энциклопедический словарь*. М., 1998. С. 506-507.

¹⁰⁴ О диалектике формы и содержания права см. подробнее: *Керимов Д. А.* Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). М., 2001. С. 170-185.

¹⁰⁵ *Алексеев Н. С., Даев В. Г., Кокорев Л. Д.* Очерк развития науки советского уголовного процесса. Воронеж, 1980. С. 32; *Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: Учебник* / Отв. ред. П. Л. Лупинская. М., 2003. С. 49; и др.

¹⁰⁶ *Строгович М. С.* Природа советского уголовного процесса и принцип состязательности. М., 1939. С. 22; *Вандышев В. В.* Уголовный процесс: Конспект лекций. СПб., 2002. С. 20; и др.

последовательности совершения,¹⁰⁷ в структуре уголовно-процессуальных институтов и правил, процедуре и последовательности стадий.¹⁰⁸ При этом обращает на себя внимание отсутствие специального рассмотрения вопроса о содержании, отсутствие четкого определения содержания и в этом смысле «отрыв» формы от содержания. Одна из причин этого состоит в том, что вопросы, связанные с содержанием уголовного процесса, по сути, «растворяются» в вопросе о предмете правового регулирования, который соотносится с методом правового регулирования, как содержание с формой.¹⁰⁹ В то же время вопросы содержания и формы уголовно-процессуального права решаются достаточно ясно и определенно.¹¹⁰

Не случайно, по-видимому, в этой связи появление таких определений процессуальной формы, в которых она предстает как связь формы и содержания (явное смешение) или как механизм обеспечения законности (фактически отождествление с механизмом правового регулирования).¹¹¹

Аналогично и уголовный процесс (как и юридический процесс вообще) сводится к форме как системе конкретных процессуальных производств, правовых порядков (вне различения с содержанием).¹¹²

Западные процессуалисты также демонстрируют отсутствие интереса к понятийному разграничению содержания и формы уголовного процесса, характеризуя его как формальный механизм, метод, спор, совокупность правовых норм, стадий, урегулированное правом движение уголовного дела, систему действий компетентных органов и т. п.¹¹³

¹⁰⁷ Шпилев В. Н. Содержание и формы уголовного судопроизводства. Минск, 1974. С. 102-103; и др.

¹⁰⁸ Курс советского уголовного процесса: Общая часть / Под ред. А. Д. Бойкова и И. И. Карпеца. М., 1989. С. 121; и др.

¹⁰⁹ Этот вопрос подробно освещен и аргументирован П. С. Элькинд (Элькинд П. С. Сущность советского уголовно-процессуального права. Л., 1963. С. 5-85).

¹¹⁰ Там же. С. 101-170.

¹¹¹ Цыганенко С. С. Производства по уголовным делам в Российском уголовном процессе. Ростов н/Д, 2003. С. 11-12.

¹¹² Теория юридического процесса / Под ред. В. М. Горшенева. Харьков, 1985. С. 8; Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. М., 1999. С. 398; Якимович Ю. К. Структура советского уголовного процесса: система стадий и система производств. Основные и дополнительные производства. Томск, 1991. С. 3.

¹¹³ См. подробнее: Гуценко К. Ф., Головкин А. В., Филимонов Б. А. Уголовный процесс западных государств. М., 2002. С. 1-4, 45-46, 164-167, 294-296, 402-403. — Определения права в англо-американской, немецкой и французской юридической литературе см.: Asliworth A. Sentencing and Criminal Justice. 2 ed. London, 1995. P. 13;

Не уделяют внимания этим понятиям и компаративисты: применительно к конкретному исследованию они говорят, главным образом, об отдельных объектах, которые могут относиться как к форме, так и к содержанию.¹¹⁴ Исключение составляет, пожалуй, лишь М. Н. Марченко, который дает достаточно четкое определение формы права как способа внутренней организации и внешнего выражения права и содержания права как правил поведения (по сути, норм права).¹¹⁵

Однако здесь возникает проблема, состоящая в том, что содержание обычно определяется феноменологически, целиком, а форма — как связь его частей, элементов.¹¹⁶ Получается, что право (правила поведения, нормы) есть содержание, источник же права (законы) — внешняя форма, а отношения, связи норм права между собой — структура (внутренняя форма). Таким образом, есть определение сторон общей правовой реальности и нет качественного определения этой реальности. К тому же качественная определенность права как содержания раскрывается через его части (элементы), представляющие собой необходимый атрибут структуры. В конечном счете это приводит, на наш взгляд, к смешению содержания и формы уголовного процесса: «То, что вкладывается в понятие содержания права как самостоятельного явления в этом случае — есть не что иное, как юридическая форма права, которая, в свою очередь, также может быть рассматриваема в плане философских категорий содержания и формы».¹¹⁷ Вот почему под непосредственным содержанием уголовного процесса следует понимать то, что его обусловило и обуславливает как социальный феномен — ценности, конституированные в уголовно-процессуальной форме (внешне — в облике законов,

Perkins R. Criminal Law. 2 ed. Mineola, New York, 1969. P. 1; Fricke Ch. 5000 Criminal Definitions. Terms and Phrases. Los Angeles, California, 1968. P. 55; Griffiths J. Ideology in Criminal Procedure or Third «Model of the Criminal Practices» // 3 Yale Law Journal. 1970. January. Vol. 79. P. 368-369; Goldschmidt J. Der Prozess als Rechtslage. Berlin, 1925; Pradel J. Procedure penale. 9 ed., Paris, 1997. P. 17.

¹¹⁴ Например, выделяют такие объекты, как источники права, отрасли права, институты права (Судов А. Х. Сравнительное правоведение и юридическая география мира. М., 1993. С. 62; и др.).

¹¹⁵ Марченко М. Н. Курс сравнительного правоведения. С. 299-300. — Следует заметить, что это важное методологическое различие проводится в отношении национальных форм права и почти не развернуто в характеристике отдельных правовых семей.

¹¹⁶ См. подробнее: Керимов Д. А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). С. 170-185; Harris J. Legal Philosophies. New York, 1997. P. 245-246.

¹¹⁷ Элькин П. С. Сущность советского уголовно-процессуального права. С. 102.

прецедентов, учреждений уголовной юстиции и т. д., внутренне — во взаимосвязи разнообразных элементов (частей) уголовного процесса).

При этом в сравнительном анализе нужно учитывать как базовые ценности, воплощенные в выделенных непосредственных объектах, так и конкретные ценности, воплощенные в отдельных элементах.

Базовые ценности могут быть определены через идеальное измерение права: доктрины, принципы и т. п., представленные в виде моделей уголовного процесса. Как результат концептуализации актуальной практики и политики в области уголовного процесса, эти модели являются теоретическим выражением его высших легитимных ценностей (т. е. сущности).

Конкретные ценности могут быть определены через нормативное, институциональное и фактическое измерения права: законодательство, прецеденты, правовые учреждения, правоприменительная практика, и т. п., представленные в виде решений, реализующих их действий, процедур, методов и стадий.

Таким образом, у нас есть основные единицы анализа, которые позволяют решать задачи сравнительно-правового исследования. Эти единицы, очевидно, делятся на единицы наблюдения (в смысле категорий сравниваемых данных) и единицы объяснения (в смысле теоретических категорий).¹¹⁸ К первым относятся формообразующие элементы уголовного процесса (внешняя форма и структура), ко вторым — ценности (содержание уголовного процесса как социального явления).

Категории данных могут быть использованы для анализа сходств и различий (переменных и их взаимоотношений) в уголовном процессе сравниваемых стран. Теоретические категории — для выявления и объяснения важнейших исторических исходов его (уголовного процесса) развития: сближения, слияния, расхождения.

Иначе говоря, такое исследование является кросснациональным и будет строиться на привлечении сопоставимых данных (по сравниваемым странам) на двух уровнях: макросоциальном (сравнение национальных видов уголовного процесса в целом) и микросоциальном (сравнение отдельных элементов этих видов процесса). Причем выделяемые на макросоциальном уровне переменные (базовые уголовно-процессуальные ценности) могут использоваться для

¹¹⁸ О единицах анализа в компаративистике см.: *Рэгин Ч.* Особенности компаративистики // Современная сравнительная политология: Хрестоматия. М., 1997. С. 34–40.

объяснения связей между переменными (элементами уголовного процесса) на микросоциальном уровне.¹¹⁹ То есть здесь существование различных национальных видов уголовного процесса будет выступать в качестве необходимой предпосылки сравнительно-правового исследования, когда объясняемые явления сравниваются в концептуально преобразованном виде. Разумеется, при этом практически неизбежной становится потеря информации (как результат абстрагирования от конкретных ситуаций), но вместе с тем оказывается возможным выявление тенденций и закономерностей.¹²⁰

Такое сравнение может быть названо сопоставительным, качественно интерпретативным методом, в котором большое значение придается моделям, выступающим в качестве теоретически сконструированных единичных объектов сравнения (реальных или воображаемых),¹²¹ широко используемых в компаративистике, в том числе и при изучении уголовного процесса.¹²²

§ 3. Модельный подход к изучению уголовного процесса западных государств и России: понятие уголовно-процессуальной стратегии

Термин «модель» применительно к уголовному процессу в зарубежной юридической литературе используется уже давно. Одним из первых его стал употреблять Г. Пэкер, опубликовавший в 1964 г. свою работу, посвященную моделям надлежащего правосудия и контроля над преступностью.¹²³ Вслед за ним термином «модель» стал

¹¹⁹ В сравнительной методологии об этом писали, в частности: *Armer M.* Methodological Problems and Possibilities in Comparative Research // *Comparative Social Research* / Ed. M. Armer, A. Grimshaw. New York, 1973. P. 50; *Przeworski A., Teune H.* The Logic of Comparative Social Inquiry. New York, 1970. P. 8, 49-50.— В сравнительном правоведении на это обращали внимание: *Kozolchuk B.* Trends in Comparative Legal Research: Apropos Dainow's the Role of Judicial Decisions and Doctrine in Civil Law and in Mixed Jurisdictions // *The American Journal of Comparative Law*. Vol. 24. P. 100-409; *Comparing Nations. Concepts, Strategies, Substance* / Ed. by M. Dogan, A. Kazancigil. Oxford, 1995. P. 7-11; *Марченко М. Н.* Курс сравнительного правоведения. С. 188-189; и др.

¹²⁰ Подробнее о сравнении как методе, позволяющем перейти от описания сходств и различий к фундаментальному объяснению их причин, см.: *Рэгин Ч.* Особенности компаративистики. С. 44-51; и др.

¹²¹ О понятии модели в науке см., напр.: *Штофф В. А.* Моделирование и философия. М.; Л., 1966. С. 3-12.

¹²² См., напр.: *Смирнов А. В.* Модели уголовного процесса. СПб., 2002. С. 5-18.

¹²³ *Packer H.* Two Models of the Criminal Procedure // 113 *University of Pennsylvania Law Review*. 1964.

пользоваться М. Кинг, развивший и дополнивший модели Пэкера целым рядом новых моделей (именуемых моделями уголовной юстиции), часть из которых он назвал «процессуальными».¹²⁴ В дальнейшем этот термин закрепился в науке и стал, по сути, традиционным.¹²⁵

В отечественной юридической литературе рассматриваемый термин хотя и не был прямо введен в научный оборот, но явно подразумевался в сравнительно недавно вышедшей работе А. В. Смирнова, который абстрактные конструкции розыскного и состязательного уголовного процесса обобщил в понятии «идеальный тип», а первоисточники и образцы реального судопроизводства (английский, французский, германский и шариатский)— в понятии «историческая форма» («морфологический тип»). При этом оба названных типа процесса характеризовались им как упрощенные модели действительности.¹²⁶

Вместе с тем практически никто не пытался дать определения понятия модели уголовного процесса. Правда, многие зарубежные авторы исходили из того, что модель уголовного процесса (теоретическая, концептуальная) есть средство его оценивания и вместе с тем результат концептуализации практики.¹²⁷ Близка к данному пониманию и позиция А. В. Смирнова, указывающего на значение подразумеваемого им понятия «модель» как инструмента научного исследования (метода, средства познания объекта). Однако дальше приведенной констатации все эти авторы не идут, ограничиваясь лишь выделением (моделированием) существенных отвлеченно-идеальных или реальных исторических и легислативных признаков конкретных видов судопроизводства.¹²⁸

Таким образом, вопрос общетеоретического определения модели уголовного процесса остается открытым и с очевидностью требует ответа, значимого с точки зрения дальнейшего развития как национально-правовых, так и сравнительно-правовых исследований.

Что касается науки вообще, то указанное понятие в ней вполне сформирование (особенно в естественных науках). Однако смысл, вкладываемый в термин «модель» в разных контекстах, порой весьма существенно различается. Принято выделять два противоположных

¹²⁴ King M. The Framework of Criminal Justice. London, 1981.

¹²⁵ См., напр.: *Criminal Justice: An Introduction to the Criminal Justice System of England and Wales*. London, 1995.

¹²⁶ Смирнов А. В. Состязательный процесс. СПб., 2001. С. 13-17.

¹²⁷ Packer H. Two Models of the Criminal Procedure. P. 153.

¹²⁸ Ibid.

значения в употреблении данного термина: 1) определенная теория (модель-описание); 2) то, что теория отражает (объект описания).¹²⁹ Хотя оба эти значения исходят из одного самого общего понимания модели как образца, прообраза или формализованного аналога чего-либо, расхождения между ними имеют принципиальный характер.

В первом случае речь идет об изоморфной теории, т. е. теории, обладающей структурным сходством или подобием с другой теорией. Здесь модель отражает определенную степень согласованности теорий между собой.¹³⁰

Во втором случае имеется в виду то, к чему теория относится или может относиться, т. е. образец (формализованный аналог, образ, картина изучаемого объекта), символически воспроизводящий, раскрывающий в упрощенной, идеализированной форме объективное содержание действительности, либо специально сконструированный объект, сходный с изучаемым в некотором отношении (по ряду свойств и структурных особенностей).¹³¹ Здесь модель отражает какой-то единичный объект (реальный или идеальный), который представляет собой своего рода предмет теории, но не может быть самой теорией (систематизированным знанием общих закономерностей того или иного явления).¹³² Независимо оттого, чем является модель: копией оригинала (реального объекта) или оригиналом-продуктом творчества (идеальным объектом), — она всегда конструируется: либо путем воспроизведения оригинала, либо путем создания нового образца, по своей сущности отличного от всех иных. То есть модель возникает как мысленный образ, содержательно наполняясь реальными или идеальными чертами. Причем она в первую очередь служит не цели формирования или развития какой-либо теории, а управления моделируемым объектом.

В дальнейшем изложении мы будем употреблять понятие модели именно во втором значении, как «подлинное», поскольку в первом оно лишено собственного содержания, совпадая, по существу, с понятием теории, а во втором рассматривается в качестве специфического концептуального инструмента научного исследования.

¹²⁹ Штофф В. А. Моделирование и философия. М.; Л., 1966. С. 6-7.

¹³⁰ Там же. С. 7-8.

¹³¹ См. об этом: Резник Ю. М. Введение в социальную теорию: Социальная системология. М., 2003. С. 497-498.

¹³² Штофф В. А. Моделирование и философия. С. 9.

§ 3. Модельный подход: понятие уголовно-процессуальной стратегии

В то же время нельзя, разумеется, исключить известную общность гносеологических свойств и функций моделей и теорий, обусловленную тем, что при их построении используются абстракции, гипотезы, отвлечения, идеализации и т. п. Не отменяя существенных различий моделей и теорий, эта общность позволяет рассматривать модели в качестве специфического средства и формы научного освоения действительности и в этом смысле своеобразной рамки исследования. Иначе говоря, модель имеет не только чисто описательную, но и объяснительную, а также прогностическую функции.

Сказанное в полной мере распространяется и на понятие модели уголовного процесса, которая, как и любая другая, будет характеризоваться определенными признаками.

Во-первых, она должна иметь реальную основу, от которой отталкиваются, абстрагируются и т. п. Такой основой является уголовный процесс как объективная правовая реальность (системный объект), представленный в его идеальном, нормативном, правоприменительном, институциональном и поведенческом воплощениях (непосредственных объектах-подсистемах). Даже в случае мысленного конструирования идеальных объектов (понятийно-образного представления предполагаемых свойств), прямо противопоставленных реальным, направленных на их изменение, уничтожение или замену, они все равно остаются в контексте существующей легитимированной правовой реальности, производны от нее. Например, идеальные типы-модели розыскного и состязательного процесса у А. В. Смирнова¹³³ «не материальны» в той мере, в какой абстрагированы от реального судопроизводства, являющегося их первоосновой не только в своем историческом прошлом, но и в настоящем. К тому же, сталкиваясь с реальностью, такие конструкции-модели чаще всего претендуют на легитимацию путем трансформации в новую теорию, политику, законодательство и т. д., т. е. выступают в качестве прообраза альтернативной, «конкурирующей» реальности, инструмента преобразования «старой». Так, уже упомянутые модели А. В. Смирнова, имеющие реальные исторические прототипы, служат автору средством построения теории постсостязательного (дискурсивно-состязательного) процесса.¹³⁴

Во-вторых, круг непосредственных объектов, образующих уголовный процесс, представляет собой организованную, системную

¹³³ Смирнов А. В. Состязательный процесс. С. 13-17.

¹³⁴ Там же. С. 257-311.

совокупность элементов (подсистем единого системного явления),¹³⁵ что требует символизации в модели их взаимодействия, упорядоченности или следования определенному порядку.

Идеальная подсистема уголовного процесса выражает его значение (мыслимое содержание) или объективную роль (безотносительно того, хорошо это или плохо), опосредуемую защищаемыми им общепризнанными государственными, общественными и индивидуальными правовыми ценностями. Речь идет о таком содержании, которое, будучи само по себе оценочным, является не субъективно, а объективно реальным. Оно возникает в результате социального взаимодействия людей как своего рода равнодействующая, отражающая социально-типичное поведение участников (субъектов) судопроизводства, и мыслится как нечто нейтральное по отношению ко всему своеобразию и неповторимости субъективной реальности, а потому как универсальное с точки зрения оценки существующих социальных и правовых связей и отношений в уголовном процессе. Происходит как бы процесс «складывания» социально нормированного поведения в идеальную подсистему,¹³⁶ поддерживающую ценностный контекст уголовного процесса, превращающую ценности (представления о желаемом) в общие ориентиры деятельности (цели, принципы, функции), которые непосредственно воздействуют на поведение участников уголовного процесса и регулируют его. Таким путем ценности «входят» в судопроизводство и определяют его структуру, «вокруг которой наращивается живая ткань уголовно-процессуальных форм и отношений».¹³⁷

Иначе говоря, уголовный процесс *со-образен* целям, принципам и функциям, оформляется, структурируется ими. Эти, по меткому выражению И. Б. Михайловской, «несущие конструкции»¹³⁸ обеспечивают единство уголовного процесса, указывая (определяя) направления деятельности, способы движения в их пределах, а также правовые связи и зависимости между субъектами и стадиями судопроизводства, необходимые для нахождения в заданных рамках.

¹³⁵ О понятии систем см.: Садовский В. И. Основания общей теории систем. М., 1974. С. 93-94; Уемов А. И. Системный подход и общая теория систем. М., 1978. С. 103-118.

¹³⁶ См. об этом: Лукашева Е. В. Право, мораль, личность. М., 1986. С. 25.

¹³⁷ Уголовный процесс: Учебник / Под ред. И. Л. Петрухина. М., 2001. С. 7-8.

¹³⁸ Михайловская И. Б. Цели, принципы и функции российского уголовного судопроизводства (уголовно-процессуальная форма). М., 2003. С. 9.

Нормативная подсистема уголовного процесса (нормы позитивного права и прецеденты как представления о должном и ожидаемом поведении в определенных ситуациях) включена в общее ценностное ориентирование.

Однако нормы позитивного (статутного) права и прецеденты — это не просто типовые образцы-эталоны наряду с ценностями, но и способы их воплощения в жизнь (или средства достижения целей уголовного судопроизводства).¹³⁹ В силу общезначимости и общеобязательности они *связывают* субъектов процесса (либо судебным решением по частному случаю, либо всеобщим правилом-законом), управомочивая их в одном отношении и обязывая в другом, превращают их деятельность в формально-определенную (подчиненную) и вместе с тем функциональную, порождающую взаимные права и обязанности.¹⁴⁰ Вот почему нормы права и прецеденты выступают в качестве главного регулятора правоприменительной деятельности и фактического поведения субъектов уголовного процесса.

Правоприменительная практика как подсистема уголовного процесса алгоритмизируется нормами статутного права и прецедентами путем четкого определения последовательности процессуальных действий, которые необходимо выполнить для решения поставленных задач. В результате эти действия приобретают организованную форму стадий (этапов) и процедур (официально установленного порядка действий), а отношения участников — форму правоотношений, выражающую их (участников) взаимозависимость. Кроме того, нормы позитивного права и прецеденты координируют процесс принятия решений в уголовном судопроизводстве, когда возникает ситуация выбора (прекратить уголовное преследование или продолжить его, избрать мерой пресечения заключение под стражу или залог и т. п.). При этом процессы ценностной и нормативной ориентации, алгоритмизации и координации контролируются институциональными органами — субъектами уголовного процесса, удерживающими его в соответствующих рамках и обеспечивающими тем самым совместность деятельности. Иными словами, правоприменительная

¹³⁹ В этом смысле рассматривала уголовно-процессуальные нормы П. С. Элькинд: *Элькинд П. С.* Сущность советского уголовного процесса. Л., 1963. С. 105, 108.

¹⁴⁰ См об этом: *Поляков А. В.* Общая теория права: Курс лекций. СПб., 2001. С. 432; *Леви Э. Х.* Введение в правовое мышление. М., 1995. С. 9-17; *Барак А.* Судейское усмотрение. М., 1999. С. 200-202; *Ллойд Д.* Идея права. С.312, 315-316, 318-320.

практика — это уголовно-процессуальное право в действии, его реализация, понимаемая как процесс выбора и использования правовых ценностей и норм, их соединение с реальной человеческой деятельностью, а не просто логическое толкование и объяснение.¹⁴¹

Что касается фактического поведения участников уголовного судопроизводства (поведенческой подсистемы), то оно определяется не только ценностями и нормами, задающими их (участников) правовые статусы и роли, последовательность процессуальных действий и принятие решений, но и сложившимся на практике вариативным набором типовых поведенческих образцов и ситуаций, позволяющих успешно решать конкретные задачи. Речь идет о таких образцах и ситуациях, которые непосредственно не отражены ни в нормах права, ни в прецедентах, хотя и ориентированы на них. По сути, это модели «привычного» поведения в ситуации выбора, когда правовые «условия, при которых должно последовать то или иное решение... выражены в такой форме, которая ставит вывод о наличии или отсутствии условий для одного из возможных решений в зависимость от оценки правоприменителем конкретных обстоятельств данного случая».¹⁴² Можно сказать, что это поведенческие модели усмотрения правоприменителя, находящиеся в определенных нормативных границах, но не поддающиеся непосредственному правовому урегулированию.

Вне этого фактического контекста уголовно-процессуальные ценности, нормы позитивного права и прецеденты теряют свое значение, а судопроизводство перестает быть упорядоченным.

В-третьих, выделенные для моделирования элементы уголовного процесса должны отражать его качественную целостность, не сводимую к сумме свойств отдельных элементов.

Целостность любой системы или системного объекта выражается в необходимом характере объединения его частей, определяет «их сущность, содержание и формы, функциональное назначение и роль в составе целостной системы, формы и способы их взаимодействия».¹⁴³ Такая целостность задается содержательной ценностью

¹⁴¹ В общетеоретическом плане сказанное соотносится с так называемым «широким» определением права, или «идеей права». См., напр.: *Васильев А. И., Кудрявцев В. Н.* Право: развитие общего понятия // Советское государство и право. 1985. № 7. С. 7; *Керимов Д. А.* Философские основания политико-правовых исследований. М., 1986. С. 166-170; *Ллойд Д.* Идея права. С. 298-308.

¹⁴² *Путинская П. А.* Решения в уголовном судопроизводстве (их виды, содержание и формы). М., 1976. С. 121.

¹⁴³ *Керимов Д. А.* Философские основания политико-правовых исследований. С. 209.

элементов уголовного процесса (зачем они нужны, чему служат), внешней (предметной) формой выражения (норма права, прецедент и т. п.) и структурой (деление на части-стадии и элементы, способ их взаимодействия или взаимные отношения между ними), т. е. тем, что «внешне» и «внутренне» отграничивает уголовный процесс от других явлений и помогает ему поддерживать себя как целостное единство.

Речь идет о целях, принципах и функциях, которые согласовывают и обеспечивают *совместность* деятельности всех участников уголовного процесса, объединяют его не только формально, но и содержательно. Будучи объективно заданными, предписанными, они выполняют роль своего рода *рамки, удерживающей в пути*. Причем имеется ввиду «рамка» именно всей деятельности, не совпадающая с подобными «рамками» самих субъектов судопроизводства и его отдельных стадий и/или производств.

Думается, такая совместность позволяет преодолевать присущую уголовному процессу конфликтность, связанную со столкновением подчас противоположных ценностей (обвиняемого и потерпевшего, например), и создавать устойчивость и стабильность судопроизводства как целостности.

В-четвертых, с точки зрения внешних связей уголовного процесса, модель должна характеризовать способ его взаимодействия с социальной средой. Несомненно, что этой средой является прежде всего преступность.

В известном смысле сам уголовный процесс является результатом взаимодействия государства и преступности или отношения государственной власти к преступности. То есть судопроизводство можно рассматривать как реакцию государства на преступность и отнести к сфере уголовной политики. При этом государство не только воздействует и противодействует преступности, но и само испытывает на себе ее влияние, порождая, в частности, уголовное судопроизводство как результат данного двустороннего процесса, а также инструмент и арену характеризующего его противоборства.¹⁴⁴

Традиционно уголовную политику рассматривают как основные направления борьбы с преступностью, выражающиеся в формировании

¹⁴⁴ Коробеев А. И., Усс А. В., Голик Ю. В. Уголовно-правовая политика: тенденции и перспективы. Красноярск, 1991. С. 7; Босховцов С. С. Основы уголовной политики. М., 1999. С. 7; Кудрявцев В. Н. Стратегии борьбы с преступностью. М., 2003. С. 27-33; Александров А. И. Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности. СПб., 2003. С. 65-66; и др.

криминальных отраслей законодательства, практики их применения, а также в разработке и реализации мер профилактики преступлений.¹⁴⁵ При этом различают уголовно-правовую, уголовно-процессуальную, уголовно-розыскную, уголовно-предупредительную и уголовно-исполнительную политику как составные части единой уголовной политики.¹⁴⁶ Вот почему уголовный процесс можно считать инструментом общей уголовной и уголовно-процессуальной политики, от оптимального содержания и применения которого зависит не только успешная борьба с преступностью как социальным явлением, но и кто конкретно окажется в «машине» уголовной юстиции, и какой будет его дальнейшая судьба.¹⁴⁷

Таким образом, с одной стороны, уголовный процесс детерминирован преступностью, а с другой — уголовной политикой.

Связь между названными явлениями объективна и проявляется в том, что уголовный процесс есть способ реализации отношения власти к преступности. Это отношение имеет форму объективного уголовно-правового отношения, установление которого является одной из основополагающих функций судопроизводства или стратегий его осуществления,¹⁴⁸ хотя и не исчерпывается ею. На это правильно обращали и обращают внимание отечественные и зарубежные ученые, рассматривающие уголовный процесс и борьбу с преступностью в целом как многоплановые явления.¹⁴⁹ Сказанное означает, что уголовная политика формирует уголовный процесс не односторонне, а с учетом всей актуальной практики его осуществления (ее реальных нужд и требований), а также общественного мнения. Содержание политики складывается из ряда стратегий (в том числе уголовного преследования), определяемых разнообразными

¹⁴⁵ Коробеев А. И., Усс А. В., Голик Ю. В. Уголовно-правовая политика. С. 7.

¹⁴⁶ Александров А. И. Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности. С. 67. — Сходные определения см. также: Бородин С. В. Борьба с преступностью: теоретическая модель комплексной программы. М., 1990. С. 4; Загородников Н. И. Советская уголовная политика. М., 1979. С. 8-10; Жалинский А. Э. Содержание уголовной политики // Уголовная политика в борьбе с преступностью. Свердловск, 1986. С. 12-18.

¹⁴⁷ Кудрявцев В., Трусов А. Политическая юстиция в СССР. М., 2000. С. 191.

¹⁴⁸ Лукашевич В. З. Установление уголовной ответственности в советском уголовном процессе. Л., 1985. С. 17; Соловьев А. Б. Подход к принципам уголовного судопроизводства в УПК РФ требует уточнения // Концептуальные основы реформы уголовного судопроизводства в России. М., 2002. С. 87; и др.

¹⁴⁹ См., напр.: Криминология / Под.ред. Дж. Ф. Шели. СПб., 2003. С. 44; С. 324-334; Бородин С. В. Борьба с преступностью. С. 11-12; Кудрявцев В. Н. Стратегии борьбы с преступностью. С. 81, 84; и др.

потребностями и факторами общественной жизни (например, такие потребности, как сдерживание преступности, возмещение убытков от преступлений, социальная помощь и реабилитация жертв преступлений, защита от произвола и реинтеграция преступников (обвиняемых) в общество, получение ресурсов для органов уголовной юстиции, и такие факторы, как СМИ, движение в защиту прав потерпевших и т. д., и т. п.).¹⁵⁰

В-пятых, структура модели должна быть подобна уголовному процессу, содержание и форма которого обусловлены социальной заданностью и внутренней необходимостью выполнения определенных функций и достижения определенных целей. Для этого нужно выделить и выразить соответствие каждого из субъектов уголовного процесса и/или его частей (стадий) определенным функциям, целям (задачам), а также соподчиненность уровней судопроизводства (например, уровня уголовного процесса вообще и конкретного производства по уголовному делу, уровня системы органов уголовной юстиции, уголовного процесса вообще и отдельных его участников).¹⁵¹ То есть в модели следует указать на целенаправленность, функциональность и иерархичность уголовного процесса.

Подводя промежуточный итог, можно сказать, что модель уголовного процесса как системного объекта (объективной социальной реальности) описывает и объясняет следующие его признаки:

- реальность;
- упорядоченность;
- устойчивость и стабильность;
- детерминированность;
- целенаправленность, функциональность и иерархичность.¹⁵²

Следует отметить, что уголовный процесс как систему описывали многие авторы, используя в той или иной мере системный подход. Чаще всего под системой уголовного процесса понимается совокупность его стадий или производств.¹⁵³ При этом в качестве объединяющих

¹⁵⁰ Об этом см. подробнее: *Криминология: Учебник для вузов* / Под общ. ред. А. И. Долговой. М., 2003; *Криминология I* Под ред. Дж. Ф. Шели. СПб., 2003.

¹⁵¹ На это обращали внимание многие ученые. См., напр.: *Михайловская И. Б.* Цели, принципы и функции российского уголовного судопроизводства. С. 27; *Петрухин И. Л., Батуров Г. П., Морщакова Т. Г.* Теоретические основы эффективности правосудия. М., 1979. С. 73.

¹⁵² Это общие признаки любого системного объекта, которые выделяются многими учеными и даны здесь в моей авторской интерпретации. См., напр.: *Садовский В. И.* Основания общей теории систем. С. 93-99.

¹⁵³ См., напр.: *Уголовный процесс России: Общая часть* / Под ред. В. З. Лукашевича. СПб., 2004. С. 18-21.

признаков обычно называются цели (или задачи), принципы, процессуальная форма (единство основных ее свойств).¹⁵⁴ Понятие «система» нередко употребляется применительно к отдельным элементам уголовного процесса: система принципов, соотнесенных друг с другом и связанных с задачами уголовного судопроизводства (как единая цепь «органически взаимосвязанных и одинаково значимых положений, стоящих в одном ряду»¹⁵⁵ или единая иерархическая система¹⁵⁶); система функций, призванных обеспечить разделение процессуальных властей (как система «сдержек и противовесов, ограничивающих, с одной стороны, стремление государственной власти использовать все средства для поиска и наказания преступника, а с другой — возможность преступника уйти от ответственности»¹⁵⁷); система урегулированных правом действий участников уголовного судопроизводства;¹⁵⁸ система отношений, выступающих в качестве объекта уголовно-процессуального регулирования,¹⁵⁹ и т. д., и т. п.

Сходные представления об уголовном процессе как о системе есть и в западной литературе. Так, французские ученые трактуют свой уголовный процесс как организацию «органов уголовной юстиции... и совокупность последовательно совершаемых этими органами действий, направленных на достижение поставленных целей...».¹⁶⁰ Наличие в уголовном процессе единых целей, его стадийность отмечают английские и американские правоведы (защита от преступлений, уголовное преследование, оправдание невиновных и т. д. путем прохождения ряда стадий, в ходе которых принимаются важные процессуальные решения и осуществляются регламентированными правом способами важные процессуальные действия).¹⁶¹ В Германии

¹⁵⁴ Там же. С. 17-18, 33, 60-61.

¹⁵⁵ *Добровольская Т. Н.* Принципы советского уголовного процесса: Вопросы теории и практики. М., 1971. С. 38.

¹⁵⁶ *Смирнов А. В.* Состязательный процесс. СПб., 2001. С. 56.

¹⁵⁷ *Михайловская И. Б.* Цели, принципы и функции российского уголовного судопроизводства. С. 70.

¹⁵⁸ *Александров А. И.* Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности. С. 77.

¹⁵⁹ *Курс советского уголовного процесса: Общая часть* / Под ред. А. Д. Войкова и И. И. Карпеца. М., 1989. С. 121.

¹⁶⁰ *Гуценко К. Ф., Головкин Л. В., Филимонов Б. А.* Уголовный процесс западных государств. М., 2002. С. 294-295.

¹⁶¹ См., напр.: *Criminal Justice: An Introduction to the Criminal System in England and Wales.* London, 1995. P. 4; *Гуценко К. Ф., Головкин Л. В., Филимонов Б. А.* Уголовный процесс западных государств. С. 45-46; *Стойко Н. Г., Семухина О. Б.* Уголовный процесс в США. Красноярск, 2000. С. 13-14.

системное единство уголовного процесса традиционно подчеркивается указанием на то, что целью, определяющей его движение и последовательность, «является вынесение правильного с точки зрения материального права решения, принятого в соответствии с процессуальными нормами и восстанавливающего правовой порядок».¹⁶²

Так или иначе, можно считать, что представление об уголовном процессе как системном объекте (и использование системного подхода к его изучению) в науке является устоявшимся и воспринимается в качестве данности, почти не требующей специального обоснования. Одна из причин этого состоит в том, что само право в его нормативном или прецедентном виде — это упорядоченное (систематизированное) явление, и потому описание и объяснение с его помощью уголовно-процессуальной реальности неизбежно становится системным. Другая причина заключается в относительно глубокой проработанности (по крайней мере, в отечественной юриспруденции) теории юридического процесса. С точки зрения ее авторов (В. М. Горшенев и др.),¹⁶³ юридический процесс есть регламентированная нормами права система правовых порядков деятельности управомоченных органов государства, их представителей и иных заинтересованных лиц, участвующих в разрешении юридических дел.¹⁶⁴ Его характерные черты: нормативная упорядоченность деятельности, определенность круга участников и их правовых статусов, последовательность совершения установленной совокупности правовых действий и решений (ритмичность, плановость, строгость, законность, обоснованность и справедливость), деление на стадии и правоприменительные циклы (в уголовном процессе — производства, состоящие из стадий).¹⁶⁵

Вместе с тем сказанное не означает, что отсутствует необходимость дальнейшей проработки понятия системы уголовного процесса, столь существенного для выделения и выражения его основных

¹⁶² Розз Г. Введение в немецкое уголовно-процессуальное право. Красноярск, 2001. С. 11.

¹⁶³ *Юридическая процессуальная форма* / Под ред. П. Е. Недбайло и В. М. Горшенева. М., 1976; *Теория юридического процесса* / Под ред. В. М. Горшенева. Харьков, 1985; *Горшенев В. М., Шахов И. Б.* Контроль как правовая форма деятельности. М., 1987; и др.

¹⁶⁴ *Теория юридического процесса*. С. 8.

¹⁶⁵ См. подробнее: *Горшенев В. М., Шахов И. Б.* Контроль как правовая форма деятельности. С. 165-166; *Теория государства и права: Курс лекций* / Под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. М., 1999. С. 398-407; и др.

признаков. Подтверждение тому — недавно опубликованная работа О. В. Волколуп, в которой предпринята попытка (в целом успешная) углубить названное понятие.¹⁶⁶ Рассматривая его в связи со стадиями судопроизводства,¹⁶⁷ автор исходит из следующих системных признаков:

- единая направленность (общая цель — установление истины);
- полнота (определенное количеством стадий и процедурным разнообразием такое построение процесса, при котором можно решить все возникающие по ходу конкретного уголовного дела вопросы);
- логическая завершенность и самостоятельность (каждая стадия имеет определенные временные и пространственные границы — т. е. начало, период существования и окончание, — осуществляется правовыми средствами и методами постепенно и может быть прервана);
- последовательность (одна стадия логически сменяет и продолжает другую);
- взаимодействие стадий (содержание и результативность одной стадии влияет на содержание и результативность другой);
- непротиворечивость и согласованность (деятельность и ее результаты, достигнутые на одной стадии, не должны препятствовать деятельности и достижению результатов на другой стадии).¹⁶⁸

При всей неоднозначности предложенной интерпретации нужно отметить, что в целом она соответствует системному подходу. Однако некоторые из приведенных положений вызывают возражения. Трудно согласиться с наличием единой направленности уголовного процесса (только одной общей цели).¹⁶⁹ Дело не только в том, что здесь явно игнорируется социальный контекст, объективно задающий разные направления уголовно-процессуальной деятельности (например, сдерживание преступности, возмещение убытков от преступлений, помощь потерпевшим), но и в том, что тем самым остается без ответа вопрос о способности уголовного процесса к ответной реакции на «вызовы» внешней среды (изменение состояния

¹⁶⁶ Волколуп О. В. Система уголовного судопроизводства и проблемы ее совершенствования. СПб., 2003. С. 11–32.

¹⁶⁷ Там же. С. 32.

¹⁶⁸ Там же. С. 32–35.

¹⁶⁹ Такая постановка вопроса может быть оправданной, если мы будем говорить о познавательной стороне уголовного процесса, т. е. давать ему гносеологическую характеристику.

преступности, уголовно-политические требования, требования общественности и т. п.). Кроме того, трактовка непротиворечивости уголовного процесса слишком узка. Наличие противоречий — не признак слабости уголовного процесса. Напротив, он предполагает их и должен разрешать. Являясь порождением социального конфликта между государством, обществом и преступностью, уголовный процесс не может не быть ареной многочисленных конфликтов разного уровня (будь то конфликт между ценностью сдерживания преступности и ценностью личности или конфликт между конкретным обвинителем, стремящимся привлечь к уголовной ответственности действительно виновного человека, и защитником, помогающим последнему уйти от заслуженного наказания). Но даже если иметь в виду лишь непротиворечивость между стадиями уголовного процесса, она также не может быть полной, ибо тогда придется добиваться не согласованности действий участников судопроизводства относительно общих целей, а совпадения целей у этих участников (например, у адвоката и прокурора).

Думается, приведенное выше определение уголовного процесса характеризует его односторонне — как объект, «оторванный» от субъекта. Уголовный процесс является социальной системой и, следовательно, требует социальных характеристик, в основании которых лежит критерий деятельности.¹⁷⁰ Важнейшие из них — совместность деятельности субъектов уголовного процесса, их статусно-ролевое взаимодействие, рационально упорядоченное в системе отношений (уголовно-процессуальных и уголовно-правовых), практике их реализации (правоприменительной) и типизированном поведении. Отсюда на первое место в определении уголовного процесса, как и любой социальной системы, выступает способ соорганизации взаимодействующих между собой субъектов.¹⁷¹ Конечно, на каждом из выделенных нами (или другими авторами) уровней (измерений) уголовного процесса этот способ может различаться и выражаться по-разному. Однако было бы неверно утверждать, что нет общего *соорганизующего* начала. Таким началом являются цели, принципы и функции уголовного процесса. На всех без исключения уровнях они имеют определяющее значение: на идеальном — как отражающие

¹⁷⁰ Деятельность, по меньшей мере, требует включения в свое содержание субъекта и «субъектных» компонентов. См. об этом: Резник Ю. М. Введение в социальную теорию. С. 361.

¹⁷¹ Там же. С. 351-355.

стратегическую и доктринальную (ценностно-правовую) рамку деятельности; на нормативном — согласованность правовых эталонов; на институциональном — организационную соотнесенность и соподчиненность органов уголовной юстиции; на правоприменительном — их процессуальную взаимозависимость и урегулированность отношений между собой и другими субъектами (опосредованную объективным уголовно-правовым отношением); на фактическом — типичность, повторяемость и воспроизводимость действий, взаимодействий и ситуаций. Причем на любом уровне цели, функции и принципы одновременно и непосредственно входят в его содержание и форму, указывая на то, что *со-держится* (ценности) и то, что *у-держивает* (способ).

Следовательно, уголовный процесс — это организованная, многоуровневая, совместная деятельность субъектов (участников) уголовного процесса, обладающих правовыми статусами и играющих (исполняющих) правовые роли, объединенная общими целями, принципами и функциями, выражающими отношения государства, общества и отдельных граждан к преступности и борьбе с ней.

Если сказанное справедливо, то модель уголовного процесса есть концептуальное выражение его осуществления на практике или иначе — уголовно-процессуальная стратегия. Другими словами, она (модель) определяет (описывает) суть уголовной политики в области уголовного процесса.¹⁷²

Отсюда, модель уголовного процесса — это стратегия, описывающая и объясняющая его через соответствующие «объединительные» цели, принципы и функции (или с их помощью), к рассмотрению которых мы и перейдем на правовом (уголовно-процессуальном) и социальном (уголовно-политическом) уровнях, предварительно определив теоретические основания для этого.

¹⁷² Близкий смысл в понятие стратегии (применительно к сфере борьбы с преступностью) вкладывает В. Н. Кудрявцев. По его мнению, термин «стратегия» предполагает общую концепцию, цели (ближайшие и отдаленные) и способы их осуществления, конкретные меры, а также определенную идеологию (явную или неявную) (Кудрявцев В. Н. Стратегии борьбы с преступностью. С. 38).

Глава II

ОСНОВНЫЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ В ТЕОРЕТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

§ 1. Содержание уголовно-процессуальных стратегий

Как уже было отмечено в предыдущей главе (§ 3), в науке уголовного процесса, как и в юридической науке вообще (в особенности в западной), термин «модель» достаточно распространен, правда, как правило, без четкого разъяснения смысла, вкладываемого в него, и не всегда в «подлинном» значении. Во многих случаях этот термин вообще не несет никакой самостоятельной смысловой нагрузки, например, когда словосочетание «германская модель уголовного процесса» означает то же самое, что и «германский уголовный процесс», или когда понятие «нормативная модель уголовного судопроизводства» употребляется как равнозначное понятию «уголовно-процессуальное законодательство».¹ Примеры же специального теоретического обоснования использования термина «модель» достаточно редки.² Впрочем, само по себе сказанное не противоречит тому обстоятельству, что в рамках модельного подхода работали и продолжают работать многие авторы.

При всем различии авторских подходов, поставленных исследовательских задач и предпочтений выработанные учеными разных стран модели уголовного процесса могут быть объединены в рамках шести уголовно-процессуальных стратегий (общих моделей): 1) защиты прав и свобод обвиняемого; 2) уголовного преследования; 3) социальной поддержки обвиняемого; 4) социальной поддержки потерпевшего; 5) рациональности и эффективности уголовного судопроизводства; 6) примирения. Такое объединение будет производиться нами, главным образом, по целевому и функциональному

¹ См., напр.: *Семухина О. Б.* Типология уголовного процесса англо-американской и романо-германской правовых систем. Томск, 2002. С. 4–8; *Comparative Criminal Procedure*. P. 7.

² См., напр.: *Смирнов А. В.* Модели уголовного процесса. СПб., 2000. С. 8–9; *Barton L. G.* The Structure of Criminal Procedure. Connecticut. 1987. P. 21.

признакам, выделенным на основе анализа существующих в науке моделей. Кроме того, в целях дальнейшего сравнительного исследования каждую из них мы будем рассматривать лишь в самых общих чертах и вне национального контекста, хотя и с использованием определенной процессуальной конкретики.

1) Стратегия защиты прав и свобод обвиняемого выражена в модели надлежащего правосудия и близких к ней моделях согласования интересов государства и обвиняемого (взаимной «любви»), автономии суда (одноранговая и иерархическая модели), диспозитивности (партиципативная и консенсуальная модели). Цель, которую она выражает, — справедливость (процедурная и материальная); функция, которую она предписывает органам уголовной юстиции, — обеспечение защиты прав и свобод обвиняемого.

*Модель надлежащего правосудия*³ фактически являлась экстраполяцией на уголовный процесс (и уголовную юстицию в целом) конституционно-правовых положений (вытекающих из Конституции США), охватываемых понятием «должная правовая процедура». В основе этой модели лежит идея равной и справедливой для всех судебной процедуры, с помощью которой граждане могут оградить свою автономию от произвола властей.⁴ Развитие данной идеи привело к созданию идеализированной версии того, как система уголовной юстиции должна работать, не отклоняясь от принципа господства права и не нарушая его. Непосредственно это связано с правами обвиняемого (на гуманное обращение и наказание, надлежащий суд, презумпцию невиновности, защиту от обвинения, независимый и беспристрастный суд, гласное судебное разбирательство, рассмотрение дела в разумный срок, состязательный процесс и равенство сторон), которые управляют уголовным процессом, а также с процедурами, которые гарантируют, что невиновный будет оправдан, а виновный осужден.⁵ То есть в уголовном процессе главенствующее значение имеет принятие справедливого решения по уголовному делу

³ Сформулирована профессором Гербертом Пэкером в 1964 г. (*Packer H. Two Models of the Criminal Procedure* // 113 University of Pennsylvania Law Review. 1964).

⁴ См. подробнее о доктрине «надлежащего процесса»: США: Конституция и права граждан / Под ред. И. А. Геевского (отв. ред.), В. А. Власихина, С. А. Червонной М., 1987. С. 136-138; *Бобонюв С. В., Жигачев И. /О.* Введение в правовую систему США. М. 1997. С. 245-250; и др.

⁵ Подробнее см.: *Packer H. The Limits of the Criminal Sanction*. Stanford, 1968. — Ранее об этом же писал Джером Скольник: *Scolnik J. Justice without Trial*. New York, 1966.

§ 1. Содержание уголовно-процессуальных стратегий

в условиях беспристрастности, уважения прав и свобод человека и гражданина, корректности по отношению к сторонам и как можно полной информированности о предмете правового спора.⁶

Сказанное предполагает наличие в организованном подобным образом производстве по уголовному делу:

а) самостоятельности сторон в собирании, исследовании и представлении доказательств в своих собственных интересах;

б) возможности сторон активно контролировать ход судопроизводства;

в) автономии суда (полной при пассивном участии его в рассмотрении дела, когда он лишь выслушивает доводы и аргументы сторон);

г) обязанности судьи обеспечить процедурное равноправие сторон, строгое следование этими сторонами правилам изложения доказательств и доводов;

д) исключительного права суда на разрешение рассматриваемого дела.⁷

Отсюда особая ценность процедур в таком судопроизводстве, построенном на жестком разделении функции собирания, исследования и представления доказательств и функции принятия решений.

Система этих процедур, по сути, представляет собой особый механизм, дающий сторонам возможность и средства для защиты своих интересов и контроля над правильностью движения дела. Более того, правосудие здесь в каждом конкретном случае есть создание такого механизма, в котором главной целью является воспрепятствование принятию предопределенного законом или прецедентом «должного» решения одним органом власти посредством установления постоянного поддержания баланса интересов и взаимоконтроля. Иначе говоря, акцент делается на способе, которым стороны продвигают свои интересы в процессе, а суд применяет закон или прецедент.

Предполагается, что четко, корректно и беспристрастно проведенная процедура, построенная на противопоставлении позиций сторон, соревновании или игре интересов, приводит к более справедливому

⁶ Основные положения этой «идеальной» версии уголовного процесса см.: *Landsman S.* Reading in Adversarial Justice: The American Approach to Adjudication (American Bar Association Section on Litigation). West Publishing, 1988; *Burnham W.* Introduction to the Law and Legal System of the United States. West Publishing, 1994; и др.

⁷ См. об этом: *Бернэм У.* Суд присяжных заседателей. М., 1995. С. 93-110; Гущенко К. Ф. Уголовная юстиция США. М., 1979. С. 8⁷-89; и др.

результату по сравнению с заранее предписанным законодателем всеобщим правилом.⁸

Так происходит потому, что тем самым уменьшается риск совершения ошибок, связанный с «естественной человеческой тенденцией слишком скоропалительно выносить суждение о том, что еще не полностью известно, на основании сравнения со знакомыми образцами».⁹ Кроме того, обладая свойством легитимности, процедура является значительно более гибкой по сравнению с эталоном, заданным законом или прецедентом, которые стареют значительно быстрее.

Будучи, с одной стороны, общепризнанной, а с другой — корректной в конкретном деле, процедура облегчает одобрение принятого решения обеими сторонами, несущими ответственность за результат использования переданных им в распоряжение процессуальных средств.¹⁰

Итак, именно процедура есть определяющая характеристика рассматриваемой модели уголовного процесса, ключевым элементом которой является процессуальная справедливость. Ценность последней, проистекающая из уважения к правам человека, ставится выше ценности эффективности судебного решения и даже может противоречить последней. Роль гаранта справедливости в данной модели выполняет суд, обвинение выдвигается и обосновывается государством, а обвиняемый вправе и может реально защищаться от него на равных с обвинителем условиях.

Модель надлежащего правосудия явно отдает предпочтение интересам обвиняемого за счет ограничения государственной власти и уменьшения ее эффективности. В соответствии с ней произвольное, не подчиненное контролю использование власти в уголовном процессе есть худшее зло, нежели неудача в обеспечении неотвратимости осуждения и наказания каждого преступника. Вот почему любой обвиняемый вправе и может рассчитывать здесь на честное (справедливое) судебное разбирательство своего дела, а в случае

⁸ См. подробнее: *Франковски С, Гольдман Р., Лентовская Э.* Верховный Суд США о гражданских правах и свободах. Варшава, 1998. С. 224-226.

⁹ Выдержка из Доклада совместной Конференции по профессиональной ответственности Американской ассоциации юристов (Report of the Joint Conference on professional Responsibility of the American Bar Association (1958); цит. по: *Бернэм У.* Суд присяжных заседателей. С. 94).

¹⁰ *Франковски С, Гольдман Р., Лентовская Э.* Верховный Суд США о гражданских правах и свободах. С. 225; *Фримэн Л.* Введение в американское право. М., 1992. С. 61.

установления вины — на соразмерное ей наказание, отражающее степень серьезности совершенного преступления, заслуженность его порицания, а также вред, причиненный потерпевшему.

*Вторая модель (согласования интересов государства и обвиняемого)*¹¹ как и первая, признает важность судебной процедуры и приоритет личных интересов над государственными. Однако она исходит при этом не из противоположности позиций сторон судебного спора, характерной для «классически» состязательного уголовного процесса, а из взаимности, совместимости интересов (взаимной «любви») индивида и государства как участников процессуальных отношений. По этой логике адвокат вместе с представителем государства (обвинителем) призван помочь органу правосудия достичь наиболее приемлемого для сторон примирительного решения. Таким путем государство, как следует из данной модели, одновременно защищает личность от своего собственного произвола и от преступности.¹²

*Модели автономии суда (одноранговая и иерархическая),*¹³ по сути, раскрывают то, что является наиболее существенным для надлежащего уголовного процесса: независимое положение суда.

Одноранговая модель подразумевает такой способ организации судебной власти, при котором она является автономной не только от других процессуальных властей, но и от государства в целом и в этом смысле способна проводить свою собственную политику, относительно независимую от политики государства. Государство здесь рассматривается как то, что потенциально угрожает свободе общества и индивида в своем неизбежном стремлении к господству и подчинению. Поэтому, согласно данной модели формы ответственности соответствующих государственных структур должны быть в большей мере ограничивающими власть, нежели обеспечивающими эффективность ее осуществления. Причем функциональная взаимозависимость процессуальных властей не может исключать их автономии, равно как и отношения субординации не могут преобладать над взаимоконтролем и взаимоограничением.

¹¹ Griffiths J. The Ideology in Criminal Procedure or A Third Model of the Criminal Process // The Yale Law Journal. 1970. Vol. 79. № 3. January.

¹² Ibid. P. 359, 370, 417.

¹³ Разработаны в 1975 г. М. Дамаска (Damaska M. R. Structures of Authority and Comparative Criminal Procedure // 84 Yale Law Journal. 1975. P. 480).

Иерархическая модель, напротив, предполагает, что именно государство осуществляет свою политику через созданные им и подчиненные его господству органы власти, включая суд. Отношения субординации при такой организации должны быть четко выражены и доминировать, не исключать определенной автономии (для суда существенной, хотя и ограниченной), а формы ответственности — служить государственному интересу. Хотя эта модель противопоставлена одноранговой, фактически она смыкается с ней по признаку независимости суда.

*Диспозитивные модели (партисипативная и консенсуальная)*¹⁴ указывают на важную для должной правовой процедуры черту: участие в уголовном процессе заинтересованных в его исходе лиц. Обе модели характеризуется тем, что частные лица (обвиняемый и потерпевший) допускаются в уголовный процесс и играют в нем активную роль в пределах предоставленных им прав. Однако в первой модели принятие процессуальных решений от них не зависит, в то время как во второй, напротив, от положительного или отрицательного решения (согласия или несогласия, либо требования) участников уголовного судопроизводства (заинтересованных лиц) зависит движение уголовного дела и выбор мер уголовно-правового воздействия (в определенных случаях). То есть различаются эти модели лишь по степени проявления диспозитивности.

2) К стратегии уголовного преследования относятся модель контроля над преступностью и сходные с ней модели пристыживания и порицания, принудительной юстиции, власти, а также надлежащего поведения. Соответствующая этой стратегии цель уголовного процесса — наказание, функция — установление уголовного правоотношения.

Модель контроля над преступностью рассматривается как прямо противоположная (в ценностном отношении) модели надлежащего правосудия.¹⁵ Она показывает роль системы уголовной юстиции в уменьшении, предотвращении и пресечении преступлений путем

¹⁴ Предложены бельгийскими учеными Ф. Тулкенсом и М. Кершовым в числе ряда других моделей, отражающих степень развития диспозитивности в уголовном процессе (*Tulkens E., Van de Kerchove M. La justice penale: justice impose, justice participative, justice consensuelle ou justice negociee // Revue de droit penal et de criminology. 1996. N 5. P. 447-449*). Характеристику этих моделей см. подробнее: *Головкин Л. В.* Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. СПб., 2002. С. 206-208.

¹⁵ *Packer H. The Limits of the Criminal Sanction. Stanford, 1968. P. 153.*

обвинения и наказания тех, кто виновен. Кроме того, эта модель подчеркивает важность защиты граждан, общества и государства посредством снижения преступности усилиями, прежде всего, полиции и обвинительных служб, которые несут ответственность за то, чтобы виновные предстали перед судом, обеспечивают неотвратимость уголовной репрессии. Именно от их оперативности зависит достижение этого главного в контроле над преступностью результата. Отсюда необходимость усиления досудебного производства, его доминирования над «медлительным и неэффективным»¹⁶ судебным процессом. В таком процессе основной упор делается на социальную значимость осуществления уголовной репрессии, посредством которой контролируется преступность,¹⁷ и предполагается господство публично-правовых (государственных) интересов над частноправовыми (личностными) интересами. В нем в центре внимания органов уголовного преследования и суда находятся взаимоотношения между преступником и государством, которые рассматриваются как формально-правовые (безличностные). Его характерными чертами являются: ориентация названных органов на общественную опасность преступлений как основание своей правовой активности; игнорирование или существенное ограничение правового контроля за органами уголовного преследования; поддержка их стремления покарать каждого преступника; презумпция виновности подозреваемых в совершении преступлений (потенциальных преступников); высокий уровень осуждений и «болезненность» назначаемых наказаний; отсутствие условий для межличностного контакта потерпевшего и обвиняемого.¹⁸

Согласно данной модели суд должен занимать позицию возмездия и устрашения по отношению к реальным и потенциальным преступникам, которые должны быть наказаны соответственно их поведению. Мера наказания здесь определяется возведенным в закон и играющим роль морального стандарта в обществе естественным чувством ненависти и отвращения людей к преступникам. Заслуженность возмездия оценивается по количеству вреда, причиненного преступлением, и по степени вины, обусловившей этот вред. Устрашающий эффект

¹⁶ *Packer H.* Two Models of the Criminal Procedure. P. 162.

¹⁷ *King M.* The Framework of Criminal Justice. London, 1981. P. 16.

¹⁸ *Ibid.* P. 13. — Близкую характеристику см.: *Зер Х.* Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание. М., 2002. С. 247-251 (в оригинале: *Zehr H.* Changing Lenses: A New Focus for Criminal Justice. Scottdale, 1990).

наказания связывается со страхом реальных и потенциальных преступников перед последствиями приговора. Поэтому способ наказания должен быть достаточно суровым, чтобы, с одной стороны, удерживать осуждаемых от совершения преступлений в дальнейшем, а с другой — являться отражением степени общественного неодобрения определенных форм поведения и служить индикатором степени такого неодобрения.¹⁹ Причем оценка преступности поведения тех или иных лиц с точки зрения возмездия и устрашения основывается на презюмировании их полной ответственности за совершенные деяния независимо от уровня самоконтроля.

Сказанное означает, что суды прежде всего являются гарантами правопорядка. Их главная функция — подтвердить и утвердить право государства на наказание преступника, а не обеспечить защиту прав человека или господство права в обществе. Другими словами, они должны осуждать действия обвиняемых, нарушающих закон, и поддерживать стремление органов уголовного преследования приносить обвинения перед судом. Делая так, суды должны всякий раз демонстрировать карающую силу закона, не допуская случаев, когда неотвратимость уголовной ответственности ставилась бы под сомнение недостаточно суровым или оправдательным приговором. Иначе потенциальные преступники будут спровоцированы к совершению преступлений, зная, что они либо уйдут от ответственности, либо не подвергнутся серьезным страданиям. В свою очередь это приведет к деморализации органов уголовного преследования, если их деятельность по раскрытию преступлений и изобличению виновных не будет иметь успеха в суде. Именно отсюда вытекает центральное для рассматриваемой модели требование: сохранять высокий уровень осуждений и тем самым поощрять органы уголовного преследования (в том числе путем отступления от законов, защищающих обвиняемых в досудебном производстве), предполагая, что они направляют в суд дела только тех, кто скорее всего виновен, и прекращают дела тех, кто вероятнее всего невиновен.²⁰

Ближе всего к модели контроля над преступностью стоит *модель пристыживания и порицания*. В ней обязанность обвиняемых предстать перед судом оправдывается необходимостью выразить

¹⁹ King M. The Framework of Criminal Justice. P. 17.

²⁰ Packer H. Two Models of the Criminal Procedure. P. 159-161. — См. также: Ковалев В. А. Буржуазная законность: теоретические иллюзии и судебно-политическая реальность. М., 1986. С. 40-43, 46-53.

посредством приговора моральное неодобрение их поведения обществом.²¹ Судебное разбирательство и наказание здесь выполняют важную социальную функцию: подчеркивают, поддерживают и усиливают с помощью права постоянные, значимые общественные ценности (поддержания правопорядка, обеспечения неотвратимости уголовной ответственности, предупреждения преступности и т. п.). Вся судебная деятельность, включая приговор, направлена на то, чтобы вызвать у обвиняемого чувство стыда и вины за содеянное (пристыдить), показать, какой в действительности статус в обществе он занимает (понижить социальное положение). Причем пристыживание и социальное «унижение» должны иметь реинтегративный характер, т. е. не быть чрезмерными, дабы не стигматизировать преступников до такой степени, когда их возвращение в общество, восстановление нормальных социальных связей станут невозможными.²² Поскольку данная модель не исключает наказания и даже требует его провозглашения в приговоре, она фактически сливается с моделью контроля над преступностью. Отличие состоит лишь в том, что модель пристыживания и порицания делает акцент на судебно-церемониальной стороне морального неодобрения поведения обвиняемого и отказывается от излишней суровости наказания.

*Принудительная модель (модель принудительной юстиции)*²³ рассматривается как классический вариант публичной правовой реакции на преступление, где государственный интерес в противодействии преступности является ведущим, а роль частных лиц в уголовном судопроизводстве незначительна или исключена совсем. Карательная направленность здесь очевидна, как и в модели контроля над преступностью, однако стратегия уголовного преследования дополняется еще одной характеристикой — отсутствием необходимости в активности лично заинтересованных в исходе дела лиц.

Модель надлежащего поведения — еще один вариант карательной стратегии государства в ее наиболее смягченном виде.²⁴ Основанная на сочетании элементов возмездия для преступников с обеспечением уважительного отношения к обвиняемым (подсудимым), она

²¹ См., напр.: King M. The Framework of Criminal Justice. P. 25-26.

²² Garfinkel H. Conditions of Successful Degradation Ceremonies // American Journal of Sociology. 1956. Vol. 6. P. 420-424.

²³ Tulkens K, Van tie Kerchove M. La justice penale... P. 447.

²⁴ Criminal Justice: An Introduction to the Criminal Justice System of England and Wales. P. 23.

исходит из важности наказания (возложения уголовной ответственности) при условии доказанности виновности и серьезности (большой степени общественной опасности) содеянного. При этом наказание не сводится к акту грубой мести или лишению (ограничению) правоспособности преступников, а предполагает принятие ими на себя ответственности за неправомерность совершенных действий. Таким путем в рамках модели достигается согласованность, совместимость отношения к обвиняемому как к личности путем наделения его конкретными правами в процессе с правом общества добиваться возмездия за неправомерное поведение путем установления вины и наказания за совершенное преступление. Другими словами, преступление и наказание связываются с контролем и моралью.²⁵

Примыкает к модели контроля над преступностью и *модель власти*.²⁶ Она отвечает на вопрос, кто создает право и чьи интересы уголовное судопроизводство и уголовная юстиция в целом обслуживают. Это взгляд на право, органы полиции и прокуратуры, его применяющие, судей, его творящих и/или осуществляющих, как на инструменты господства и подчинения. С точки зрения этого подхода, уголовный процесс усиливает роль власти в обществе — тех, кто создает право, и тех, кто его приводит в действие (т. е. судопроизводство находится под влиянием интересов доминирующих классов, элит и т. п.). Государство в этой модели рассматривается как действующее в интересах господствующих групп, которые используют материальное и процессуальное уголовное право для достижения своих целей.²⁷ Хотя названная модель может быть выражением особой идеологической и политической перспективы, цели устрашения и возмездия не являются для нее чуждыми, просто наказание здесь необходимо для поддержания господства правящих элит.

3) К стратегии социальной поддержки обвиняемого относится модель реабилитации,²⁸ которая основывается на известной

²⁵ В американском варианте данная модель рассматривается в рамках концепции так называемых «мертвых зон правосудия» и, по существу, ничем не отличается от модели контроля над преступностью. Она прямо декларирует отказ от учета социальных факторов (образование, социальное и семейное положение и т. п.) и моральной оценки: наказание должно отражать лишь степень тяжести содеянного. См. описание этой концепции: *Кристи Н.* Борьба с преступностью как индустрия. Вперед к Гулагу западного образца? М., 1999. С. 135–136, 138.

²⁶ *King M.* The Framework of Criminal Justice. P. 26–28.

²⁷ См., напр.: *Criminal Justice: An Introduction to the Criminal Justice System of England and Wales.* P. 23; *Ковалев В. А.* Буржуазная законность: теоретические иллюзии и судебно-политическая реальность. С. 1 i 6— 117; и др.

²⁸ *King M.* The Framework of Criminal Justice. P. 19–21.

криминологической идее, что преступники не могут полностью отвечать за собственные поступки, обусловленные их индивидуальными характеристиками и/или социальными факторами.²⁹ Сторонники этой идеи видят мало смысла в наказании таких преступников без связи с их психическими отклонениями, семейными проблемами или социальным окружением. Более того, уголовное правонарушение рассматривается ими скорее как повод для социального реагирования, а не как основание для репрессии, ибо свобода воли и моральная ответственность людей за свои поступки есть иллюзия, а человек — всего лишь продукт событий, находящихся вне его контроля. Именно в силу этого общество должно стремиться не к наказанию за преступления, а к возвращению лиц, их совершивших, в число добропорядочных граждан.

Иначе говоря, идеальной целью уголовного процесса в рассматриваемой модели является реабилитация (восстановление обвиняемого в таком состоянии его индивидуальных и личностных качеств, при котором он будет способен самостоятельно справляться с обращениями к нему социальными требованиями и тем самым воздерживаться от любых форм отклоняющегося поведения), функцией — определение и разрешение личностных проблем обвиняемого.

Отсюда движущим началом всего судопроизводства становится предположение, что обвиняемый нуждается в социально-психологическом и социально-педагогическом воздействии, которое избирается судом самостоятельно или с помощью специалистов. Для этого необходимы специальные процедуры для собирания обширной, точной и детальной информации о личности обвиняемого и его актуальной жизненной ситуации (семейное положение, ближайшее окружение, образование, воспитание, работа, уголовное прошлое и т. п.), на основе которой социальные работники, социальные педагоги, психологи и психиатры могли бы дать заключение о причинах антисоциального поведения обвиняемого, возможности его предотвращения в будущем и мерах воздействия в настоящем. Вопросы установления вины или обеспечения процедурного равенства не должны иметь приоритетного значения, а судебная деятельность должна осуществляться в мягкой, жестко не формализованной и не ритуализованной манере.

²⁹ См. об этом, напр.: *Макклиток Ф. Г.* Планирование уголовной политики в контексте социальной защиты. Роль исправительных учреждений// Планирование мер борьбы с преступностью. М., 1982. С. 105. — См. также: *Black D.* The Behaviour of Law. London, 1976; *MacClintock F. H.* Children in trouble in Scotland. Some Issues. Yaucreson, 1979; *Шнайдер Г.* Криминология. М., 1994; и др.

Поэтому главное внимание на каждой стадии уголовного процесса нужно уделять взаимодействию органов уголовной юстиции с обвиняемыми (подозреваемыми) в целях уменьшения криминальности последних. Причем полиция должна обладать полномочиями прекращать производство в отношении подозреваемых ими преступников (особенно молодых), когда есть данные, свидетельствующие о вероятно большой степени неэффективности карательного воздействия на них. Работая в рамках реабилитационного подхода, полицейский чиновник может ограничиться вынесением предостережения правонарушителю о недопустимости преступного повеления и передать его в агентство социальной работы или службу пробации, задача которых состоит в ресоциализации преступников, возвращении их в нормальную жизнь. Более того, социальные работники, служащие пробации и иные специалисты оказываются вовлеченными в уголовный процесс на этапе постановления приговора, подготавливая специальные предварительные доклады с изложением причин (обстоятельств) совершения правонарушения (преступления) и своего мнения о возможном приговоре, в том числе о мере воздействия альтернативной уголовному наказанию.

Таким образом, центральным пунктом модели реабилитации, определяющим ее содержание, становится требование во всех случаях принимать во внимание (учитывать) нужды правонарушителя (индивидуальные реабилитационные потребности).

4) Стратегия социальной поддержки потерпевших наиболее ярко отражена в модели участия потерпевшего в деле и так называемой «благотворительной модели уголовного правосудия».³⁰

Первая из названных моделей предусматривает возможность принятия компенсационных решений, в соответствии с которыми на обвиняемых накладывается обязанность произвести финансовые выплаты непосредственно потерпевшим; потерпевшему предоставляется право влиять на приговор путем кратких («сжатых») письменных заявлений, а также «обращений» в суд, содержащих в себе либо информацию только о вреде, причиненном потерпевшему, либо еще и его оценку (мнение) по всем вопросам, разрешаемым в приговоре.³¹

³⁰ Относится к числу моделей, ориентированных на потерпевшего, созданных известными английскими учеными Дж. Дигнаном и М. Кавадино (*Dignan J., Cavadino M. Towards a Framework for Conceptualizing and Evaluating Victim-Oriented Models of Criminal Justice. Sheffield, 1995*).

³¹ Erez E. Victim Participation in Sentencing: An the Debate does on... // International Review of Victimology. 1994. N 3. P. 17-28; Joutsen M. Victim in

Вторая требует законодательного закрепления системы компенсаций жертвам преступлений вне рамок уголовного процесса;³² создания не зависящей от органов уголовной юстиции сети учреждений, обеспечивающих различные формы поддержки жертв преступлений и помощи им, а также рассматриваемых как важный институт общей государственной системы социального обеспечения;³³ оказания помощи жертвам преступлений негосударственными (частными и общественными) организациями, привлечение волонтеров (добровольцев);³⁴ оказания помощи потерпевшим вне связи с официальными решениями органов уголовной юстиции (о задержании подозреваемого, возбуждении уголовного дела и т. п.), а также с возможностями преступников (обвиняемых) выплачивать компенсации.³⁵

Эта стратегия ориентирует на удовлетворение реальных нужд потерпевших, таких как:

- гуманное обращение со стороны органов уголовной юстиции;
- обеспечение личной безопасности;
- социальная и психологическая поддержка;
- эффективность досудебного расследования (с точки зрения возврата похищенного имущества);
- государственная или общественная компенсация вреда, причиненного преступлением;
- возмещение ущерба обвиняемым (преступником);
- процессуальная активность и равноправие с обвиняемыми.³⁶

Отсюда определяется главное предназначение уголовного процесса — восстанавливать подорванное совершением преступлений доверие потерпевших к обществу. Органы уголовной юстиции должны демонстрировать свою солидарность с ними, знать и понимать их конкретные проблемы, признавать и учитывать права жертв как

Procedins and Sentencing in Europe// International Review of Victimology. 1994. N 3. P. 57-67; Шнайдер Г. Криминология. М., 1994. С. 349-350, 364-367.

³² Примером может служить финский Закон 1973 г. о компенсации потерпевшим, охватывающий практически все виды вреда, проистекающие из какого-либо правонарушения. См. об этом: Joutsen M. The Criminal Justice System of Finland: A General Introduction. Helsinki, 1995. P. 17-18.

³³ Ashworth A. The Criminal Process: An Evaluative Study. Oxford, 1994. P. 35.

³⁴ Maguire M., Corbett C. Effects of Crime and the Work of Victim Support Schemes. Aldershot, 1987; Rock P. Helping Victims of Crime. Oxford, 1990. P. 209.

³⁵ Dignan J., Cavadino M. Towards a Framework for Conceptualizing and Evaluating Victim-Oriented Models of Criminal Justice. P. 15.

³⁶ См. об этом: Танцеев М. Е., Стойко Н. Г. Потерпевший и его функция в российском уголовном процессе. Красноярск, 2002. С. 6.

фактически, так и юридически, ибо уголовное судопроизводство не может считаться успешным, если постоянно вызывает у потерпевших неудовлетворение от его хода и результатов. Зависит же это прежде всего от отношения к ним процессуальных властей.³⁷ Вот почему взаимодействие между органами уголовной юстиции и жертвами преступлений должно строиться исходя из реабилитационных потребностей и с учетом разнообразных притязаний последних (компенсационных, карательных, примирительных и т. п.)³⁸ и выражаться в трех основных направлениях: консультирование и помощь по широкому кругу вопросов; процессуально-правовое признание наравне с обвиняемыми («уравнивание» правовых статусов); компенсация за причиненный вред.

Целью уголовного процесса, построенного в соответствии со стратегией социальной поддержки потерпевших, будет прежде всего реабилитация жертв преступлений, а функцией — определение и, в определенной мере, разрешение их личных проблем. Обвиняемый в таком процессе превращается в объект, главным образом, компенсационных притязаний (хотя карательные и примирительные притязания не исключены) со стороны потерпевшего. В идеале он (обвиняемый) — должник, причинитель вреда, а не преступник.³⁹ Мера его уголовной ответственности (если ее не удастся избежать) определяется исходя не из вины, а из последствий содеянного.⁴⁰

Отсюда потерпевшему в уголовном судопроизводстве должны разъясняться и гарантироваться его права и возможности (например, заявлять требования о компенсации). Его следует информировать о предоставляемых услугах (реабилитационных, правовых и т. п.); сообщать о всех значимых для него процессуальных решениях (избрании меры пресечения, вынесении приговора и т. п.); обеспечивать безопасность от неправомерного воздействия со стороны обвиняемого; быстро возвращать похищенное имущество, имеющее статус

³⁷ Гренгюйзен М. Развитие виктимологии и его влияние на политику в отношении уголовного судопроизводства // Основные принципы современного уголовного права: Сборник текстов. Ч. 4. Предмет 2. Тилбург, 1997. С. 3-4.

³⁸ Подробнее о притязаниях потерпевших см.: Танцеров М. Е., Стойко Н. Г. Потерпевший и его функция в российском уголовном процессе. С. 47-59.

³⁹ Макклиток Ф. Г. Планирование уголовной политики в контексте социальной защиты. С. 105.

⁴⁰ См. об этом: Фаттах Э. А. От ориентира вины к ориентиру последствий. Новая система понятий уголовного права XXI века // Основные принципы современного уголовного права: Сборник текстов. Ч. 4. Предмет 2. Тилбург, 1997. С. 6.

вещественных доказательств; гарантировать право на участие в отдельных следственных действиях, на обжалование процессуальных решений и бесплатную юридическую помощь. Его интересы необходимо учитывать при определении времени судебного заседания, избрании меры пресечения, выборе меры наказания и т. д.⁴¹ Кроме того, достаточное внимание нужно уделять исследованию степени виктимности поведения потерпевшего и не допускать его повторной виктимизации в результате грубости, черствости или равнодушия процессуальных властей.⁴²

5) Стратегии рациональности и эффективности уголовного судопроизводства соответствует модель «бюрократической» эффективности. Она отражает давление на уголовный процесс органов уголовной юстиции, стремящихся ввести в него ресурсосберегающие правила и процедуры. Основная цель здесь — сократить, оптимизировать издержки и расходы, добиться того, чтобы уголовные дела обвиняемых (подозреваемых) как можно быстрее и эффективнее рассматривались в суде. Основная функция — управление. Поэтому длительное содержание предполагаемых преступников под стражей или арестом до суда, долгое и дорогостоящее разбирательство в суде, значительное число оправдательных приговоров и судебных ошибок признаются недопустимыми.

В более широком смысле согласно этой модели уголовная юстиция должна базироваться на расчете (калькуляции) и рациональности.⁴³ Это значит, что правовая система должна быть изолирована от непосредственных ежедневных политических конфликтов⁴⁴ и воплощена «в виде содержательных и процессуальных норм», обслуживающих и правительство и управляемого.⁴⁵ Применительно к системе уголовной юстиции это значит, что суды должны рассматриваться

⁴¹ *Криминология* /Под ред. Дж. Ф. Шели. СПб., 2003. С. 239-240; Хубер В. Развитие уголовного права в Европе: обзор // Основные принципы современного уголовного права: Сборник текстов. Ч. 4. Предмет 2. Тилбург, 1998. С. 14-16.

⁴² О причинах «вторичной» виктимизации в уголовном процессе см.: Грен-гюйзен М. Развитие виктимологии и его влияние на политику в отношении уголовного судопроизводства. С. 4-6.

⁴³ Н. Кристи связывает появление этого требования с тем, что правовая система повсеместно приспособляется к современному индустриальному обществу, все более и более подчиняясь его экономическим ценностям, предполагающим привнесение в правосудие (на смену ритуальности и экспрессивности) четкости и эффективности института производства (Кристи Н. Борьба с преступностью как индустрия. С. 149-150, 153).

⁴⁴ Balbus I. The Dialectics of Legal Repression. New York, 1973. P. 4.

⁴⁵ Ibid. P. 5.

как «нейтральные в конфликте между государством и обвиняемым».⁴⁶ Каждый обвиняемый, независимо от его вероисповедания, расы, национальности, политического или социального статуса, должен рассматриваться как подпадающий под подобную рациональную оценку его поведения в соответствии с установленными правилами процесса, которым «подчиняются и политические и другие полномочия... и произвол и рациональные решения».⁴⁷ Бюрократическая цель здесь заключается в том, чтобы подвергнуть обвиняемых соответствующим стандартным процедурам, которые действуют независимо от политических и иных симпатий и предпочтений по отношению к тем, кто находится на скамье подсудимых. При этом упор делается на точность и доступность информации о ходе и результатах судопроизводства, сокращение временных затрат, минимизацию «трений» между участниками процесса, уменьшение материальных издержек и используемых людских ресурсов, т. е. на достижение максимальной продуктивности. Надежность информации, необходимой для принятия ясных и сходных процессуальных решений, быстрота и простота осуществляемых процедур, их экономичность (невысокая затратность), предполагающая четкое определение функций и разделение труда между органами уголовной юстиции, рассматриваются здесь в качестве важнейших операциональных требований рационального и эффективного ведения уголовного дела.⁴⁸

Поэтому не случайно в данной модели продолжительность судебного рассмотрения дела и экономические соображения — лишь основания для упрощения и/или ускорения уголовного судопроизводства (при условии, разумеется, соблюдения минимальных стандартных прав обвиняемого), а всякий случай волокиты заслуживает самых жестких санкций. Более того, предполагается, что полное следование всем многочисленным процедурным формальностям и процессуальным гарантиям должно быть скорее исключением, нежели правилом. Вот почему с точки зрения эффективности и рациональности приветствуются: ограничение контроля за полицией со стороны прокуратуры (обвинительной власти); исключение некоторых судебных процедур, этапов или стадий; расширение заочного производства в отношении обвиняемых; введение специальных (ускоренных и упрощенных) форм судопроизводства по определенным

⁴⁶ Ibid. P. 10.

⁴⁷ Ibid. P. 13.

⁴⁸ King M. The Framework of Criminal Justice. P. 21-23.

категориям дел; установление ограниченного срока производства в некоторых стадиях; сокращение времени, на которое может быть отложено время судебного разбирательства; соединение и выделение уголовных дел (концентрация обвинения и судебного рассмотрения на одном или нескольких преступлениях); соглашения между обвинением и защитой; назначение наказания в рамках процедуры судебного приказа или путем применения заранее фиксированной меры уголовно-правового воздействия; прекращение уголовных дел и преследований ввиду отсутствия судебной перспективы или по нереабилитирующим основаниям; и т. д., и т. п.⁴⁹

б) Стратегия примирения раскрывается в моделях восстановительного правосудия и общественного правосудия, а также близких им моделях договорной (переговорной) юстиции, личностно-ориентированной и дискурсивно-состязательной.

Восстановительная модель уголовного правосудия обладает следующими отличительными чертами:

— выдвижение в качестве одной из главных целей судопроизводства примирения между потерпевшим (жертвой) и обвиняемым (преступником);⁵⁰

— уполномочивание сторон конфликта (жертвы и преступника) на участие в выработке решения по уголовному делу;⁵¹

— использование института посредничества при урегулировании конфликта потерпевшего с обвиняемым для удовлетворения законных интересов сторон;⁵²

— возможность компенсации не только материального, но и психологического вреда, испытанного потерпевшим;⁵³

— вовлечение обвиняемого в процесс возмещения ущерба потерпевшему для развития позитивных отношений между ними.⁵⁴

Общественная (или общинная) модель правосудия предполагает широкую общественную реакцию на проблему преступления.⁵⁵

⁴⁹ См. об этом, напр.: Хубер В. Развитие уголовного права в Европе. С. 5-6.

⁵⁰ Зер Х. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание. С. 218-223.

⁵¹ Крости Н. Пределы наказания. М., 1985. С. 98-125.

⁵² Marshall T. Merry S. Crime and Accountability: Victim/Offender Mediation in Practice. London, 1990.

⁵³ Relational Justice: Repairing the Bragch / Eds. J. Bumside, N. Baker. Winchester, 1994.

⁵⁴ Perspectives on Crime Victims / Eds. B. Galaway, J. Hudson. St. Louis; Toronto; London, 1981. P. 412-418; Шуйдер Г. Криминология. С. 365-366.

⁵⁵ Braithwaite J., Muford S. Conditions of Successful Reintegration Ceremonies: Dealing with Juvenile Offenders// British Journal of Criminology. 1994. N 34. P. 139-141.

Ее отличительные признаки:

— использование в уголовном процессе реинтеграционного порицания преступников (обвиняемых), выражающегося в демонстрации осуждения совершенного деяния при одновременной поддержке уважительного отношения к ним и решимости окончательно простить со стороны потерпевших и ближайшего социального окружения;⁵⁶

— делегирование властных полномочий по разрешению определенных категорий уголовных дел, по которым вопрос о вине не оспаривается, а конфликт между жертвой и преступником находится в пределах их непосредственного социального окружения, представителям общественности;⁵⁷

— учреждение «семейных» или «общественных» конференций, участниками которых являются обвиняемые и потерпевшие, их родные и близкие, друзья, в качестве заменяющих обычную судебную процедуру разбирательства дела, предполагающего достижение согласованной, достаточно персонифицированной и не противоречащей общественным ценностям реакции ближайшего социального окружения на преступление;⁵⁸

— замена ритуала осуждения по приговору суда реинтеграционной церемонией повторного принятия обвиняемых (преступников) в число законопослушных граждан;⁵⁹

— поощрение и уполномочивание обвиняемого (преступника) и его близких на выработку взаимоприемлемого плана восстановительных мер с потерпевшим, органами уголовной юстиции и другими участниками в неформальной обстановке примирительного производства, посреднических и согласительных процедур;⁶⁰

— контроль со стороны формальных инстанций и общественности за исполнением восстановительного плана действий (особенно касающегося конструктивного, включающего межличностный контакт обвиняемого и потерпевшего, возмещения ущерба, а также общественных работ);⁶¹

⁵⁶ Характеристику теории реинтеграционного порицания см.: *Braithwaite J. Crime, Shame and Reintegration*. Cambridge, 1989.

⁵⁷ *Braithwaite J., Mugford S. Conditions of Successful Reintegration Ceremonies*. P. 140-141.

⁵⁸ *Relational Justice: Repairing the Bragch* / Eds. J. Burnside, N. Baker. Winchester, 1994.

⁵⁹ *Braithwaite J., Mugford S. Conditions of Successful Reintegration Ceremonies*. P. 162-163.

⁶⁰ *Ibid.* P. 167-168.

⁶¹ *Ibid.* P. 169.

— включение реинтеграционного примирительного производства в общую систему уголовного судопроизводства как ключевого, центрального звена правосудия по делам о преступлениях несовершеннолетних;⁶²

— гарантирование интересов потерпевших (в той же мере, как и конструктивности в отношении к преступникам) через предоставление им безусловного права на высказывание своего мнения о способе обращения с обвиняемыми и выбор любого решения из числа предложенных на «семейном» обсуждении.⁶³

Договорная (или переговорная) модель уголовной юстиции делает акцент на признании за частными лицами-участниками процесса права влиять на содержание принимаемых органами уголовной юстиции решений, т. е. достигать «подлинных» соглашений-контрактов с этими органами (например, путем заявлений о признании вины или медиации).⁶⁴

Весьма близки идее примирения *лично-ориентированная*⁶⁵ и *дискурсивно-состязательная*⁶⁶ модели уголовного процесса.

Первая из них исходит из представления об уголовном судопроизводстве как способе конструктивного (позитивного) разрешения уголовно-правового конфликта, которое предполагает, что возложению уголовной ответственности на обвиняемого в позитивном смысле должно корреспондировать принятие им на себя этой ответственности (при обязательном вовлечении в данный процесс потерпевшего и посредничестве со стороны суда и социальных работников).⁶⁷

Вторая указывает на активность функционально равноправных сторон, имеющих дискреционные полномочия по возбуждению обвинения, собиранию доказательств и проведению альтернативного расследования, а также на целесообразность публичного обвинения и возможность примирения сторон путем медиации (при субсидиарной активности суда на всех стадиях процесса).⁶⁸

⁶² Dignan J., Cavadino M. Towards a Framework for Conceptualizing and Evaluating Victim-Oriented Models of Criminal Justice. P. 26-27.

⁶³ Ibid. P. 27; Moris A., Maxwell C, Robertson J. Giving Victims a Voice: A New Zealand Experiment// The Howard Journal of Criminal Justice. 1993. N 32. P. 309; Braithwaite J., Mugford S. Conditions of Successful Reintegration Ceremonies. P. 148.

⁶⁴ Tulkens F, Van de Kerchove M. La justice penale... P. 447-449.

⁶⁵ Стойко Н. Г. Уголовная юстиция России в развитии. Красноярск, 1997. С. 24-31.

⁶⁶ Смирнов А. В. Состязательный процесс. СПб., 2001. С. 258.

⁶⁷ Стойко Н. Г. Уголовная юстиция России в развитии. С. 29-31.

⁶⁸ Смирнов А. В. Состязательный процесс. С. 258.

Уголовный процесс, ориентированный на стратегию примирения, должен быть нацелен на урегулирование криминальных конфликтов (столкновений интересов). Его функция — решать конфликты, т. е. добиваться исчерпания противоречий, вызванных совершением преступлений, на основе волеизъявления и к взаимному удовлетворению сторон (потерпевшего и обвиняемого).⁶⁹ Преступление здесь рассматривается как конфликтная ситуация, стороны — как спорящие, а органы уголовной юстиции (их представители) — как организаторы и/или посредники в споре, уголовно-правовой характер которого (обусловленный лежащим в его основе криминальным конфликтом как столкновением преступных интересов и интересов общества) как бы отодвигается на второй план. Тем самым внимание органов уголовной юстиции концентрируется не на противоречии между преступными и общественными интересами, ценностями и нормами, а на его актуализации в конкретных деятельных человеческих столкновениях, представляющих криминальный (уголовно-правовой) конфликт как явление, т. е. на межличностном взаимодействии.⁷⁰

В этом смысле уголовный процесс должен охватывать собой всю действительность уголовно-правового конфликта, которая выходит далеко за пределы непосредственной юридической оценки поведения человека как преступного, включая в себя не только собственно криминальную, но и предкриминальную, а также посткриминальную ситуации.⁷¹ Последние могут иметь уголовно-правовое значение (например, с точки зрения назначения наказания, его исполнения, предупреждения совершения новых преступлений) и регулироваться нормами уголовного, уголовно-процессуального и пенитенциарного права, а могут и не иметь такого значения (например, семейные или трудовые конфликтные действия, связанные с привлечением к уголовной ответственности, ресоциализацией после

⁶⁹ О понятии конфликта и его разрешении см., напр.: *Хасан Б. И.* О понятийной схеме и особенностях конфликта в деятельности по расследованию преступлений // Проблемы психологии следственной деятельности. Красноярск, 1989. С. 48, 54-55.

⁷⁰ См. об этом: *Ривман А. В.* Виктимологические факторы и профилактика преступления. Л., 1975; *Франк Л. В.* Потерпевшие от преступления и проблемы советской виктимологии. Душанбе, 1977; *Кудрявцев С. В.* Конфликт и насильственное преступление. М., 1991.

⁷¹ Вероятно, это имела в виду В. Я. Рыбальская, когда отождествляла допреступные события с конфликтом, развивающимся по спирали (*Рыбальская В. Я.* Виктимологические исследования в системе криминологической разработки проблем профилактики преступлений несовершеннолетних // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 33. М., 1980).

исполнения наказания; конфликтные действия, связанные с нарушением порядка уголовного судопроизводства, правил отбывания наказания), либо находясь, либо отсутствуя в сфере действия права, в том числе его криминальных отраслей.

Сказанное означает, что уголовно-правовой конфликт становится предметом деятельности органов уголовной юстиции и, соответственно, требует особой юридической организованности, достигаемой посредством применения норм криминальных отраслей права, заданной последними как возможность и актуализируемой в рамках соответствующей юридической практики (в нашем случае — уголовно-процессуальной) как необходимость на определенных этапах разворачивания конфликтного взаимодействия.

Следовательно, необходимы определенные государственные и общественные институты, вся предметная деятельность которых (или ее часть) представляет собой урегулирование указанного конфликта в рамках специальных процедур и с использованием специальных методов (неформально-правовых), интегрированных в уголовный процесс. Речь идет о социальных службах, службах пробации, различных общественных организациях, представители которых могут взять на себя роль посредников и/или представлять (собирать) информацию, связанную с конфликтом. Что касается непосредственно органов уголовной юстиции, то их должностные лица, по меньшей мере, должны быть обучены способам нейтрализации уголовно-правового конфликта, проявляющего себя как конфронтация, имеющая в целом деструктивный характер для ее сторон (преступника и жертвы), действия которых имеют разные основания, цели и несовместимы.

В противном случае конфронтация будет сохраняться или даже произойдет ее эскалация (изменяясь лишь по форме), когда одна сторона (стороны) стремится навязать однозначное решение, избежать действий другой стороны либо приспособиться к ним или просто претерпевать их.⁷²

Иначе говоря, согласно стратегии примирения уголовный процесс представляет собой не просто часть действительности, в которой разворачивается криминальный конфликт, но главным образом средство (механизм) его позитивного разрешения: переход от конфронтационного развития конфликтного взаимодействия к позиционному,

⁷² Сказанное является интерпретацией характеристик конфликта вообще. Подробнее см.: Хасан Б. И. Психотехника конфликта и конфликтная компетентность. Красноярск, 1996.

от несовместимости, рассогласованности действий к кооперации, согласованности (основанной на общем понимании обвиняемым и потерпевшим причин и оснований преступления) и, в конечном счете, к такому изменению действий сторон, при котором они будут соответствовать одобряемому правом поведению и удовлетворять интересам друг друга.

Итак, проведенный анализ различных моделей, отражающих различные идеологические и политические перспективы развития уголовного процесса, позволяет их объединить в шесть основных, с нашей точки зрения, стратегий (общих моделей), каждая из которых обладает общими признаками (см. таблицу).

Нетрудно заметить, что цели, функции и принципы отражают здесь прежде всего социальную, уголовно-политическую природу уголовного процесса (как части уголовной юстиции вообще).⁷³ Многие из них даже не имеют непосредственного процессуального «вида». В то же время все они есть результат концептуализации практики и в своем единстве образуют определенную идеологическую и политическую перспективу, вытекающую из ряда процессуальных «деталей», данных в описаниях соответствующих стратегий. В этом смысле каждая из вышеизложенных стратегий-моделей сама по себе уже может быть использована для анализа уголовного процесса сравниваемых нами стран без специального «перевода» на уголовно-процессуальный уровень. Более того, описанные выше цели, функции и принципы относятся именно к данному уровню, хотя и определены уголовно-политически. Другое дело, что такой «перевод» становится неизбежным, как только мы начнем говорить о том, чьи интересы стоят за той или иной стратегией, кто конкретно и каким образом (путем выдвижения каких целей, исполнения каких функций, реализации каких принципов) их достигает или должен достигать. Фактически речь идет о «коллективном» распределении социально заданных целей и функций, формулировании соответствующих принципов и, таким образом, о согласованности и совместимости выделенных нами общих моделей. Однако это будет уже другой уровень — основных субъектов (участников) уголовного процесса, требующий перехода к национально-правовому контексту. Разумеется, сказанное

⁷³ При этом под уголовной юстицией понимают как систему соответствующих органов, так и процесс их деятельности. См., напр: *Reid T. Crime and Criminology*. New York, 1976. P. 260.

Общие модели (стратегии)	Защита прав и свобод обвиняемого	Уголовное преследование	Социальная поддержка обвиняемого	Социальная поддержка потерпевшего	Рациональность и эффективность	Примирение
Цели	справедливость	наказание	реабилитация	реабилитация	оптимизация расходов и издержек	урегулирование конфликтов
Функции	обеспечение защиты прав и свобод обвиняемого	установление уголовного правоотношения	определение и разрешение личностных проблем обвиняемого	определение и разрешение личностных проблем потерпевшего	управление уголовным процессом	позитивное разрешение криминальных конфликтов
Принципы	автономия суда и разделение сторон; процедурное равноправие сторон; самостоятельность сторон в собирании, исследовании и представлении доказательств; контроль сторон за ходом судопроизводства; разрешение дела только судом; вероятная невиновность лиц, обвиняемых перед судом	ограничение правового контроля за органами уголовного преследования; обеспечение высокого уровня осуждений; вероятная виновность лиц, обвиняемых перед судом; суровость уголовной репрессии; отчуждение и подавление обвиняемого	приоритет социально-педагогического и социально-психологического воздействия над уголовно-правовым; индивидуальный подход к каждому обвиняемому; неформализованная судебная процедура; недопустимость направления дела в суд в отношении обвиняемых, степень общественной опасности которых незначительна, а эффективность возможного карательного воздействия крайне низка; участие специалистов в процессе сбора информации, выработки и принятия решений по делу	участие потерпевшего в уголовном деле; равенство прав потерпевшего и обвиняемого; учет и удовлетворение реабилитационных потребностей потерпевшего; приоритет компенсационных притязаний потерпевшего; обеспечение личной безопасности	стандартизация судопроизводства (вне зависимости от политических факторов); экономичность; разделение труда (специализация); быстрота и простота; нейтрализация и минимизация конфликтов	участие потерпевшего в решении; использование посредничества; специальные процедуры; неформальная процедура рассмотрения дела; разрешение дела представителями общины (ближайшего окружения); правовой контроль за выработкой решений; общественный контроль за выработкой решений.

не означает отсутствия необходимости в предварительном общетеоретическом анализе вопроса о согласовании обозначенных выше стратегий, который мы и проведем в следующем параграфе.

§ 2. Согласование уголовно-процессуальных стратегий

Итак, прежде чем перейти к национально-правовому анализу, требуется решить вопрос: возможно ли согласованное и совместимое осуществление выделенных нами стратегий на двух уровнях — уголовного процесса вообще и его основных участников?

В целом на данный вопрос может быть дан положительный ответ, но при условии двух теоретических допущений: все общие модели (стратегии) так или иначе, в той или иной мере реализуются (проявляются) в уголовном процессе (законодательстве, практике его применения, фактическом поведении и т. п.); ни одна из моделей не рассматривается в качестве альтернативы уголовному судопроизводству вообще как способу уголовно-правового реагирования на преступность. Сказанное означает, что цели, функции и принципы в уголовном процессе должны корреспондировать разным стратегиям одновременно, образуя единую систему.

Однако не вполне ясно, насколько это реализуемо, если модели уголовного процесса вступают друг с другом в видимое противоречие.

Совершенно очевидно, что карательная стратегия в целом и модель контроля над преступностью в особенности идеологически и политически противостоят другим стратегиям. Действительно, трудно найти согласованность между допущением возможности игнорирования отдельных прав подозреваемых и обвиняемых, отказа от судебного контроля или даже фабрикации доказательств в целях осуждения преступника, о котором полиция «знает» (карательная стратегия), с одной стороны, и процедурным равноправием, презумпцией невиновности, уважительным отношением к обвиняемому, учетом его реабилитационных нужд, развитием положительных отношений потерпевшего и обвиняемого и т. п. (стратегии защиты прав и свобод обвиняемого, социальной поддержки обвиняемых, социальной поддержки потерпевших, примирения) — с другой. Компромисс, о котором говорил Г. Пэкер,⁷⁴ здесь вряд ли достигим.

В явном противоречии со стратегиями уголовного преследования и защиты прав и свобод обвиняемого (предполагающими наказание

⁷⁴ Packer H. The Limits of the Criminal Sanction. P. 153.

за совершенное преступление и равное обращение с обвиняемыми, соответственно) находится стратегия социальной поддержки обвиняемых (предусматривающая значительный объем полномочий органов уголовной юстиции в выборе решений, преследовать обвиняемого по суду или нет, наказывать ли его за содеянное или избрать иную меру воздействия).

Аналогично обстоит дело и со стратегией социальной поддержки потерпевших, поскольку достижение ее идеальной цели (реабилитации) фактически блокируется первыми двумя из вышеназванных стратегий, в рамках которых:

1) к потерпевшему относятся как к объекту для выявления истины в уголовном деле, а к его интересам — как к второстепенным при принятии процессуальных решений;

2) органы уголовной юстиции «крадут» права потерпевшего, реально замещая его в процессе;

3) отношение процессуальных властей к потерпевшему характеризуется равнодушием, недоверием, сомнением и ведет к его вторичной виктимизации, причиняя ему психологический, моральный, социальный вред;

4) возмещение ущерба, причиненного преступлением, рассматривается органами уголовной юстиции лишь в плане карательного воздействия на обвиняемого, оставляя без внимания притязания потерпевших на компенсацию и примирение.⁷⁵

Даже карательные притязания потерпевшего не учитываются данными стратегиями.

Стратегия уголовного преследования не учитывается потому, что она исходит из представления о преступлении как правонарушении, направленном против государства, которое в таком случае является единственным субъектом, осуществляющим уголовную репрессию. Потерпевший здесь нужен как «ценный» свидетель, позволяющий добиться осуждения обвиняемого, а возмещение ущерба рассматривается как мера, сопутствующая наказанию (или даже дополняющая его).

Стратегия же защиты прав и свобод обвиняемого не учитывается, поскольку она устраняет потерпевшего из числа субъектов правового спора, заменяя частное отмщение честной и беспристрастной

⁷⁵ См. подробнее: *Стойко Н. Г.* Новое уголовно-процессуальное право и Проект Уголовно-процессуального кодекса РФ // Российский бюллетень по правам человека. Вып. 13. 2000. С. 84-88; *Правовая реформа и зарубежный опыт.* Красноярск, 1998. С. 106-112; и др.

процедурой, в которой ничье мнение при назначении наказания не может быть выше, чем мнение суда. Ведь не исключено, что потерпевший может быть мстителен или склонен к прощению, бояться обвиняемого или нет. Следовательно, даже если оспорить традиционные для наказания ориентиры (такие как тяжесть преступления, строгость наказания, пропорциональность), основывать его на зависящих от потерпевшего факторах было бы несправедливо.

Сложно найти баланс (согласованность) между первыми двумя из указанных выше трех стратегий и стратегией рациональности и эффективности.⁷⁶

Непросто, например, подвергнуть такую абстрактную цель, как справедливость, проверке на эффективность. Вряд ли есть прямые ответы на вопросы, как много обвиняемых должно оправдываться, как много судебных разбирательств (обычных и упрощенных, очных и заочных) либо заявлений (делок) о признании вины или переводов по приговору суда преступлений из категории тяжких в менее тяжкие (так называемая коррекционализация наказания) должно производиться. Да и ясного способа для оценки эффективности уголовного процесса с точки зрения справедливости не существует. Более того, в некоторых случаях интересы справедливости вступают, по крайней мере, в видимое противоречие с интересами эффективности. Допустим, если обвиняемый заявит о своей невиновности (не признает вину), то органы обвинения и защита начнут подготовку к судебному разбирательству: сбор доказательств (информации), вызов свидетелей и других лиц, определение стратегии и тактики ведения дела и т. п. Если же обвиняемый признает свою вину, то большая часть подобной работы будет исключена.

В случае англосаксонской сделки (заявления) о признании вины суд ограничится выяснением вопроса об отсутствии принуждения к этому. В случае коррекционализации по-немецки, по-французски или по-русски (особый порядок судебного разбирательства) — оценкой доказательств и правовых оснований с точки зрения их достаточности для вынесения обвинительного приговора. Таким образом, признание вины выступает здесь мерой эффективности уголовного судопроизводства, своего рода платой за сохранение времени и иных ресурсов государственных органов и граждан, вовлеченных в процесс по обязанности, праву или принуждению.

⁷⁶ О противоречиях между отдельными стратегиями-моделями см., напр.: *Criminal Justice: An Introduction to the Criminal Justice System of England and Wales*. P. 22—23.

Вместе с тем, очевидно, что любое давление на обвиняемых (прямое или косвенное) с целью заставить признать свою вину может лишить их доступа к правосудию (равно как и правосудие доступа к ним).⁷⁷ Однако не менее ясно и другое: чем чаще обвиняемые станут использовать свое право на разбирательство их дела в суде, тем более система уголовной юстиции будет перегруженной и дорогостоящей. Кроме того, полиция (органы дознания, следствия, прокуратура) не всегда в действительности располагает достаточными (убедительными для суда) доказательствами виновности лица, которое она подозревает в совершении преступления. Значит, судебный процесс, обязательный при следовании стратегии защиты прав и свобод обвиняемого, может и не завершиться успехом стороны обвинения. Отсюда возникают закономерные опасения роста расходов на расследование без эффективного результата (обвинительного приговора).

Сходные опасения возникают и отношении общих моделей социальной поддержки обвиняемого (данная модель требует создания специальных социальных служб, вовлечение их работников в уголовный процесс), социальной поддержки потерпевших (предусматривает государственную компенсацию и бесплатную социальную и юридическую помощь потерпевшим), примирения (вызывает необходимость в дорогостоящих специалистах-посредниках).

Иначе говоря, уже в самом первом приближении экстраполяция рассматриваемых стратегий на практику показывает серьезное напряжение между ними, которое может разрешиться в трудном выборе одного из таких вариантов: обвинять ли подозреваемого и, значит, инициировать судебное разбирательство, надеяться ли на признание им своей вины (сделку о признании вины), прекратить ли уголовное дело. Тем не менее отмеченные выше противоречия относительно легко преодолеваются (по крайней мере, теоретически), если уголовный процесс рассматривать в качестве инструмента общей уголовной политики.

Дело заключается в том, что выделенные нами стратегии (хотя и по-разному, с разной степенью эффективности) отражают широкие социальные потребности в сдерживании преступности и контроле над ней, возмещении убытков (затрат, издержек, ущерба) от преступлений, предупреждении совершения новых преступлений. Реализуя эти стратегии как относительно самостоятельные, уголовный

⁷⁷ См. об этом: *Кристи Н.* Борьба с преступностью как индустрия. С. 139- 141.

процесс всякий раз должен удовлетворять названным потребностям и, следовательно, быть способным обеспечить (в том или ином виде): 1) *публичную реакцию на преступления*, 2) *социальную справедливость (меру социального согласия)* и 3) *восстановление баланса интересов между обвиняемыми (преступниками) и потерпевшими (жертвами)*.

В первом случае речь идет о выявлении (определении) преступлений как одной из негативных форм проявления конфликтов между интересами конкретных людей, групп, социальных слоев, общества. Здесь уголовный процесс должен действовать (в том числе путем применения уголовно-правовых норм) как средство фиксации (и оценки) разрывов, разрушений социальных коопераций различного уровня, пресечения конфликтного внешнего взаимодействия, нейтрализации его деструктивных последствий.

Во втором случае подразумевается использование законов и прецедентов как эталонов, нормативно-определенной «шкалы» ценностей и правил поведения, с помощью которой задается пространство действия уголовного процесса (границы преступного и не преступного поведения, степень устрашения, стандарты правосудия, затраты и т. п.) и его функциональное единство применительно к конкретным жизненным ситуациям. Здесь уголовный процесс должен представлять собой (действовать как) процесс формального функционирования и ценностного ориентирования, в котором внешне отражаются господствующие в обществе представления о справедливости (мере социального согласия) или ценностные ориентации.

В третьем случае уголовный процесс предстает как механизм формирования социально ответственного поведения, отражающего исторически сложившийся характер взаимоотношений людей в обществе, или позитивной юридической ответственности в субъективном смысле,⁷⁸ когда право как эталон, социальная ценность, общая мера согласия переводится в индивидуальные планы деятельности. Тут уголовный процесс выступает как процесс восстановления разрушенных, усиления ослабленных социальных коопераций, построения новых социально полезных связей и отношений. При этом позиции конкретных людей (обвиняемых и потерпевших) согласуются

⁷⁸ О позитивной юридической ответственности (в том числе уголовной) см., напр.: Базылев Б. Т. Юридическая ответственность. Красноярск, 1985. С. 26; Тарбагеев А. Н. Ответственность в уголовном праве. Красноярск, 1994. С. 11-12; Липинский Д. А. Проблемы юридической ответственности. СПб., 2003. С. 42; и др.

относительно внешне заданного им порядка (контекста взаимодействия), их социальных ролей, индивидуальных и личностных качеств таким образом, чтобы достичь между ними (людьми) баланса интересов. В результате происходит осознание, принятие ценности общей социальной кооперации и вытекающей из нее ценности малых коопераций, необходимости соблюдения обязанностей в обществе и согласованного, совместного, сопоставимого распределения выгод и тягот кооперации между его членами.

Вот почему уголовный процесс может рассматриваться как социально-интегративный, в котором стратегии не противоречат, а дополняют друг друга и обеспечивают удовлетворение общественных потребностей в сдерживании преступности, возмещении убытков от нее и борьбы с ней, а также предупреждении совершения новых преступлений. Именно с помощью уголовного процесса государство получает возможность гибко и эффективно воздействовать на преступность, чередуя, определяя последовательность использования соответствующих стратегий, регулируя интенсивность их реализации, сферу применения и т. п.

Итак, принципиально (теоретически) уголовно-процессуальные стратегии вполне согласуются между собой, если:

1) рассматриваются в качестве общегосударственных инструментов, призванных обеспечить потребности общества в сдерживании преступности и контроле над ней, возмещении убытков от нее и предупреждении совершения новых преступлений (т. е. являются уголовно-политической реакцией на преступность);

2) осуществляются путем чередования, усиления одних и ослабления интенсивности других, расширения или сужения сферы их применения и т. п. в зависимости от конкретной социальной ситуации;

3) направлены (вне зависимости от субъективных нужд и притязаний) на достижение общих социально-интегративных целей публично-правового реагирования на преступления, обеспечения справедливости (меры социального согласия) и поддержания баланса интересов между потерпевшим (жертвой) и обвиняемым (преступником).

Согласованность и совместимость избранных нами стратегий зависит не только от наполняющих их базовых ценностей, но и от того, как и с помощью каких средств и способов они реализуются в деятельности основных участников судопроизводства: органов государства, обвиняемых, потерпевших, общественности (местных сообществ). Эти средства и способы определяются функционально

(путем предписывания определенной функции и соответствующих им прав и обязанностей), производны от целей, за каждой из которых стоят какие-то актуальные интересы (притязания), достигаемые в условиях, заданных общими принципами уголовного процесса.

В этом смысле уголовный процесс в его собственно правовом контексте (законодательном и/или прецедентном) должен быть дифференцирован по целям, принципам и функциям таким образом, чтобы они не отрицали друг друга, а их реализация приводила к результатам, приемлемым с точки зрения интересов всех упомянутых участников судопроизводства (отражаемых соответствующими стратегиями).

Иначе говоря, стратегии требуют актуализации выражаемых ими целей, функций и принципов в деятельности соответствующих субъектов уголовного процесса, т. е. превращения уголовно-политических (базовых) ценностей в ценности конкретные, правовые. Без этого невозможно ни согласование реальных интересов, ни удержание базовых ценностей в рамках уголовного судопроизводства.

Поскольку в юридической литературе понятия цели, функции и принципа уголовного процесса (или уголовной юстиции в целом) интерпретируются по-разному, а в некоторых случаях вообще специально не разграничиваются, необходимо вначале определить то значение, которое мы будем придавать им в настоящей работе. Для этого обратимся к самым общим смыслам, вкладываемым в указанные понятия.

Цель — это то, что представляется и желается. За ней всегда стоит какой-то интерес (осознанная потребность или ценность и значение, придаваемое нами чему-либо)⁷⁹ или притязание (нужда или недостаток в чем-либо жизненно необходимым)⁸⁰ на какое-либо событие или состояние, которые осуществляются в деятельности и тем самым причинно обуславливают (как внутренние побудители активности) движение цели в определенных рамках и определенными средствами. В данном смысле деятельность становится целенаправленной, когда лежащая в ее основе цель рассматривается не как конечный результат, а как конечная, реальная причина, стоящая за непосредственными побуждениями, и, таким образом, выполняет

⁷⁹ *Философский энциклопедический словарь*. М., 1983. С. 518; *Культурология*. XX век: Энциклопедия. СПб., 1998. С. 183.

⁸⁰ *Культурология*. XX век: Энциклопедия. СПб., 1998. С. 183.

организующую роль.⁸¹ Не случайно цель обнаруживается всякий раз, когда на ее пути встречаются препятствия, через преодоление которых она и осуществляется.

Функция — это обязанность (круг деятельности), мыслимая в действии, или иначе — то, что должны делать ради достижения цели. Она может также характеризоваться как отношение зависимости двух переменных величин, когда изменение одной влечет изменение другой (т. е. одной подчиняется другая).⁸²

Принцип — основополагающее положение, которое имеет значение предпосылки к действию. Это своего рода руководство, направляющее волю отдельных субъектов деятельности, или закон (в широком смысле) для всех и каждого.⁸³

Очевидно, что цели, принципы и функции взаимосвязаны. Цель указывает путь, границы деятельности, не дает выйти за их пределы. В ней раскрывается то, ради чего нужно что-то делать. Функция направлена на достижение цели и обозначает, что нужно делать для этого. Принцип определяет условия, в которых это нужно делать.

С учетом сказанного, опираясь на данную нами выше характеристику моделей, можно в самом общем виде «коллективно» распределить уголовно-процессуальные цели и функции и указать на условия, при которых они будут отвечать качествам согласованности и совместимости.

⁸¹ *Философский* энциклопедический словарь. М., 1999. С. 505, 506; *Философский* энциклопедический словарь. М., 1983. С. 213, 763; *Философский* энциклопедический словарь. М., 1998. С. 506.

⁸² *Философский* энциклопедический словарь. М., 1998. С. 498.

⁸³ Там же. С. 363.

Глава III

ЦЕЛИ И ПРИНЦИПЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА ЗАПАДНЫХ ГОСУДАРСТВ И РОССИИ

§ 1. Цели уголовного процесса западных государств и России

В уголовном процессе рассматриваемых нами стран цели выражаются, понимаются и интерпретируются по-разному. Хотя, так или иначе, они вытекают из широкого нормативно-правового контекста (законодательного и прецедентного) и основываются на нем, чаще всего их определяют доктринальным путем. При этом далеко не все авторы полагают, что необходимо специально разграничивать цели, принципы и функции, а также уровни их рассмотрения, как это было сделано нами при описании модельного подхода.

В *англо-американской* юридической литературе в качестве целей называют: 1) осуществление материального уголовного права; 2) предупреждение совершения преступлений; 3) приоритетное удовлетворение частных правовых интересов; 4) справедливость или защиту прав и свобод от произвола со стороны государственных чиновников; 5) защиту народа путем предотвращения и пресечения преступлений, изобличения виновных в их совершении и последующей реабилитации этих виновных; 6) осуществление принципов господства права и уважения к нему через обеспечение равного обращения с подозреваемыми и обвиняемыми, задержанными (арестованными) и содержащимися под стражей; 7) успешное преследование преступников (обвиняемых) и оправдание невиновных; 8) поддержание порядка; 9) наказание преступников; 10) регистрацию социального неодобрения порицаемого поведения преступников; 11) помощь жертвам преступлений.¹

¹ *Packer H.* The Limits of the Criminal Sanction. Stanford, 1968. P. 165; *Criminal Justice: An Introduction to the Criminal Justice System of England and Wales.* P. 4; *Major Criminal Justice Systems* / G. F. Colee, S. J. Francowski, M. G. Gertz and others. London, 1981. P. 176; *Гуценко К. Ф., Головки Л. В., Филимонов Б. А.* Уголовный процесс западных государств. С. 44-46, 164-166; и др.

В *Германии* к целям относят: 1) установление материального уголовного правоотношения (обеспечение истинной уголовно-правовой оценки деяния); 2) восстановление правопорядка и защиту общества от преступных посягательств; 3) осуждение виновных; 4) защиту невиновных (недопустимость их привлечения к уголовной ответственности и осуждения); 5) исключение какого-либо произвола со стороны властей; 6) обеспечение прав и свобод обвиняемого и ограничение государственного вмешательства в сферу его частной жизни; 7) соблюдение процессуальной формы и обеспечение правомочности решений; 8) реабилитацию потерпевших и невиновных.²

Французские ученые детально не описывают цели уголовного процесса, ограничиваясь весьма общими характеристиками публично-искового (и предметно связанного с ним гражданско-искового) производства, направленного на: 1) установление преступлений, выявление и осуждение лиц, виновных в их совершении; 2) возмещение причиненного потерпевшему ущерба; кроме того, упоминаются: 3) защита общества и частных лиц от преступлений, 4) социальная защита обвиняемых (как общая цель суда, прокуратуры и адвокатуры).³

В *российской* литературе цели уголовного процесса традиционно трактуются в строгом соответствии с законом. При этом применительно к современному судопроизводству говорится о: 1) защите потерпевших (граждан и юридических лиц) от преступных посягательств, 2) защите прав и свобод обвиняемых и иных лиц и 3) уголовном преследовании (ст. 6 УПК РФ). Ранее действовавший УПК РСФСР в качестве целей называл: 4) быстрое и полное раскрытие преступлений; 5) изобличение виновных в их совершении; 6) справедливое наказание каждого лица, совершившего преступление; 7) недопущение привлечения к уголовной ответственности невиновных; 8) укрепление законности и правопорядка; 9) предупреждение и искоренение преступлений; 10) охрану интересов общества, прав и свобод граждан; 11) воспитание граждан в духе неуклонного следования закону и уважения правил общежития (ст. 2 УПК РСФСР). В настоящее время многие российские ученые не отрицают их и с некоторыми

² См. подробнее: *Жалинский А., Рёрихт А.* Введение в немецкое право. М., 2001. С. 710-712; *Розэ Г.* Введение в немецкое уголовно-процессуальное право. Красноярск, 2001. С. 11; *Гуценко К. Ф., Головки Л. В., Филимонов Б. А.* Уголовный процесс западных государств. С. 388.

³ *Prade J.* Procedure penale. 9 ed., Paris, 1997. P. 17; *Rassat M.-L.* Droit penal el el procedure penale. Paris, 1986. P. 7; *Vidal G.* Cours de droit criminal el de science pcnilenliaire. Paris, 1901. P. 681 (приводится по: *Гуценко К. Ф., Головки Л. В., Филимонов Б. А.* Уголовный процесс западных государств. С. 294-296, 311, 331-333).

оговорками и в модифицированном виде используют для определения сущности и содержания уголовного судопроизводства.⁴

При всем теоретическом многообразии приведенных определений близость их очевидна. В целом они вполне соответствуют ранее выделенным нами стратегиям и согласуются в их контексте.

Наиболее явно выражены цели, корреспондирующие стратегиям уголовного преследования: 1, 5, 7-10-я цели в англо-американских интерпретациях; 1,2,3, 7-я — в германских; 1 и 3-я — во французских; 1, 3-6, 8-я — в российских.

К стратегии защиты прав и свобод относятся: 4, 6 и 7-я (в части, касающейся оправдания невиновных) «англосаксонские» цели; 4, 5, 6-я и частично 8-я (реабилитация невиновных) «германские» цели; 4-я «французская» цель (в какой-то мере подразумевается); 2, 7 и 10-я (охрана прав и свобод граждан) «российские» цели.

Стратегию социальной поддержки обвиняемых можно увидеть в 5-й цели англо-американского процесса (реабилитация обвиняемых) и 4-й цели французского процесса; стратегию социальной поддержки потерпевших — в 11, 8 и 2-й целях англо-американского, германского и французского процессов соответственно (реабилитация и помощь потерпевшим).

Стратегия примирения напрямую не прослеживается нигде, хотя может подразумеваться в далеко идущих интерпретациях таких целей, как предупреждение преступлений (упоминается в англо-американских и российских источниках), приоритетное удовлетворение частных правовых интересов (англо-американские источники), социальная защита обвиняемых (французские источники), воспитание граждан в духе неуклонного следования закону (российские источники).

Стратегия рационализации и эффективности уголовного судопроизводства, как и стратегия примирения, не обнаруживается нигде (за исключением «русской» цели быстрого и полного раскрытия преступлений). Однако это не означает, что она отрицается, поскольку ускорение и упрощение судопроизводства общепризнанно считается одной из общих тенденций развития уголовного процесса.⁵

Тот факт, что некоторые цели, определенные нами как стратегические, не всегда напрямую фиксируются в процессуальной литературе

⁴ О целях (задачах) российского уголовного процесса см., напр.: *Уголовный процесс России: Общая часть* / Под ред. В. З. Лукашевича. СПб., 2004. С. 13-17; *Уголовный процесс* / Под ред. В. П. Божьева. М., 2004. С. 5-10; и др.

⁵ См. об этом: *Гуценко К. Ф., Головкин Л. В., Филимонов Б. А.* Уголовный процесс западных государств. С. 43; и др.

тех или иных стран, не означает сам по себе отсутствия или непризнания соответствующих стратегий. Это вопрос научных традиций и авторских предпочтений. Во всяком случае, противопоставить друг другу перечисленные цели уголовного процесса соответствующих стран весьма затруднительно, если вообще возможно.

В то же время в сравнительно-правовой литературе некоторые цели и связанные с ними ценности (определяемые иначе) приводятся именно как отделяющие континентально-правовые виды уголовного процесса от англосаксонских видов.

Речь идет о трех взаимосвязанных фундаментальных различиях.

1. Преобладание материального уголовного права над процессуальным правом в континентально-европейских юрисдикциях и уголовно-процессуального права над материальным — в англо-американских юрисдикциях.⁶ Практически речь идет о целях уголовного преследования, с одной стороны, и целях защиты прав и свобод обвиняемого — с другой. Действительно ли существуют такие явные правовые приоритеты? Очевидно, нет. Как мы уже показали в предыдущей главе, на уголовно-политическом уровне они давно уже согласованы, а на уровне основных участников судопроизводства непротиворечивым образом совмещены. Приведенные выше формулировки данных целей и их «рядоположенность» только лишний раз подтверждают это. Более того, в современной английской юридической литературе встречаются обоснованные утверждения, что защита прав и свобод обвиняемого является не целью уголовного процесса, а важным условием, при обязательном соблюдении которого должно осуществляться действительно фундаментальное его предназначение — предупреждать преступления, осуждать виновных и оправдывать невиновных.⁷ В немецкой, французской и российской литературе, напротив, склоняются (как это отчетливо проявилось в изложенных выше формулировках) к признанию такой защиты приоритетной целью наряду с защитой общества и потерпевших от преступлений. Хотя, с точки зрения предложенных нами критериев разграничения целей и принципов, следует признать более верной первую позицию, сути это не меняет. Иначе говоря, спора о преобладании материального или процессуального права не возникает

⁶ См. об этом, напр.: *Криминология* /Под ред. Дж. Ф. Шели. СПб., 2003. С. 51-52.

⁷ См., напр.: *Ashworth A. The Criminal Process: An Evaluative Study*. Oxford, 1998. P. 66.

(по крайней мере, у процессуалистов), взгляды практически совпадают. Это не случайно, поскольку в настоящее время невозможно представить ни тотальный уголовно-правовой контроль над преступностью, ни полную (неограниченную) защиту личных прав и свобод. Другое дело — поиск разумного баланса между неизбежностью преследования за совершение преступлений, сопровождающегося ограничением прав и свобод и риском наказания невиновных, и необходимостью высокого стандарта соблюдения этих прав и свобод, сопровождающегося ограничением властных прерогатив по уголовному преследованию и могущего привести к безнаказанности некоторых преступников. Путь к достижению такого баланса, как совершенно верно отмечает В. С. Шадрин, далеко не прост и требует серьезного теоретического подхода.⁸ Это связано с решением многих конкретных проблем не только юридического, но и криминологического, политического, социального характера. К таким проблемам, например, относятся: определение причин отклонения от нормы в деятельности должностных лиц органов уголовной юстиции (почему они считают, что цель оправдывает средства, нарушают установленные правила, ведут себя излишне жестко в отношении подозреваемых или обвиняемых ими лиц, скрывают нарушения своих коллег, стремятся избежать контроля, и т. п.); выработка средств, обеспечивающих исполнение ими законных требований (более ясные и четкие правила задержаний, арестов, обысков и т. п., более эффективный процессуальный контроль, практическое обучение этим правилам, специальная психологическая подготовка, кодексы профессиональной этики и т. д.).⁹

2. Материальная истина в уголовном процессе континентального типа и процедурная (процессуальная) справедливость в уголовном процессе англосаксонского типа.

Это различие очень близко к первому и о нем можно было бы не говорить, если бы здесь акцент не делался на способе достижения цели. Конечно, материальную (объективную) истину в познавательном-практическом смысле обычно рассматривают как цель доказывания по уголовному делу. Однако в таком случае ее некорректно сравнивать как однопорядковое явление с процедурной справедливостью,

⁸ Шадрин В. С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений. М., 2002. С. 16-17.

⁹ Об этих и других проблемах см. подробнее: *Криминология* / Под ред. Дж. Ф. Шели. С. 474-497; *Ashworth A. The Criminal Process: An Evaluative Study*. P. 68-69.

которую рассматривают в качестве главной характеристики состязательного метода (противоборства сторон в условиях честной процедуры, контролируемой нейтральным арбитром-судом).¹⁰ Причем предполагается, что соблюдение процессуальной справедливости само по себе ведет к достижению истины или доказанности (обоснованности) итоговых, окончательных выводов суда, т. е. противопоставление производится между целью, признаваемой значимой, фундаментальной во всех сравниваемых юрисдикциях, и способом ее достижения, характерным для одной из них. Поэтому правильнее разграничивать «научный» (или следственный) и состязательный методы достижения истинного (законного и справедливого) решения.

«Научный» метод — это способ всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела в целях обнаружения истины. Он требует от каждого органа государства, участвующего в уголовном процессе, не придерживаться какой-то одной, заранее предустановленной позиции, а выдвигать и проверять все возможные версии и обвинительного, и оправдывающего характера, выявляя каждое обстоятельство, необходимое для защиты законных интересов как обвиняемых, так и потерпевших. В итоге должны быть исключены все версии, кроме одной (когда сформирована система доказательств, в которой каждое доказательство необходимо, а все вместе достаточны для формулирования достоверных ответов на все вопросы, поставленные перед судом) и принято истинное решение¹¹

Наиболее ярко это представлено в уголовном процессе Германии, где подобное исследование обязан проводить даже суд. Так, § 160 УПК ФРГ прямо указывает, что прокуратура обязана расследовать не только уличающие, но и оправдывающие обстоятельства, равно как и иные обстоятельства, значимые для определения правовых последствий деяния; § 161 распространяет эту обязанность и на

¹⁰ Характеристику процессуальной справедливости мы уже давали (§ 2 гл. II настоящей работы).

¹¹ О всесторонности, полноте и объективности исследования обстоятельств уголовного дела как методе (способе) обнаружения истины см., напр.: *Николайчик Н. И., Матвиенко Е. А.* Всесторонность, полнота и объективность предварительного расследования. Минск, 1969. С. 144-146; *Соловьев А. Б.* От чего нельзя отказаться при подготовке Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Закономерности преступности, стратегия борьбы и закон / Под ред. А. И. Долговой. М., 2001. С. 434-435; *Бурданова В. С.* Поиски истины в уголовном процессе. СПб., 2003. С. 26; *Уголовный процесс России; Общая часть* / Под ред. В. З. Лукашевича. С. 99, 181.

полицию, а § 244 — на судью. Причем в последнем случае законодатель специально подчеркивает, что суд действует по долгу службы в целях обнаружения истины путем исследования всех имеющих значение для разрешения дела фактов и доказательств.

Аналогичным образом — ясно и определенно — данный метод был обозначен в УПК РСФСР, ст. 20 которого возлагала обязанность проведения всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела на органы предварительного расследования, прокуратуры и суда, требуя от них выявлять обстоятельства как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, как отягчающие его ответственность, так и смягчающие ее. Что касается УПК РФ, то он, к сожалению, занимает менее ясную позицию по данному вопросу. Официально на необходимость использования следственного метода он не указывает, однако это, как неоднократно подчеркивалось в нашей литературе, реально вытекает из целого ряда статей УПК РФ.¹² Можно сказать, что требование всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела «изменило свою форму, но не содержание».¹³ Так, закон предусматривает целый ряд оснований, при наличии которых уголовное дело не может быть возбуждено, а возбужденное дело должно быть прекращено. К числу таких оснований относятся отсутствие события преступления, отсутствие состава преступления (ст. 24) и непричастность обвиняемого к совершению преступления (ст. 27). Поскольку же обвиняемый и подозреваемый в соответствии со ст. 14 УПК РФ не обязан доказывать свою невиновность (да и не может в силу отсутствия у него полномочий по собиранию доказательств путем следственных и иных процессуальных действий, производство которых осуществляется согласно ст. 86 УПК РФ органами предварительного расследования, прокуратуры и суда), то неизбежен вывод, что для установления перечисленных оснований требуется проведение всестороннего, полного и объективного исследования, в том числе и в суде. Причем

¹² Подробную и основательную аргументацию по этому вопросу приводит В. З. Лукашевич (*Уголовный процесс России: Общая часть* / Под ред. В. З. Лукашевича. С. 56-58). Сходное обоснование применительно к вопросу о суде, прокуроре, следователе и дознавателе как субъектах надлежащего (т. е. всестороннего, полного и объективного) исследования обстоятельств уголовного дела см.: *Особенности доказывания в судопроизводстве: Науч.-практ. пособие* / Под ред. А. А. Власова. М., 2004. С. 308-311.

¹³ *Солнцева Н.* Принцип-невидимка в уголовном судопроизводстве // *Законодательство*. 2003. № 5. С. 38.

последний, хотя и не обязан, а только может исследовать доказательства, делает это именно «научным» методом, будучи ответствен за законный, обоснованный и справедливый приговор.

УПК Франции, как и российский УПК, прямо не отражает метод всестороннего, полного и объективного исследования, но косвенно требование его использования выводится из конкретных норм закона. Так, ст. 81 говорит о том, что следственный судья совершает любые следственные действия, которые необходимы для установления истины (ч. 1), при этом в порядке следственного поручения такие действия могут быть осуществлены и органами полиции (ч. 4). Сходное положение действует и в отношении прокурора, который вправе предписать следственному судье осуществить полезные для установления истины действия (ч. 1 ст. 82), и в отношении судьи, разрешающего дело, который может совершать такие же действия (ч. 1 ст. 310). Кроме того, согласно ч. 1 ст. 177 УПК Франции следственный судья прекращает уголовное преследование в случаях отсутствия состава уголовного правонарушения (нарушения, проступка или преступления) либо недостаточности улик против обвиняемого. Получается, что французский законодатель, как и российский, исходит из обязательности использования «научного» метода исследования обстоятельств уголовного дела.

Состязательный метод заключается в оспаривании сторонами обвинения и защиты позиций друг друга путем представления доказательств и их исследования непосредственно перед судом, причем обе стороны собирают и представляют только те доказательства, которые требует суд. Поскольку судебный процесс проходит в форме спора и каждая из сторон излагает свою версию событий и стремится опровергнуть версию противоположной стороны по определенным правилам, то выбор одной единственно верной версии остается за судом. «Слабые» доказательства, доводы и аргументы отвергаются, «сильные» — остаются. На их основе суд и должен разрешить дело по существу, руководствуясь критерием отсутствия разумных сомнений. Считается, что, если суд и стороны пользуются общими строгими правилами и критериями доказывания, действуя в пользу истины (и справедливости), а суд к тому же еще и следит за их соблюдением (как в ходе разбирательства, так и до него, осуществляя судебный контроль и обеспечивая принцип «равенства исходных возможностей»), то и результат будет истинным. Такой результат в силу высокой степени авторитетности судебного решения оказывает влияние на весь уголовный процесс, побуждая сторону обвинения

не выдвигать «слабые» обвинения, прекращать уголовные преследования, идти на соглашения с обвиняемым, а сторону защиты — не рисковать непризнанием вины при отсутствии серьезных контрдоводов и аргументов.¹⁴ Как отмечается в литературе, обвинители при этом ориентируются на некое «идеальное» дело, которое гарантирует признание подсудимого виновным в суде присяжных. Ключевыми признаками такого дела являются наличие серьезного правонарушения, убедительных или очевидных доказательств, опасного и заслуживающего наказание обвиняемого, надежного потерпевшего.¹⁵ Использование этих признаков, по мнению ряда авторов, в решении вопроса, заключать ли сделку о признании вины, позволяет совместно с обвиняемым и его защитником (в ходе подчас длительных переговоров) определить круг доказанных «вне разумных сомнений» обстоятельств, а также уголовный закон, который следует к ним применить, и тем самым обеспечить вынесение приговора, наиболее соответствующего действительности и справедливому.¹⁶

Наличие или признание состязательности как метода достижения истины и справедливости в англо-американском процессе не вызывает каких-либо сомнений. Он сложился и закрепился в судебной практике в ходе длительной исторической эволюции общего права и является для судей само собой разумеющейся правовой традицией. Конечно, развитие статутного права внесло свои коррективы, но сути не поменяло. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на современные и более ранние описания судебной процедуры как в нашей, так и в англо-американской литературе.¹⁷

¹⁴ Сказанное является интерпретацией взглядов различных авторов, излагаемых ими, как правило, в более широком контексте (материальное и процессуальное право, состязательное начало, состязательная и следственная системы правосудия и т. п.). См., напр.: *Фридман Л.* Введение в американское право. М., 1993. С. 59-61; *Боботов С. В.* Буржуазная юстиция. Состояние и перспективы развития. М., 1989. С. 31-33; *Петрухин И. Л.* Состязательность и правосудие // Государство и право. 1994. № 10. С. 128-137; *Флетчер Дж., Наумов А. В.* Основные концепции современного уголовного права. М., 1998. С. 34-35, 52-54, 56, 58-60; *Решетникова И. В.* Доказательственное право Англии и США. М., 1999. С. 25-29; *Романов А. К.* Правовая система Англии. М., 2002. С. 231-232, 241-242; *Neubauer D. W.* America's Courts and the Criminal Justice System. Belmont, 1988; P. 23, 309-321, 324; *Darbyshire P.* English Legal System in a Nutshell. London, 1995. P. 60-61.

¹⁵ *Криминология I* Под ред. Дж. Ф. Шели. С. 509-511.

¹⁶ *Emmelman D.* Trial by Plea Bargain: Case Settlement as a Product of Recursive Decisionmaking // Law and Society Review. 1996. № 30. P. 359-360; *Frohmenn L.* Coivictability and Discordant Locales: Reproducing Race, Class, and Gender Ideologies in Prosecutorial Decisionmaking // Ibid. № 31. P. 554.

¹⁷ См., напр.: *Уилшер А. М.* Уголовный процесс. М., 1947. С. 129-137; *Уолкер Р.* Английская судебная система. С. 510-520; *Гуценко К. Ф., Головки Л. В., Филимонов Б. А.* Уголовный процесс западных государств. С. 136-140, 269-270, 275-281.

С точки зрения целей, между методами состязательности и всесторонности, полноты и объективности нет непроходимой границы. Различаясь процедурно, содержательно они направлены на достижение истины и справедливости. Более того, если обратиться к досудебному производству, то окажется, что в английском или ином уголовном процессе стран общего права органы уголовного преследования, как и в странах континентального права, практически используют следственный метод. Сказанное подтверждается тем, что, например, английская полиция может отказаться от уголовного преследования в силу его юридической (отсутствует состав преступления) или фактической (не установлено событие преступления, не собрано достаточно доказательств виновности лица в совершении преступления) невозможности, а Королевская обвинительная служба — прекратить преследование, в том числе с учетом личности обвиняемых (используя специально разработанные схемы оценки соответствующей информации). Обвиняемые и обвинения должны быть надлежащими, а доказательства — достаточными для обеспечения «реальной перспективы обвинительного приговора» (п. 5.1 Кодекса королевских преследователей) с тем, чтобы исключить «автоматическое», необоснованное преследование людей (п. 6.1 Кодекса королевских преследователей).¹⁸ Получается, чтобы выполнить возложенные на них обязанности, органы уголовного преследования Англии и Уэльса (и других стран общего права) должны выявлять уличающие и оправдывающие, отягчающие и смягчающие ответственность обстоятельства, т. е. использовать следственный метод. Как правильно отмечает известный исследователь английского досудебного производства Э. Эшворт, суть здесь в том, что, «когда принимающий решения должен учесть противоположные аргументы, справедливость вряд ли восторжествует, если имеющаяся у него информация будет состоять преимущественно из аргументов одной из сторон».¹⁹ Близкие взгляды высказывают и американские ученые, многие из которых (но не все) исходят из необходимости установления истины в уголовном процессе, полагая, что «по-настоящему» конкурирующая защита в сочетании с высоким уровнем доказательств обвинения и общей приверженностью минимальным стандартам справедливости «позволяет проводить более энергичные

¹⁸ *Гуценко К. Ф., Головкин Л. В., Филимонов Б. А.* Уголовный процесс западных государств. С. 67-68, 113-114; и др.

¹⁹ *Ashworth A.* The Criminal Process: An Evaluative Study. P. 65.

поиски правды...».²⁰ Поддерживает их в этом и американский законодатель, требуя добиваться такого применения правил, чтобы могла устанавливаться истина (например, правило 102 Федеральных правил доказывания).²¹

Даже в отношении судьи в англо-американском процессе утверждать, что он безразличен истине, «было бы сильным преувеличением».²² На самом деле судья далеко не всегда нейтрален по отношению к исследованию, поскольку имеет возможность явно или неявно управлять ходом разбирательства (инструктировать присяжных, контролировать процессуальное поведение сторон, обязать их представить письменное изложение своих позиций до начала разбирательства, не допустить в процесс сомнительные доказательства, восстановить в памяти присяжных доводы сторон, акцентировать внимание на наиболее важных деталях, дать совет по вопросу о том, как оценивать доказательства, и т. п.) и тем самым влиять на исход дела.²³ Иначе говоря, судья опосредованно, через присяжных и стороны, создает условия, при которых процесс практически подчиняется требованию достижения истины, т. е. судья как бы «руками» других может способствовать всестороннему, полному и объективному исследованию, ведь суд, в конечном счете, должен исключить одну из двух представленных на разрешение версий, определив самую обоснованную из них.

Таким образом, состязательный метод не отрицает истину как ориентир (даже если оказывается способен обеспечить лишь максимальную вероятность установления виновности или невиновности) и находится под определенным влиянием следственного метода, использование которого позволяет компенсировать очевидную «доказательную» слабость состязания-поединка (когда результат может быть, по сути, арифметически исчислен по системе «выигрыш — проигрыш»).

Кроме того, нельзя обойти вниманием и тот факт, что сфера действия суда присяжных весьма узка (около 5 % — Англия и Уэльс,

²⁰ См., напр.: *Мур Д. Н.* Верховенство права: обзор// Верховенство права: Сборник. М., 1992. С. 31.

²¹ См. об этом: *Гуценко К. Ф., Головки Л. В., Филимонов Б. А.* Уголовный процесс западных государств. С: 208-213.

²² *Головки Л. В.* Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. СПб., 2002. С. 179.

²³ *Коллисон.* Неправосудные суды. М., 1961. С. 201; *Фримэн Л.* Введение в американское право. С. 60, 61; *Гуценко К. Ф., Головки Л. В., Филимонов Б. А.* Уголовный процесс западных государств. С. 133–134.

в среднем 5 % — США),²⁴ а аргументированный спор о вине в таком суде — явление, не часто встречающееся.²⁵

В уголовном процессе стран континентального права метод состязательности также не исключается вовсе. Во-первых, правовой спор в суде сам по себе вполне возможен. Другое дело, что происходит он в условиях более или менее высокой следственной активности суда, которая может лишить борьбу сторон смысла. Вот почему французские и немецкие ученые фактически отказались от понятия сторон в уголовном процессе или говорят о том, что спор решается совместными усилиями прокурора, адвоката и судьи. Во-вторых, судебное разбирательство в Германии, Франции и России предусматривает проведение судебных прений, а это уже, так сказать, «чистый» спор (если, конечно, мнения обвинителя и адвоката существенно не сблизились в ходе непосредственного изучения доказательств). С формальной точки зрения, здесь явно прослеживается метод состязательности, применение которого, по крайней мере теоретически, может оказать влияние на принятие решения судом (в особенности его непрофессиональной части). Кроме того, в России существует суд присяжных, в котором применяется состязательный метод. В-третьих, соблюдению принципа справедливого судебного разбирательства (во многом под воздействием Европейской конвенции по правам человека) суды всех вышеназванных стран придают большое значение, что не может не стимулировать борьбу интересов в процессе, даже если она и происходит в условиях подавляющей активности суда. Необходимость и важность обеспечения данного принципа, когда он понимается и разделяется судьей, заставляет последнего как минимум не препятствовать активности адвокатов и прокуроров и прислушиваться к их мнению и аргументам. Во всяком случае, «возможность спорить, соревноваться, экзаменовать друг друга»,²⁶ относимая к числу важнейших признаков состязательности англо-американского образца, у них есть.

Разумеется, приведенные выше интерпретации следственного и состязательного методов носят теоретический характер и не являются единственно возможными. Можно, конечно, утверждать, что,

²⁴ По данным, приводимым К. Ф. Гуценко {Гуценко К. Ф., Головкин Л. В., Филимонов Б. А. Уголовный процесс западных государств. С. 79, 261}.

²⁵ *Криминология* / Под ред. Дж. Ф. Шели. С. 509, 513; Фридмэн Л. Введение в американское право. С. 61.

²⁶ Фридмэн Л. Введение в американское право. С. 61.

англосаксонский процесс безразличен к достижению истины и содержит в себе элементы рулетки, что он стремится к максимальному оправданию невиновных, а не к максимальному осуждению виновных, что обвиняемые наказываются не за совершенные, а за признанные ими по договоренности с прокурором деяния, что для приговора достаточно лишь перевеса доказательств одной из сторон, что исключение версии другой стороны не означает достоверности оставшейся, что факты нельзя установить с какой-либо достоверностью и нужно довольствоваться лишь «грубым приближением» к действительности.²⁷ Однако существование уголовного процесса, который бы не был в принципе способен раскрывать реальные преступления, изобличать действительных виновников их совершения, вряд ли возможно себе представить. Цель достижения истины «является настолько очевидной в современном уголовном судопроизводстве, что на нее не стоит тратить слов».²⁸

Нельзя представить себе и идеальный процесс, всегда достигающий истины во всей ее полноте. Как верно отметил Дж. Флетчер (и с ним полностью согласился А. В. Наумов): «Безупречно проведенный процесс подразумевает полное исключение ошибки, а это, к сожалению, утопия. Суды всегда будут допускать ошибки, даже если процессуальные правила... прописаны настолько хорошо, чтобы обеспечивалась истина и защищались достоинство и права обвиняемых».²⁹

Понятно, что «состязательный» суд ограничен доказательствами, представленными сторонами, степенью следственной активности

²⁷ См., напр.: *Comparative Criminal Procedure*/ Ed. J. Hatchard, B. Huber, R. Vogler. London, 1996; P. 240; *Asltworth A. The Criminal Process: An Evaluative Study*. P. 248; *Кристи Н.* Борьба с преступностью как индустрия. С. 139. — Точки зрения по этому вопросу, встречающиеся в англо-американской литературе, см. подробнее: *Гуценко К. Ф., Головкин Л. В., Филимонов Б. А.* Уголовный процесс западных государств. С. 44-45, 208-211.

²⁸ *Йорк Н., Фильд С., Брантс К.* Происходит ли сближение следственной и процессуальной систем? // Основные принципы современного уголовного права: Сборник текстов. Ч. 4. Предмет 2. Тилбург, 1998. С. 16.

²⁹ *Флетчер Дж., Наумов А. В.* Основные концепции современного уголовного права. С. 505. — В российской юридической литературе закономерность совершения судебных и следственных ошибок общепризнанна. См. об этом, напр.: *Петрухин И. Л., Батуров Г. П., Морщакова Т. Г.* Теоретические основы эффективности правосудия. М., 1979; *Стойко Н. Г.* Недоказанность обстоятельств уголовного дела. Красноярск, 1984; С. 40-61; *Соловьев А. Б.* Причины следственных ошибок // Вопросы укрепления законности и устранения следственных ошибок в уголовном судопроизводстве: Сб. науч. трудов. М., 1988. С. 29-36; *Власов В. И.* Расследование преступлений. Проблемы качества. Саратов, 1988. С. 97, 113; *Томилин В. Т.* Избранные труды. СПб., 2004. С. 290; *Назаров А. Д.* Влияние следственных ошибок на ошибки суда. СПб., 2003. С. 116-132.

этих сторон, склонностью к использованию «партизанских» методов борьбы (дискредитация свидетелей противоположной стороны, сокрытие определенной информации и тому подобные манипуляции) и собственной сомнительной, по мнению многих специалистов, способностью правильно оценивать факты,³⁰ а значит, ограничен и в достижении истины. Более того, наличие одинаково пристрастной позиции обеих сторон, их склонность к манипуляциям или даже к фальсификации доказательств может привести к созданию такой обстановки в суде, когда вообще будет «исключена возможность спокойно и терпеливо доискаться правды».³¹ Видимо, не случайно по данным различных исследователей число ошибочных из всех вердиктов присяжных в США и Англии и Уэльсе составляет 20-30 %.³² Закономерно, поэтому, и стремление на практике к расширению активности судьи в суде присяжных, появление у него полномочий, сходных со следственными. Например, английский коронный судья согласно Закону об уголовном процессе и расследованиях 1996 г. в порядке подготовительных слушаний может под угрозой процессуальных санкций обязать стороны представить ему для ознакомления письменные материалы с изложением и аргументацией своей позиции по делу (ст. 34). В результате судья, как правильно отмечает К. Ф. Гуценко, получает некоторое подобие материалов уголовного дела (или досье), как в континентальном процессе, что позволяет ему заранее упорядочить позиции сторон, сделать их более формальными, а судебное слушание более предсказуемым и планомерным, в том числе путем самостоятельной постановки вопросов перед свидетелями.³³ В США судье суда присяжных стороны не предоставляют заранее материалы дела. Однако в ходе судебных слушаний он обладает широкими и, по сути, следственными полномочиями. Английский судья может лишь задавать вопросы свидетелям сторон (да и то, как правило, вопросы, направленные на получение разъяснений).

³⁰ *Frank J.* Courts on Trial. Myth and Reality in American Justice. Princeton, 1973. P. 85; *Eggleston R.* Evidence, Proof and Probability. London, 1983. P. 32; *McEwan J.* Evidence and the Adversarial Process. The Modern Law. Oxford, 1992. P. 85; *Уайнреб Л. Л.* Отказ в правосудии. Уголовный процесс в США. М., 1985. С. 25.

³¹ *Коллисон.* Неправосудные суды. С. 297.

³² *Sanders A., Young R.* Criminal Justice. London, 2000. P. 599, 603...608; *Hans V., Vidmar N.* Judging the Jury. New York: London, 1986. P. 116-120, 131-132 (приводится по: *Гуценко К. Ф., Головки Л. В., Филимонов Б. А.* Уголовный процесс западных государств. С. 79, 267).

³³ *Гуценко К. Ф., Головки Л. В., Филимонов Б. А.* Уголовный процесс западных государств. С. 133-134, 138.

Его же американский коллега вправе независимо от сторон вызывать и допрашивать свидетелей, допрашивать свидетелей сторон, возражать против вызова и допроса свидетелей (правило 614 Федеральных правил доказывания), назначить экспертизу (правило 709 Федеральных правил доказывания).

В континентальном процессе судья, хотя и обладает всеми необходимыми следственными полномочиями, позволяющими ему самостоятельно исследовать обстоятельства дела, также имеет определенные ограничения в достижении истины. Он связан материалами уголовного дела. Теоретически ему можно выйти за их пределы (за исключением российского суда, который не вправе инициировать следственные действия), но практически — нет. Трудно себе представить ситуацию, когда суды стали бы активно восполнять пробелы предварительного исследования обстоятельств уголовного дела путем собирания новых доказательств. Вот почему односторонность и неполнота представленных суду материалов далеко не всегда может быть восполнена им.

Но это вовсе не значит, что к истине (как и к справедливости) не нужно стремиться или что она есть лишь желаемое, выдаваемое за действительное. Какие бы слова мы не говорили, какие бы доводы не выдвигали, фактом является то, что современным государствам с помощью уголовного процесса удается сдерживать, контролировать преступность, а следовательно, в большинстве случаев наказывать действительно виновных.

Сказанное не отменяет очевидных различий следственного и состязательного методов (скорее, в функционально-процедурном, а не в целевом отношении), но позволяет утверждать, что цель достижения истины в одинаковой мере значима для уголовного процесса всех рассматриваемых стран. Более того, ее можно рассматривать в качестве своего рода «внутренней» цели, обеспечивающей движение уголовного дела в сторону реализации «внешних» целей.

В связи с этим удивление вызывает лишь встречающаяся в нашей отечественной литературе позиция резкого неприятия объективной истины (споры бесплодны).³⁴ Если споры об истине и бесплодны, то именно потому, что в современном уголовном процессе невозможно отказаться от такого ориентира. Попытка же построить

³⁴ См., напр.: *Мизулина Е. Б.* Современное уголовно-процессуальное законодательство: Проект УПК Российской Федерации// Информационный бюллетень Следственного комитета при МВД России. 2001. № 1 (107). С. 146.

«ультрасовременный» вариант состязательного процесса классического образца означает не просто смену «континентальной» парадигмы российского уголовного процесса,³⁵ но и переход к тому, чего не существует в современном государственно-организованном мире.³⁶

3. Приоритет частноправовых интересов в англо-американском уголовном процессе и приоритет публично-правовых интересов в континентальном уголовном процессе.

Как мы уже отмечали, цели уголовного процесса могут быть разделены на цели органов государства, обвиняемых, потерпевших и общественности (местных сообществ). Это основные группы субъектов, преследующих в судопроизводстве определенные цели, различающиеся по характеру стоящих за ними интересов.

Государственные интересы всеобъемлющи. Они вытекают из всех шести обозначенных выше стратегий, т. е. могут (и теоретически должны) быть интересами уголовного преследования, справедливости, обеспечения эффективности уголовного судопроизводства, реабилитации потерпевших и обвиняемых, примирительными. Их специфика состоит в том, что они обезличены или, иначе говоря, носят публично-правовой характер. Исходя из того, что государство несет ответственность за безопасность граждан в самом широком смысле слова, организует и контролирует органы уголовной юстиции, последние всегда должны действовать во всеобщих интересах, рассматривая даже частные притязания как свои. Сказанное является неизбежным следствием узаконения, признания государством любого интереса, когда он превращается в законный интерес (отражаемое в праве или вытекающее из его смысла, юридически дозволенное, охраняемое и защищаемое государством притязание на социальное благо).³⁷ Конечно, в подобной ситуации весьма существен риск подмены личных или общественных интересов государственными, точнее,

³⁵ Головкин Л. В. Новый УПК Российской Федерации в контексте сравнительного уголовно-процессуального права // Государство и право. 2002. № 5. С. 51-54.

³⁶ Критику полного и безоговорочного отказа от объективной истины см., напр.: Свиридов М. К. Состязательность и установление истины в уголовном судопроизводстве // Правовые проблемы укрепления российской государственности. Ч. 10: Проблемы уголовного процесса в свете нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Томск, 2002. С. 3; Азаров В. А. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: двойные стандарты в установлении истины? // Вестник Томского государственного университета. Сер. «Экономика. Юридические науки». № 4. 2003. С. 14-15; и др.

³⁷ О понятии законного интереса в современной теории права см.: Малько А. В., Субочев В. В. Законные интересы как правовая категория. СПб., 2004. С. 69-73.

их ведомственными интерпретациями, когда истинная проблема конкретного потерпевшего или обвиняемого трансформируется в вообразимую проблему и не решается. Разумеется, в формально-правовом смысле также можно выделить цели органов уголовного юстиции (и отграничить от целей других участников процесса) как особые служебные, охранительные и защитительные по отношению к законным интересам, которые законодателем признаются всеобщими (государственными), общественными (социально-групповыми) или частными. Однако в содержательно-правовом смысле служебные цели полностью определяются теми интересами, которым органы государства «служат», и достигаются лишь в той мере, в какой разделяются или присваиваются «служителями» (т. е. становятся их законными интересами). Естественно, что отношения зависимости субъектов в достижении тех или иных целей важны, но они выражаются функционально и в рассматриваемом отношении не столь значимы.

Лишь действуя из публично-правовых соображений, государственные органы способны осуществить официальное правосудие для потерпевших и обвиняемых, гарантировать соблюдение международно признанных стандартов прав и свобод человека и гражданина вне зависимости от чьих-либо субъективных желаний. Чувство справедливости конкретного человека, равно как и понимание справедливости, которое может существенно отличаться у различных сообществ, принимается в расчет только в пределах этих стандартов. Таким путем поддерживается баланс интересов между потерпевшими и обвиняемыми и удовлетворяется общественный интерес (на уровне конкретных сообществ). Это верно даже в том случае, когда преступление направлено не против конкретного лица, а против общества в целом (приобретение наркотиков, шпионаж и т. п.), ведь общество состоит из людей, которым, в конечном счете, и наносится ущерб.³⁸

Кроме того, только публично-правовая деятельность органов государства, ориентированная на общие стандарты доказывания и подчиненная требованиям рациональности и эффективности, способна обеспечить выявление преступлений и лиц, действительно виновных в этом. Тем самым создаются условия для свершения правосудия, минимизируются судебные ошибки и издержки, поддерживаются и достигаются интересы частных лиц.

³⁸О соотношении интересов в уголовном процессе см.: *Ashworth A. The Criminal Process: An Evaluative Study. P. 30-39.*

Очевидно, что все цели, корреспондирующие вышеуказанным интересам (безотносительно разнообразия теоретических интерпретаций и традиционных представлений) должны быть в одинаковой степени важными и четко выделяемыми правовыми (законными) целями органов уголовной юстиции. Они взаимосвязаны между собой, хотя и могут практически вступать в столкновение, но каждая из них достижима постольку, поскольку является государственной.

Интересы потерпевших, в отличие от государственных интересов, всегда имеют личностный характер. Они могут быть карательными (месть, возмездие), компенсационными (возмещение вреда), реабилитационными (забота со стороны государства), примирительными (согласие с обвиняемым) и представлены в вариациях соответствующих притязаний.³⁹ Не исключается также определенная заинтересованность потерпевших в оптимизации расходов и издержек (например, они явно заинтересованы в вызове их в суд в удобное для них время). Реализуются потерпевшими эти интересы в той мере, в какой признаются государством, и при условии, что публичный интерес государства не поглощает их полностью. Если притязание незаконно (например, месть), государство препятствует добиваться его, если законно — поддерживает потерпевшего.

Обвиняемые заинтересованы прежде всего в справедливости: соблюдении их прав и свобод, применении к ним справедливых процедур и справедливом наказании. Этот интерес обусловлен теми ограничениями, которые на них накладываются органами государства (в чьей власти они находятся) во время процесса, или теми лишениями, которые они могут претерпеть по приговору суда. Кроме того, они могут рассчитывать на заботу со стороны государства и примирение с потерпевшими. Небезразлична им и оптимизация расходов и издержек (например, когда речь идет о заочном рассмотрении их дел). Причем, как и у потерпевших, незаконные интересы обвиняемых пресекаются (уйти от заслуженного наказания), а законные — поддерживаются.

Интересы местных сообществ могут реально совпадать с интересами государственных органов, потерпевших и обвиняемых. Однако это не значит, что само уголовное судопроизводство может быть передано в их руки. Дело заключается в том, что различия в понимании справедливости в разных сообществах могут существенно

³⁹ См. об этом, напр.: *Таницев М. Е., Стойко Н. Г.* Потерпевший и его функция в российском уголовном процессе. С. 56-57.

различаться, что неизбежно приведет к неравному обращению с обвиняемыми и потерпевшими в аналогичных ситуациях. Иное дело — допущение представителей общественности в уголовный процесс на определенных условиях и на том основании, что помимо государственных и частных интересов существует очевидный интерес конкретного сообщества людей в восстановлении тех социальных связей и отношений, которые были нарушены как в результате совершения преступления, так и самим судопроизводством.

Таким образом, цели уголовного процесса и стоящие за ними интересы не противоречат друг другу, совместимы и, следовательно, не могут быть противопоставлены, т. е. вопрос о фундаментальном различии «приоритет частноправовых интересов — приоритет публично-правовых интересов», по существу, снимается.

Тем не менее, не подвергая сомнению правильности сделанного вывода, необходимо затронуть еще один аспект (весьма важный), ранее не анализировавшийся нами.

Дело заключается в том, что в общем праве (англо-американском) интересы индивида и общества традиционно трактуются как находящиеся в извечном конфликте. Данный конфликт решается в пользу индивидуального интереса, который в широком смысле определяется через право на равное обращение и уважение, или на справедливость; это естественное право (закон природы), вбирающее в себя основные (фундаментальные) права и свободы, которое существует независимо от воли государства и не может быть ограниченным или отмененным в силу общественного интереса. Напротив, названное право (справедливость) действует как непосредственно (прямо) обязывающее и ограничивающее государство. Речь идет о так называемой субстанциональной, или реальной (конкретной), справедливости,⁴⁰ которую следует отличать от формальной, или процедурной, справедливости (правильности), ибо «справедливые институты могут принимать неправильные решения, и наоборот».⁴¹

Применительно к уголовному процессу сказанное особенно важно для суда, власть и существование которого оправдываются в общем праве исключительно защитой прав и свобод человека,⁴² не

⁴⁰ Подробнее об этом см.: *Козлихин И. Ю.* Право и политика. СПб., 1996. С. 101-105; *Ллойд Д.* Идея права. С. 138-141.

⁴¹ *Dahl R. A.* Democracy and its Critics. London, 1989. P. 218.

⁴² Это совершенно верно подчеркивает И. Ю. Козлихин: *Козлихин И. Ю.* Право и политика. С. 105.

зависящих от воли государства или желания людей. Вот почему организация принятия судебных решений, основанная на позитивных нормах (прецедентах или законах) процедурной справедливости, носит формальный характер по отношению к человеку, а сами решения, основанные на «естественном законе», — реальный.

Иначе говоря, в англо-американском процессе (и шире — правовой системе) право — не то, что содержится в предустановленных нормах (правилах, велениях), а то, что с помощью них или в них «откроют», либо то, на что укажут или что определяют судьи как закон применительно к какому-либо частному случаю.⁴³ Именно поэтому не столько нормы позитивного права приводят судью к верному решению, сколько следование совести, естественным правам, которым всегда отдается предпочтение в случае конфликта с общественным интересом.⁴⁴ Правосудие (принятие решения) здесь — своего рода испытание правовых притязаний спорящих сторон, а также прецедентов и статуты, лежащих в их основе, на справедливость, на соответствие негативной свободе (человек может делать все, что не переступает границы свободы других людей) и закрепленным в традициях принципам права (традиционно понимаемым); это рассуждение о правовом и неправовом в конкретной ситуации (а не о законном и незаконном), когда руководством к действию, критерием оценки является естественное право, а принятие решения скорее является выбором ценности, нежели закона.

Отсюда право (воплощенная в судебных решениях реальная справедливость), которое утверждает судья в отношении конкретных людей — участников правового спора, является «негосударственным» правом, а суд — «негосударственным» учреждением, способным противостоять злоупотреблениям любых властей.

Такого рода судебская справедливость, основанная на вековых традициях юридического мышления в странах общего права, представляет собой своеобразную внутреннюю цель уголовного процесса, не предписанную сверху (политически и законодательно), а как бы возвращенную изнутри в результате длительной эволюции системы общего права. Однако, будучи внутренней (в строго указанном смысле),

⁴³ См. об этом: *Almond G, Verta S. The Civic Culture. Political Attitude and Democracy in Five Nations. Princeton, 1963. P. 304; Мур Д. Н. Верховенство права: обзор. С. 27; Романов А. К. Правовая система Англии. М., 2000. С. 97; Ллойд Д. Идея права. С. 296.*

⁴⁴ *Козлихин И. Ю. Право и политика. С. 104-105.*

эта цель с момента своего возникновения (образования) есть политико-правовой феномен (как и суд) и в данном отношении не может не отражаться в уголовной политике, т. е. не стать стратегической для государства и не поддерживаться им. Вот почему справедливость не является исключительно судебной и распространяется на все социальные институты. Можно сказать, что справедливость, рожденная судом, изначально являясь самостоятельным и мощным фактором жизни всего общества, возвращается к нему как зеркальное отражение самой себя в виде уже внешне заданных условий своего воплощения в жизнь (политических, экономических, законодательных и т. п.).

Таким образом, интерес граждан в защите от «покушений на их права со стороны государства, которое постоянно навязывает им свою волю»,⁴⁵ превращается в высший правовой интерес самого государства. Следовательно, ему должны подчиняться все участники уголовного судопроизводства, включая прокуратуру. Ведь государство и законы гражданские нужны лишь для того, чтобы защищать законы естественные (права и свободы), вытекающие из всеобщего закона природы (естественного права). Согласно этому государство выступает как гарант свободы людей жить в соответствии со своими потребностями и притязаниями, если это не нарушает свободы других, и быть независимым от чьего бы то ни было произвола. Иначе говоря, естественный закон и стоящие за ним естественно-правовые (частноправовые) интересы превыше государства, которое призвано их защищать с помощью своих законов.⁴⁶

По этой причине (в контексте сказанного) органы государства, «в том числе и прокурор, должны защищать права обвиняемых, но не должны осуществлять уголовное преследование, чтобы защищать права общества и жертвы».⁴⁷ То есть они обязаны руководствоваться внутренней целью (автономной, независимой от государственных целей) и представлять законные интересы обвиняемых как приоритетные, а не внешними целями, связанными с осуществлением общей политики противодействия преступности.

⁴⁵ Флетчер Дж., Наумов А. В. Основные концепции современного уголовного права. С. 490, 499.

⁴⁶ Дробышевский С. А. Классические теоретические представления о государстве, праве и политике. Красноярск, 1999. С. 99-103; Ллойд Д. Идея права. С. 92-100; Абдулаев М. И. Права человека и закон. СПб., 2004. С. 40-62.

⁴⁷ Флетчер Дж., Наумов А. В. Основные концепции современного уголовного права. С. 498-499.

Следовательно, если стандарты справедливости (правосудия), прав и свобод были нарушены в ходе уголовного процесса, то согласно их приоритетности справедливо признать обвиняемого невиновным даже при наличии убедительных доказательств обратного. Данное утверждение означает справедливость освобождения обвиняемого от заслуженного наказания только на основании того, что его права и свободы были недопустимым образом нарушены. Предположим, был проведен обыск в жилище подозреваемого лица без санкции суда. В результате получены доказательства, непротиворечивым образом (достоверно, вне всяких сомнений) подтверждающие его виновность. В соответствии с приоритетом частноправового интереса этого лица в защите справедливости все эти доказательства должны быть признаны недопустимыми и должен быть вынесен оправдательный приговор (при отсутствии иных доказательств). Такой приговор, будучи по принципу справедливым, не подлежит отмене ни при каких условиях (например, если оправданный впоследствии признал себя виновным, если против него были собраны новые уличающие доказательства).⁴⁸ Правда, следует сделать одну существенную оговорку применительно к английскому уголовному процессу, в котором в отличие от американского вопрос о допустимости доказательств жестко не связан с нарушениями прав и свобод, допущенными в ходе досудебного производства. Здесь скорее речь идет об определении того, насколько возможно будет проверить те или иные доказательства в суде,⁴⁹ т. е. доказательства считаются приемлемыми и необходимыми, если они относятся к оспариваемым сторонами фактам и будут способствовать принятию разумного решения. Но судья вправе по своему усмотрению отклонить доказательства обвинения, которые могут оказать серьезное отрицательное воздействие на беспристрастность разбирательства (разд. 78 Закона о полиции и уголовных доказательствах 1984 г.; *The Police And Criminal Evidence Act 1984*, далее — PACE).⁵⁰ Следовательно, в принципе, нарушения

⁴⁸ См. об этом: Там же. С. 499.

⁴⁹ См. подробнее: Гуценко К. Ф., Головки Л. В., Филимонов Б. А. Уголовный процесс западных государств. С. 87-90.

⁵⁰ Здесь и далее наименования и аббревиатуры законодательных актов на англ. яз. приводятся по следующим (уже цитированным) источникам, описывающим их содержание: *Criminal Procedure Systems in the European Community; Comparative Criminal Procedure*; Гуценко К. Ф., Головки Л. В., Филимонов Б. А. Уголовный процесс западных государств. — Переводы на рус. яз. даны в авторской интерпретации К. Ф. Гуценко (Гуценко К. Ф., Головки Л. В., Филимонов Б. А. Уголовный процесс западных государств).

прав и свобод обвиняемого могут привести к исключению доказательств (например, неправомерный отказ предоставить доступ к адвокату всегда приводит к недопустимости доказательства, полученного после этого). Вместе с тем доказательства, добытые в результате недопустимой провокации, не обязательно подлежат исключению.⁵¹ Закон прямо указывает на недопустимость лишь признания вины, которое «было или могло быть получено за счет притеснений лица, сделавшего признание... если только обвинение не докажет суду при отсутствии разумных сомнений (несмотря на то что это может быть правдой), что признание не получено таким образом» (разд. 76 (2) РАСЕ).⁵² Однако исключение признания вины не означает само по себе недопустимость доказательств любого факта, выявленного с помощью подобного признания (разд. 76 (4) РАСЕ).

Однако по тем же соображениям справедливым будет, если обвиняемый официально заявит о своей виновности, не производить дальнейшего исследования обстоятельств уголовного дела, а вынести обвинительный приговор вне зависимости от собранных доказательств. Справедливо также признать за обвиняемым право отказаться от защитника даже по делам о тяжких преступлениях.⁵³ Таким образом, интересы обвиняемого представляются и отстаиваются не только государственными органами, но и лично обвиняемым, который, «действуя самостоятельно, ни от кого не зависит и может сам решить свою судьбу».⁵⁴

В отношении потерпевшего действует несколько иной подход: его интересы представляются и защищаются органами государства. Обвинитель (прокурор, атторней) выступает как бы от лица потерпевшего, отстаивая частноправовой интерес последнего на возмездие и возмещение ущерба (помогает оформить его правовые требования, собрать информацию о причиненном вреде, и т. п.).⁵⁵ Однако в отличие от обвиняемого потерпевший не обладает возможностью существенно влиять на ход и результаты процесса. Его интересы (в данном отношении, а не вообще) явно уступают интересам общественной

⁵¹ *Comparative Criminal Procedure*. P. 217-218.

⁵² Под притеснениями здесь понимаются пытки, бесчеловечное или унижающее обращение, применение или угроза насилием (разд. 76 (8) РАСЕ).

⁵³ *Гуценко К. Ф., Головки Л. В., Филимонов Б. А.* Уголовный процесс западных государств. С. 166.

⁵⁴ Там же. С. 167.

⁵⁵ См. об этом, напр.: *Криминология* / Под ред. Дж. Ф. Шели. С. 239-240, 524.

безопасности (необходимость государственного контроля над преступностью) и интересам обвиняемого (необходимость ограждения обвиняемого от мести потерпевшего),⁵⁶ ибо «обвинители и суды должны защищать от правонарушений как индивида, так и общества».⁵⁷

В континентальном праве, в отличие от общего, интересы индивида и государства не рассматриваются как неизбежно конфликтные. Положение государства по отношению к личности носит служебный характер, выражающийся в необходимости подчинения «высшей цели — сохранению индивидуального существования и индивидуального благосостояния».⁵⁸

Государство не может вторгаться во внутреннюю жизнь человека или создавать что-либо, относящееся к ней (ни науку, ни искусство, ни физическое здоровье, ни материальное благо).⁵⁹ Это граница, которую нельзя переходить и которая устанавливается посредством (гражданских) законов, охраняющих, упорядочивающих, поддерживающих общие (солидарные) интересы людей, проявляющиеся в их внешней совместной деятельности.⁶⁰ Только государство способно осуществлять «планомерные солидарные акты человеческой жизни»⁶¹ и в этом смысле быть источником законов (позитивного права), которые подчиняют и объединяют отдельных индивидов в общество. Причем закон для человека — не просто внешняя сила (воля), но и средство, используя которое он приводит свое поведение в соответствие с общими интересами.

С одной стороны, закон подотчетен государству, но с другой — управляет государством, ставит его в положение самоограничения своей собственной власти. Применяя средства правового принуждения или допуская (признавая) самостоятельность граждан в распоряжении принадлежащими им правами (в особенности, в частноправовой сфере), государство обращено не только к подвластным, но и к самому себе путем собственного «правового упорядочения», в том числе осуществляя правосудие. Однако государство так или иначе монополизирует право, создавая его в общих интересах. Даже

⁵⁶ Там же. С. 240. — См. также: *Ллойд Д.* Идея права. С. 187.

⁵⁷ *Кларк Р.* Преступность в Америке. Замечания по поводу ее природы, причин, предупреждения и контроля. М., 2002. С. 380.

⁵⁸ *Еллинек Г.* Общее учение о государстве. СПб., 2004. С. 241.

⁵⁹ Там же. С. 255-256.

⁶⁰ Там же С. 258.

⁶¹ Там же.

развитие индивидуальности становится в этом случае «одним из высших солидарных интересов».⁶²

Действуя подобным образом, государство охраняет солидарные интересы (защищает право, обеспечивает правление закона),⁶³ которые без него не могут быть удовлетворены. Естественное равенство и свобода (справедливость) тем самым не отрицаются. Напротив, предполагается, что, будучи отчуждены от человека в пользу государства, они возвращаются к нему в виде позитивных прав и свобод,⁶⁴ представляющих собой важнейший структурный элемент законодательства.

Применительно к суду сказанное означает, что он осуществляет свою деятельность как государственное учреждение (хотя и независимо от других государственных органов) по правилам, установленным законом, от которого он не может отклониться и которому он должен подчиняться, как и все субъекты права. Его решения принимаются так, как это предусмотрено законной процедурой, требующей соблюдения прав и свобод, т. е. характер, возможность выбора и качество (правильность) судебного решения определяются его законностью (необходимостью подчинения закону, включая процессуальную справедливость), а не альтернативной ей (в ценностном отношении) субстанциональной справедливостью. В этом смысле законность, будучи внешне задана как условие, становится внутренней целью для суда, не только организующей принятие им решения, но и определяющей качество данного решения. Правосудие здесь есть рас许уждение о законном и незаконном (а не о правовом или неправовом) в конкретной ситуации, когда руководством к действию и критерием оценки является закон, указывающий, какое решение следует избрать и в соответствии с какой ценностью.

Аналогичные требования распространяются и на другие государственные органы, участвующие в уголовном судопроизводстве.

Что касается потерпевших и обвиняемых, то их деятельность самостоятельна лишь в пределах, указанных законом. Интересы этих

⁶² Там же. С. 258-259.

⁶³ Речь идет о более или менее единообразно понимаемых принципах правового государства, таких как верховенство конституции и закона, разделение властей, независимость суда, судебный контроль и т. п. О правлении закона и его принципах в юридическом позитивизме см. подробнее: *Козлихин И. Ю.* Право и политика. С. 57-78; *Дробышевский С. А., Будилина Т. В.* Научная мысль в поисках наилучшей политико-правовой системы. Красноярск, 2000. С. 73-75; *Абдулаев М. И.* Права человека и закон. С. 216-227; и др.

⁶⁴ *Руссо Ж.-Ж.* Об общественном договоре: Трактаты. М., 1998; С. 241.

§ 1. Цели уголовного процесса западных государств и России

лиц в юридическом смысле всегда представляются органами, ведущими уголовный процесс, и выражаются ими как общие (солидарные), или законные, интересы. Следовательно, по сути, индивидуальные интересы вторичны по отношению к интересам общим (публично-правовым) и не могут иметь определяющего влияния на ход и результаты судопроизводства.

Вот почему движущей силой континентально-правового процесса являются публично-правовые интересы, к числу которых (наряду с другими) относится и защита прав и свобод человека и гражданина. Эти интересы и соответствующие им цели внешне (политически) заданы и потому никакие из них не могут быть внутренними (в том смысле, который мы вкладывали в данный термин применительно к англо-американскому процессу) и достигаться автономно (независимо), за исключением законности. Однако и она, представляя собой, несомненно, мощный фактор жизни современного общества, привнесена в уголовный процесс извне, а не является продуктом эволюционного исторического развития судебной системы (подобно английским судам), т. е. производив от уголовной политики, обусловлена ею, хотя и может относительно самостоятельно реализовываться. Но это никак не влияет на то, что права обвиняемого и потерпевшего защищаются как общественно значимые в рамках общей политики противодействия преступности.

Следовательно, нарушение фундаментальных прав и свобод обвиняемого само по себе еще не влечет признания его невиновным, если только законодатель специально не предусмотрел обязательное исключение доказательств, полученных с таким нарушением. В континентальном судопроизводстве вопросы соблюдения прав и свобод и допустимости доказательств могут быть «разведены». Характерным примером в данном отношении может служить решение Верховного Суда Германии по делу Ж., который был признан виновным в приобретении крупной партии наркотиков на деньги и за вознаграждение, предложенные ему доверенным лицом полиции. С учетом того, что Ж. не подозревался полицией и вел добропорядочный образ жизни, Суд расценил действия доверенного лица полиции как «превышение пределов допустимой провокации», несовместимое с целями защиты прав и свобод человека и гражданина. Однако он не исключил возможность использования полученных в результате этого доказательств и привлечения Ж. к уголовной ответственности (правда, со значительным смягчением ее) и, таким образом, явно продемонстрировал предпочтение борьбы с преступностью общественным

интересам.⁶⁵ Данная позиция не вступает в противоречие с законодательством. Хотя УПК ФРГ и устанавливает запреты доказывания (запрет на использование в качестве источников доказательств близких родственников обвиняемого или лиц определенных профессий — § 52, 53; запрет исследовать без специального разрешения сведения, содержащие государственную тайну, — § 54; и др.),⁶⁶ судебный контроль за ограничением прав и свобод обвиняемого (например, контроль и запись телефонных переговоров — § 100b; обыск — § 105), но прямо не связывает их нарушение с запретом на использование полученных результатов в качестве доказательств. Исключение составляет лишь запрет на незаконные методы ведения допроса, нарушение которого влечет за собой недопустимость использования полученного результата в доказывании даже при согласии обвиняемого (§ 136a). Правда, практически это не означает невозможности использования соответствующей информации для дальнейшего доказывания с помощью других законных средств.

Вместе с тем это не свидетельствует и о том, что незаконные действия в подобных ситуациях не могут быть обжалованы. Например, правовая защита от уголовного преследования полицией (вспомогательный орган прокуратуры), запрещенная в уголовном процессе, обеспечивается в административном порядке, в том числе в административных судах (§ 23 Вводного Закона к Закону о судопроизводстве, § 40 Закона об административных судах). В то же время допускается уголовно-процессуальная проверка решений прокуратуры в суде (§ 98, 111 е, 128, 161 а, 163а УПК ФРГ).

Во Франции ситуация сходная. Так, показания родственников допускаются, хотя и рассматриваются как «простые сведения», т. е. неполноценные доказательства (ст. 335, 447, 448 УПК Франции). Даже обязательный запрет на использование показаний лиц по вопросам, относящимся к их профессиональной деятельности, не закрепленный в законе (за исключением показаний журналиста — ч. 2 ст. 109 УПК), но соблюдаемый на практике, может быть снят судом в порядке исключения.⁶⁷ Нет жесткой связи между нарушением права

⁶⁵ Верховный Суд Германии. 2000, 97 (BGH JP). Решение от 18 ноября 1999 г. — См. также: Верховный Суд Германии. 2001, 103 (BGH JP). Решение от 30 мая 2001 г.

⁶⁶ См. об этом, напр.: *Гуценко К. Ф., Головкин Л. В., Филимонов Б. А.* Уголовный процесс западных государств. С. 424-425.

⁶⁷ Там же. С. 321.

на судебный контроль (например, перехватом сообщений, передаваемых с помощью средств телекоммуникации — ст. 100-100-7 УПК) и недопустимостью доказательств. Однако УПК Франции предусматривает возможность аннулирования (признания недействительными) любых следственных действий (ст. 170-174 УПК). Такое решение принимается следственной камерой (следственный орган второй инстанции) по инициативе прокурора, следственного судьи и сторон в случае существенного нарушения закона, затрагивающего интересы сторон (ст. 171 УПК), включая право на защиту (ст. 172 УПК).⁶⁸ Использование результатов таких действий в судебном разбирательстве не допускается под угрозой обвинения в должностном злоупотреблении или возбуждения дисциплинарного преследования (ст. 173 УПК). Непосредственно без всяких условий и исключений запрещено лишь использование в качестве письменного доказательства переписки обвиняемого с защитником (ст. 432 УПК).

Российский уголовный процесс в целом подходит к рассматриваемому вопросу более строго. УПК РФ исключает возможность использования в законе любого доказательства, полученного с нарушением закона (ч. 2 ст. 7). Отсюда можно сделать вывод, что нарушения прав человека (позитивно закрепленных в законе) при производстве следственных действий должны влечь признание юридической ничтожности доказательственных результатов. В ходе предварительного расследования соответствующее решение может быть принято по инициативе органов уголовного преследования, обязанных выносить законные решения (ч. 4 ст. 7 УПК), или по ходатайству обвиняемого (подозреваемого), его защитника (ст. 120 УПК), а в суде — по инициативе сторон. Обжалование незаконных действий должностных лиц органов дознания и предварительного следствия (в судебном и ином уголовно-процессуальном порядке) применяется широко и не знает исключений (ст. 123-126 УПК). Иначе говоря, в целом российское законодательство в данном отношении ближе к американскому подходу.

В то же время уголовно-процессуальное законодательство Германии, Франции и России практически едины в другом вопросе. Ни в одной из этих стран обвиняемый не может решить судьбу своего дела путем заключения сделки о признании вины (или заявления о признании вины). В любом случае, в том или ином виде суд будет

⁶⁸ Там же. С. 360-361.

исследовать (изучать) представленные ему доказательства (в ходе судебного разбирательства или в порядке решения вопроса о его сокращении). То есть снять официальное исследование дела, признав свою вину, нельзя. Можно лишь повлиять на форму (порядок), в которой суд будет делать это. Кроме того, обвиняемый не может отказаться от защитника в случаях, когда его участие обязательно по закону. В Германии и России вполне допустимо возобновление прокурором производства по делу в отношении обвиняемого, оправданного судом (§ 362 УПК ФРГ, ст. 413-414 УПК РФ), а во Франции — расследования в отношении обвиняемого, уголовное преследование которого было прекращено следственным судьей (ст. 188-190 УПК Франции).

Свидетельствуют ли приведенные выше различия о том, что англо-американский уголовный процесс имеет ярко выраженный приоритет частноправовых интересов над публично-правовыми, а континентальный — наоборот?

В концептуальном плане, очевидно, да. В общем праве справедливость первична (как первичны и стоящие за ней естественно-правовые или частноправовые интересы), а законность вторична (как вторичны и стоящие за ней публично-правовые интересы). В континентальном праве, наоборот, законность предполагает справедливость, но не определяется ею.

В практическом отношении различие менее очевидно, поскольку справедливость в уголовном процессе «не является монополией систем, базирующихся на общеправовых... традициях», представляя собой выражение общей для современных демократических стран «приверженности определенным минимальным стандартам...» прав и свобод человека.⁶⁹

С одной стороны, феномен судейской справедливости в общем праве имеет уникальный характер и вряд ли может быть воспроизведен в системе континентального права.⁷⁰ Германский, российский или французский судья (и другие юристы) вряд ли в ближайшее время научатся следовать принципам права, прежде чем применять закон. Такой правовой традиции исторически никогда у них не было в отличие от судьи (и других юристов) стран общего права. Но это не значит, что отсутствуют какие-либо условия для ее появления или

⁶⁹ Мур Д. Н. Верховенство права: обзор. С. 31.

⁷⁰ Романов А. К. Правовая система Англии. С. 15.

они в принципе не способны к этому. Свидетельством тому может служить деятельность конституционных судебных органов рассматриваемых стран, а также Европейского суда по правам человека, большинство членов которого — из стран континентального права. Судьи этих органов руководствуются в своих оценках исключительно фундаментальными правами и свободами (незыблемыми, неотчуждаемыми и принадлежащими человеку от рождения), испытывая, подобно судьям общего права, конкретную ситуацию и закон на справедливость. Суд присяжных в России (близкий англо-американскому образцу) и во Франции (существенно отличающийся от своего «классического» прототипа) можно в какой-то мере отнести к этому ряду судебных органов, но лишь применительно к присяжным, которые принимают свои решения по справедливости, а не по закону. Что же касается профессиональных судей данных судов, то их юридическое мышление, как и у «обычных» судей, является позитивистским: на первом месте закон. Однако в любом случае речь идет об очень маленькой части судебного корпуса, наиболее опытных, умудренных жизнью и высококвалифицированных профессионалах, в то время как в США и в Англии и Уэльсе — обо всех или большинстве судей.

Тем не менее существование пусть даже весьма ограниченной сферы правосудия, ориентированного на справедливость (примерно в том смысле, который вкладывается в данное понятие в общем праве), в странах континентального права само по себе показательно, хотя и говорит только о принципиальной возможности сближения, а не о сближении или тенденциях к нему. Такая возможность основывается (по крайней мере, в пределах западного мира) на общности истории и культуры, сходстве и взаимозависимости политических, демократических и экономических институтов и других явлений социальной жизни.

С другой стороны, конкретные следствия столь необычной для континентального юриста ориентации на справедливость английских и американских судей не совсем соответствуют признакам классической состязательности, одним из которых является предпочтение частным интересам.

Дело заключается в том, что в англосаксонском процессе сделка или заявление о признании вины лишь внешне имеет частноправовой характер. Действительно, обвиняемый в ходе переговоров со стороной обвинения распоряжается своим субъективным правом на признание себя виновным. Юридические последствия такого признания

аналогичны гражданско-правовым: когда ответчик соглашается удовлетворить притязания истца, судебный процесс (разрешение правового спора) исключается. В гражданском процессе в данной ситуации суд не нужен, и реальная справедливость достигается волеизъявлением одной стороны или соглашением двух сторон, спор между которыми является их частным делом. В уголовном процессе дело обстоит принципиально иначе. В спор вступает государство (органы обвинения) и обвиняемое им лицо. При этом согласно «естественно-правовой» логике государство способно к произволу и потенциально опасно для прав и свобод человека. Значит, чтобы оградить его от произвола требуется автономный суд, противостоящий постоянной угрозе злоупотреблений со стороны государства, т. е. без суда и вне судебной процедуры реальная справедливость недостижима. При заявлении (сделке) же о признании вины суд лишь формально утверждает принятое ранее решение, выясняя, было ли оно вынужденным со стороны обвиняемого или нет, и определяет наказание в соответствии с преступлением, о совершении которого он знает исключительно со слов подсудимого. Фактически это значит, что прокурор ответственен не только за уголовное преследование, но и за окончательное решение вопроса о вине и наказании. Как верно отмечает В. А. Власихин, не суд, а именно прокурор решает этот вопрос.⁷¹ В результате обвиняемый наказывается не за то преступление, которое он совершил, а за то, относительно которого договорился с прокурором.⁷² Не случайно приверженцы классической состязательности подвергают институт сделки (заявления) о признании вины резкой критике потому, что «большинство дел вообще не рассматривается в суде», роль суда умаляется, а прокурора — усиливается.⁷³

Кроме того, государство как сторона процесса неизбежно приносит в него общественный интерес уголовного преследования, и если дело не доходит до суда, то найти баланс между этим интересом и интересом обвиняемого, по сути, некому: нет нейтрального и беспристрастного арбитра. Разумеется, прокурор действует в интересах

⁷¹ Государственный строй США/Отв. ред. А. С. Никифоров. М, 1976. С. 319.

⁷² Кристи Н. Борьба с преступностью как индустрия. С. 140.

⁷³ Фридмэн Л. Введение в американское право. С. 61; Langbein J. H. Torture and Plea Bargaining // The University of Chicago Law Review. 1978-79. Vol. 46. P. 18; Radziowicz S. L., Hood R. The American volte-face in sentencing thought and practice // Crime, Proof and Punishment. Essays in Memory of Sir Rupert Cross. London, 1981. P. 142-143. — См. также: Криминология / Под ред. Дж. Ф. Шели. С. 512, 515-516.

обвиняемого, когда осуществляет контроль над полицией (правомерностью действий, допустимостью собранных доказательств). Однако задача уголовного преследования для него как государственного служащего тем самым не снимается. Добиваясь сделки о признании вины, прокурор реально может смягчить ответственность обвиняемого, но делает он это в первую очередь в общественных интересах, которые представляет, согласовывая их с частными интересами обвиняемого. Отношения между указанными субъектами не частно-правовые, а публично-правовые.

Конечно, о прокуроре можно говорить как о представителе частноправового интереса потерпевшего (это делают, например, некоторые американские теоретики права⁷⁴ и вслед за ними некоторые российские ученые⁷⁵). Однако от того, что орган обвинения защищает эти интересы в силу своего призвания оказывать юридическую помощь «всему народу» (т. е. осуществляет не государственное, а «народное» обвинение, оказывая услугу потерпевшему),⁷⁶ его цели не становятся частными. Он все равно действует в общественных интересах, объективно совпадающих с интересами потерпевшего, т. е. представляет и его, и общество. Прокурор, как государственный служащий, не может защищать потерпевшего так, как защитник (адвокат) обвиняемого. Для него недопустимо пользоваться уловками и ухищрениями подобно адвокату, действовать односторонне только на пользу потерпевшего. Права и свободы обвиняемого для прокурора не менее важны, более того, приоритетны, хотя бы потому, что нуждаются в особой охране, в том числе от мести потерпевшего и непосредственной реакции местных сообществ, понимание справедливости в которых (на что мы уже указывали) может существенно различаться.

Иначе говоря, уголовный процесс не может быть частным делом обвиняемого или потерпевшего, ни делом местного сообщества (за некоторыми исключениями по очень узкой категории уголовных дел).

⁷⁴ См., напр.: *Major Criminal Justice Systems*/ G. Fv Colce, S. J. Frankowski, M. J. Gertz and others. London, 1981. P. 176.

⁷⁵ Семухина О. Б. Типология уголовного процесса англо-американской и романо-германской правовых систем. Томск, 2002. С. 17, 20, 75; Шестакова С. В. Состязательность уголовного процесса. СПб., 2001. С. 29.

⁷⁶ На это указывает О. Б. Семухина, аргументируя свою позицию: Семухина О. Б. Типология уголовного процесса англо-американской и романо-германской правовой систем. С. 27.

Приведенная выше позиция ученых, на наш взгляд, является, по сути, попыткой механистического переноса известной конституционно-правовой идеи происхождения государственного суверенитета от народа. Сама по себе она не вызывает возражений. Но ее использование для обоснования частно-исковой природы уголовного процесса или приоритета частных интересов в нем весьма сомнительно.

К тому же эта позиция резко контрастирует с уже упоминавшимся нами утверждением Дж. Флетчера о том, что прокуратура якобы не преследует обвиняемого в интересах общества и жертвы.⁷⁷ Получается, что потерпевшего в уголовном процессе как бы нет, или, по крайней мере, прокуратура не представляет его интересы, равно как и интересы общества. Вряд ли такое возможно по уже неоднократно высказывавшимся нами причинам; к тому же это противоречит позиции законодателя. Так, п. 6.3 Кодекса уголовных преследователей прямо ставит определение наличия публичного интереса в деле в зависимость «от серьезности преступления или личности», а п. 11.2 указывает на то, что «за счет единых принципов каждый работник системы уголовного судопроизводства способствует справедливому обращению с потерпевшими и беспристрастному, но эффективному преследованию обвиняемых». Впрочем, скорее всего Дж. Флетчер имел в виду не отрицание необходимости защиты общества и жертвы от преступлений, а предпочтение ее интересам обвиняемого, которое связано с правилами заключения сделки о признании вины (смягчение ответственности), с недопустимостью доказательств, полученных с нарушением прав и свобод обвиняемого, а также с невозможностью возобновления дела в отношении оправданного обвиняемого.

На первый взгляд, подобное предпочтение ведет к определенному отходу от принципа заслуженного наказания. Однако если это действительно так, то возникает дисбаланс между законным стремлением власти к восстановлению правопорядка и справедливости путем уголовного преследования и наказания преступников, с одной стороны, и интересом обвиняемого получить минимальное наказание или избежать его вовсе — с другой. Вряд ли какая-либо современная правовая система позволит себе это. Напротив, объективным является обеспечение паритета законных, справедливых интересов и пресечение незаконных, включая интересы потерпевшего. Другое

⁷⁷ Флетчер Дж., Наумов А. В. Основные концепции современного уголовного права. С. 498-499.

дело, что существует необходимость в ограничении властных полномочий органов государства, обуславливающих их преимущество перед остальными участниками уголовного процесса. В этом смысле признание и реализация прав и свобод обвиняемого выступает в качестве противовеса власти, гарантирующего исключение ее применения «в ущерб относительно слабой позиции подозреваемых».⁷⁸

Именно здесь и заключается действительный приоритет частного интереса обвиняемого в применении к нему справедливых процедур над интересом органов власти, заключающимся в том, чтобы наказать его в обход этих процедур. Но рассматривается он только применительно к данной конфликтной ситуации (столкновению законного интереса обвиняемого и незаконного интереса власти) и, в конечном счете, служит поддержанию баланса интересов власти и личности в уголовном процессе.

Указанное положение принципиально и соблюдается во всех сравниваемых нами юрисдикциях, хотя, может быть, более последовательно и строго в США и (с некоторыми оговорками) в Англии и Уэльсе.

Как видно из изложенного выше, в Германии, Франции и России в случае конфликта названных интересов в ряде случаев предпочтение может отдаваться цели уголовного преследования, но это вовсе не означает, что тем самым поощряется произвол. Просто способы реагирования на него и предупреждения его несколько иные: сильный прокурорский контроль и надзор, судебный контроль над досудебным производством, обязательная защита по отдельным категориям уголовных дел, учет нарушения прав и свобод обвиняемого при назначении наказания, ограничение возможности возобновления уголовных дел против интересов обвиняемого и т. п.

Причем риск произвола (и судебной или прокурорско-следственной ошибки) сохраняется как в англосаксонском, так и в континентальном процессе. Неважно, идет ли речь о фактическом принуждении к сделке (заявлению), о признании вины при отсутствии достаточных доказательств обвинения или о «поощрении» самооговора при ее заключении (во избежание длительной судебной процедуры и содержания под стражей, когда предполагаемое наказание незначительно, а обвиняемый относится к группе криминального риска),⁷⁹

⁷⁸ *Ashworth A.* The Criminal Process: An Evaluative Study. P. 39.

⁷⁹ *Riley D., Vennard J.* Triable-Either-Way Cases: Crown Court or Magistrates' Court? // Home Office Research Study. № 28. 1988. P. 17, 19; *Hedderman C., Moxon D.*

либо об обвинительном уклоне или истолковании сомнений против обвиняемого,⁸⁰ — абсолютных гарантий против произвола уголовный процесс ни одной из рассматриваемых стран предоставить не в состоянии. Можно лишь говорить о минимизации злоупотреблений властью, о более или менее эффективном противодействии им с помощью уголовно-процессуальных средств и о наличии определенного сдерживающего влияния (сильного или не очень) культурных, политических, экономических и иных факторов на распространенность этого негативного явления.

Кроме того, концептуальное противоречие «законность — справедливость» оказывается не столь резким и в другом отношении.

Так, обращает на себя внимание появившаяся на практике в континентальном процессе тенденция использовать признание вины в целях упрощения судопроизводства. Очевидно, что признание вины как таковое реально облегчает доказывание версии обвинения, если обвиняемый деятельно помогает раскрытию преступления, и может привести к сокращению уголовного процесса. В Германии, Франции и России это происходит в форме упрощенного (суммарного) производства (ускоренной процедуры, предписания немедленно явиться в суд и особого порядка судебного разбирательства, соответственно), которое исключает проведение судебного слушания (исследования) и практически сводится к принятию судебного решения (§ 407-412 УПК ФРГ, ст. 397-7 УПК Франции, ст. 314-317 УПК РФ). Причем в отличие от США переговоры о признании вины не допускаются, но, по некоторым данным, в Германии неформально проводятся (признаются судебной практикой с весьма жесткими ограничениями), а во Франции в скрытом виде предполагаются (не признаются ни в каком виде) при проведении процедуры коррекционализации, позволяющей обвинителю исключатьотягчающие ответственность обстоятельства и переводить дело из категории тяжких в менее тяжкие.⁸¹ В Англии и Уэльсе заявление о признании вины

Magistrates' Court or Crown Court? Mode of Trial Decisions and Sentencing// Home Office Research Study. № 125. 1992. P. 22-24; *Криминология I* Под ред. Дж. Ф. Шели. С. 509; *King M.* The Framework of Criminal Justice. P. 65, 66; *Фридман Л.* Введение в американское право. С. 141.

⁸⁰ *Алексеев Н. С., Даев В. Г., Кокорев Л. Д.* Очерк развития науки советского уголовного процесса. Воронеж, 1980. С. 86; *Стойко И. Г.* Недоказанность обстоятельств уголовного дела. С. 43-44; *Назаров А. Д.* Влияние следственных ошибок на ошибки суда. С. 127-128.

⁸¹ *Comparative Criminal Procedure.* P. 50, 252. — См. также: *Головко Л. В.* Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. СПб., 2002. С. 195-199.

также не предполагает переговоров (сделки), хотя практически они не исключаются⁸² и «пробивают себе дорогу по американскому образцу».⁸³

Следует отметить еще одно обстоятельство, связанное с возобновлением производства по уголовному делу. Действительно, отсутствие возможности возобновить производство по делу против интересов оправданных лиц является важной особенностью судопроизводства в странах общего права, свидетельствующей об определенном приоритете справедливости.⁸⁴ Однако в США и в Англии и Уэльсе нельзя также возобновить производство в пользу осужденного обвиняемого, в то время как в Германии, России и Франции это обычная практика (§ 359 УПК Германии, ст. 622 УПК Франции, ст. 413 УПК РФ). Очевидно, что континентальный подход в данном отношении более справедлив (что признается, например, в английской литературе).⁸⁵

Таким образом, уголовные процессы сравниваемых стран, с точки зрения стоящих перед ними целей, представляют собой публично-правовую деятельность, осуществляемую в соответствии с общественно значимыми интересами, к числу которых относятся в первую очередь законные интересы обвиняемых и потерпевших. Это не значит, что они должны буквально отождествляться, это значит, что они не должны противопоставляться. Как верно заметил Р. Кларк, «долгая история человечества учит, что не будет ни порядка, ни справедливости, если они не будут существовать вместе».⁸⁶ В этом смысле (и только) выявленные выше расхождения в практическом понимании приоритетности справедливости (прав и свобод) в континентальном и англосаксонском процессе не имеют существенного значения. Более того, они вполне преодолимы, если следовать по пути разумного совмещения названных интересов, а не по пути установления господства одних над другими.⁸⁷ Думается, что в целом все рассматриваемые нами

⁸² *Comparative Criminal Procedure*. P. 220.

⁸³ Гуценко К. Ф., Головкин Л. В., Филимонов Б. А. Уголовный процесс западных государств. С. 132.

⁸⁴ Следует отметить, что в Англии и Уэльсе министр внутренних дел согласен разд. 17 Закона об апелляции по уголовным делам 1968 г. вправе, если появились новые доказательства или некоторые иные соображения по существу (ранее неизвестные суду первой инстанции), вернуть дело в любой момент в Апелляционный суд для пересмотра по существу.

⁸⁵ *Comparative Criminal Procedure*. P. 256.

⁸⁶ Кларк Р. Преступность в Америке. Замечания по поводу ее природы, причин, предупреждения и контроля. С. 473.

⁸⁷ Шадрин В. С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений. С. 12-13.

страны движутся именно по данному пути, используя при этом как сходные, так и существенно различающиеся средства и способы. Во всяком случае, осознание необходимости и отчетливо выраженное стремление к достижению истины, законности и справедливости (как внутренних, организующих целей) является тем, что объединяет, а не разделяет сравниваемые национальные уголовные процессы.

Подведем итог.

1) Цели уголовного процесса (теоретически определяемые и законодательно выражаемые) сравниваемых нами стран обладают очевидной близостью. Они соответствуют основным стратегиям уголовного процесса, согласованы в их контексте как уголовно-политические и не противоречат друг другу.

2) Эти цели корреспондируют интересам всех участников судопроизводства (обвиняемых, потерпевших, местных сообществ, государственных органов).

3) Интересы обвиняемых, потерпевших и местных сообществ представлены государством, т. е. являются государственно или общественно значимыми.

4) Преобладание цели уголовного преследования (материального права) над целью защиты прав и свобод (процессуального права) и наоборот, как различие между англо-американским и континентальным процессом, не имеет существенного значения по причине непосредственной взаимозависимости этих целей (одна является условием достижения другой).

5) Достижение истины в равной степени значимо для уголовного процесса всех рассматриваемых стран, является их внутренней целью, организующей реализацию других внешне (уголовно-политически) заданных целей.

6) Цель удовлетворения частноправовых интересов (прав и свобод) является общим приоритетом в уголовных процессах сравниваемых юрисдикции, не вступает в противоречие с необходимостью удовлетворения публично-правовых интересов и не превращает уголовный процесс в частно-исковую деятельность.

7) Различия в традиционных концепциях соотношения частноправовых и публично-правовых интересов практически преодолеваются за счет признания наличия и взаимозависимости выраженных в них внутренних целей справедливости (традиционно — общее право), истины и законности (традиционно — континентальное право), но сохраняются в способах их осуществления.

8) С точки зрения сближения правовых систем, внутренние цели уголовного процесса сравниваемых стран имеют объединяющее значение, а способы их осуществления — разделяющее.

§ 2. Принципы уголовного процесса западных государств и России

Принципы (вне зависимости от их научного определения) — это то, что является наиболее ярким воплощением ценностей уголовного процесса сравниваемых стран. Будучи официально признанными (на конституционном, законодательном, прецедентном или доктринальном уровне), они так или иначе отражают легитимные уголовно-процессуальные ценности.

В контексте проведенного нами анализа (выделения содержащихся ценностей) не важно различие принципов, с одной стороны, и правовой доктрины, целей законодателя, правовых взглядов, научных воззрений, и т. п. — с другой. Важнее ценностная основа, на которой принципы формируются, а также то, что принцип есть высший акт легитимации уголовного процесса. Поэтому теоретические расхождения в определении понятия «принцип уголовного процесса», в вопросе об их количестве и т. д. нас здесь специально не интересуют.

Описания и конкретные формулировки принципов уголовного процесса рассматриваемых нами стран можно найти как на законодательном уровне, так и в литературе.⁸⁸ Именно на эти описания мы и будем опираться, квалифицируя соответствующие принципы как ценности.

К числу общих принципов и основных прав в *английском уголовном процессе* относят состязательную природу уголовного судопроизводства, презумпцию невиновности, бремя доказывания, гласность судебных слушаний, право на молчание и обязанность раскрытия информации перед защитой.

Состязательность уголовного процесса рассматривается как его ярко выраженная конфронтационность и заключается в том, что судебное разбирательство является не исследованием, а скорее испытанием доказательств, представленных сторонами.

⁸⁸ *Criminal procedure systems in the European Community*/ Ed. C Van Den Wyngaert. London, 1993.

Презумпция невиновности означает, что лицо считается невиновным до тех пор, пока его вина не будет доказана в порядке должной правовой процедуры, а бремя доказывания вины вне разумных сомнений лежит на обвинителе. Это положение дополняется еще одним, не менее важным: никто не может быть осужден дважды за одно и то же преступление. Причем имеются в виду две ситуации: когда обвиняемый был осужден за данное преступление и признан виновным в его совершении и когда он был осужден и оправдан.

Подозреваемый (обвиняемый) имеет право на молчание. Он не обязан всегда отвечать на вопросы при допросе в полиции и его молчание не может стать предметом неблагоприятных комментариев со стороны суда и обвинителя. Обвиняемый также не обязан давать показания и в защиту своих собственных интересов. Однако если он решил давать показания, то его привилегия на молчание теряет силу.

Правосудие в Англии и Уэльсе осуществляется в открытом судебном заседании. Вся информация, являющаяся предметом судебных слушаний (включая имена всех его участников), свободно сообщается. В то же время по соображениям национальной безопасности или другим причинам суды могут проводить закрытые слушания либо иным образом ограничивать раскрытие (обнародование) такого рода информации.

Большое значение для английской практики судопроизводства имеет обязанность органов уголовного преследования открывать доступ защите к имеющейся у них информации, в том числе к любому не использованному материалу. В некоторых случаях из этого правила делают специально оговоренные исключения. В свою очередь на обвиняемом (и его защитнике), требующем предоставления информации, лежит обязанность раскрытия содержания защиты. Если он не согласен с этим, то органы уголовного преследования вправе сообщить данный факт жюри (присяжным), которое может сделать неблагоприятные для обвиняемого выводы.

Слушания в магистратских судах Англии и Уэльса обусловлены поступлением подготовленной полицией или иными органами уголовного преследования информации и гарантированы вызовом преследуемого лица в суд под угрозой ареста.

Слушания в Суде Короны обусловлены составлением обвинительными органами процессуального заявления (обвинительного акта) о преследовании определенного лица. Такой документ должен быть достаточно подробным, чтобы обеспечить преследуемому лицу

возможность ознакомиться с обвинением и подготовиться к защите. В обвинительный акт на различных этапах судебных слушаний могут быть внесены изменения.

Доказательства полиция собирает устно или в виде письменных заявлений (показаний) свидетелей. Этому сопутствует протоколирование сообщаемой информации с целью избежать обвинения полиции в инспирировании признания подозреваемым своей вины. Подобная практика является универсальной и повсеместной и дополняется практикой ведения видеозаписи. Подозреваемый при составлении протокола вправе делать необходимые уточнения и изменения, о чем его предварительно уведомляют.

В течение всего судебного разбирательства обвиняемый находится на скамье подсудимых (специально для него отведенное место), что расценивается некоторыми юристами и представителями общественности как умаление презумпции невиновности. Судья выступает в роли беспристрастного арбитра: он не вмешивается в процесс разрешения сомнений в достоверности исследуемых доказательств и обязан гарантировать равенство сторон. В ходе слушаний запрещено помогать свидетелям советом, возможны лишь возражения по поводу уместности того или иного вопроса, задаваемого свидетелю. Обычно свидетель выступает в процессе лично, что обеспечивает возможность его перекрестного допроса сторонами.⁸⁹

Принципы *американского уголовного процесса* в основном сводятся к конституционно-правовым положениям, охватываемым понятием «должная правовая процедура», которое мы уже раскрывали применительно к стратегии защиты прав и свобод. В основе этого понятия лежит идея справедливого уголовного процесса, обеспечение которого рассматривается в качестве важного и неотъемлемого элемента взаимоотношений между исполнительной властью и гражданами.⁹⁰ Реализация данной идеи непосредственно связана с правами обвиняемого на защиту от незаконных арестов и задержаний, обысков и изъятий, на гуманное обращение и наказание, надлежащий (быстрый, гласный, состязательный и равный для всех) суд с участием

⁸⁹ Общую характеристику английского уголовного процесса см. подробнее: *Comparative Criminal Procedure*. Р. 179-191; *Стойко Н. Г., Шагинян А. С.* Уголовный процесс Англии и Уэльса, Бельгии и Дании: сравнительно-правовой аспект. Красноярск, 1997. С. 5-7, 24-26; *Гуценко К. Ф., Головкин Л. В., Филимонов Б. А.* Уголовный процесс западных государств. С. 44-62.

⁹⁰ *Мур Д. Н.* Верховенство права: обзор // Верховенство права: Сборник. М, 1992. С. 30.

присяжных заседателей, презумпцию невиновности, на защиту от обвинения и недопустимость использования доказательств, полученных путем нарушения личных конституционных прав, которые управляют уголовным процессом.⁹¹

Защита от незаконных арестов предполагает, что арест подозреваемого может быть произведен офицером полиции при наличии ордера, предварительно запрашиваемого у прокурора, кроме определенных законом случаев (есть достаточные основания полагать, что ордер уже выдан; офицер присутствовал при совершении преступления либо он может обоснованно считать, что преступление было совершено и совершило его именно подозреваемое им лицо). Хотя теоретически (с точки зрения Конституции США и ее прецедентного толкования Верховным Судом США) выдача такого ордера является прерогативой суда (законодательством многих штатов это закреплено), практически вопрос решается прокурором. Судебная же процедура — всего лишь формальность, преследующая цель учета произведенных арестов.

Защита от незаконных задержаний по своему механизму близка защите от незаконных арестов. Она исходит из признания права полиции останавливать и опрашивать граждан, а также обыскивать их (предварительно), если имеются основания полагать, что эти граждане представляют общественную опасность.

Граждане, подвергаемые незаконному аресту или задержанию, вправе оказать сопротивление полиции. Незаконно арестованные лица могут рассчитывать на исключение (уничтожение) официальной записи об аресте, а законно арестованные — на освобождение под залог, размер которого не должен быть непомерно высоким для таких лиц.

Защита от незаконных обысков и изъятий (выемок) требует, чтобы эти действия производились при наличии либо законно выданного ордера, либо законного ареста, либо достаточных оснований, либо согласия обыскиваемого лица. Причем для суда, выдающего ордер, важно знать, высказывал ли гражданин свои возражения против вторжения в его частную жизнь, и могут ли данные возражения рассматриваться обществом как обоснованные.

⁹¹ Подробнее см.: Там же. С. 30-31; США: конституция и права граждан /Под ред. И. А. Геевского (отв. ред.), В. А. Власихина, С. А. Червонной. М., 1987. С. 136-137; и др.

Право на гуманное обращение и наказание направлено на защиту против пыток, унижений и иных форм бесчеловечного отношения к подозреваемым (обвиняемым), а также против назначения слишком строгого и жестокого наказания.

Право на надлежащий суд гарантирует каждому судебное разбирательство с участием присяжных, приравнивает задержку в осуществлении правосудия к отказу от него, предусматривает открытость всех судебных заседаний (за некоторыми исключениями, не распространяемыми на представителей прессы и граждан, чье присутствие было запрошено подсудимым), а также процессуальное равенство сторон в условиях состязательной процедуры (когда обвинение обязано представить доказательства вины подсудимого, а подсудимый может эффективно проверить силу и убедительность выдвинутых против него улик).

Право на презумпцию невиновности означает, что никто не может быть обвинен в преступлении, кроме как на основании представленных обвинением убедительных улик в суде соответствующей юрисдикции. Это право не исключает возможности отказа от судебного разбирательства путем признания вины, однако лишь в том случае, если такое признание было добровольным, обдуманное и с полным пониманием последствий. Кроме того, из презумпции невиновности вытекает возложение бремени доказывания на сторону обвинения (за исключением тех случаев, когда к уголовной ответственности привлекаются руководители корпораций за совершение преступлений, связанных с деятельностью этих корпораций).

Право на защиту складывается из ряда фундаментальных прав: на помощь адвоката, вызов свидетелей, информацию об обвинении, привилегию против самообвинения (молчание не является доказательством вины, если речь не идет о привлечении к уголовной ответственности юридических лиц), исправление судебной ошибки, исключение повторного осуждения за одно и то же преступление и др.

Недопустимость использования доказательств, полученных в результате нарушений личных конституционных прав, непосредственно связана с правом на защиту. Суды обязаны исключать все доказательства, собранные стороной обвинения с грубым нарушением закона, если только подобное нарушение не явилось следствием «технической ошибки» действовавших по «доброй воле» официальных лиц. Причем исключению должны подлежать и те доказательства,

которые, хотя и были собраны законно, но по результатам признанного незаконным действия (доктрина «фрукт отравленного дерева»).

Фундаментальными принципами *германского уголовного процесса* считаются: принцип обвинения, официальности, обязанности уголовного преследования, расследования, устности, непосредственности, гласности, свободной оценки доказательств и «быстрого» суда.

Принцип обвинения предполагает, что судебное разбирательство обусловлено наличием обвинения, должно осуществляться в рамках этого обвинения и не может быть инициировано судом самостоятельно.

Принцип официальности означает, что государство обладает исключительным правом на обвинение, которое осуществляется официально и независимо от желаний потерпевших.

Обязанность уголовного преследования подразумевает, что государство имеет монополию на обвинение. Органы государства должны произвести расследование, если существует подозрение в совершении преступления, и предъявить обвинение при обнаружении достаточно убедительных доказательств. Однако в определенных законом случаях уголовное преследование может быть прекращено.

Принцип расследования требует, чтобы не только полиция и прокуратура в ходе дознания, но и суд в ходе судебного разбирательства непосредственно устанавливал факты, не полагаясь исключительно на доводы и аргументы участников судебных слушаний. Суд обязан обнаружить истину, контролировать исследование доказательств и завершить процесс вне зависимости от воли его участников.

Принцип устности заключается в предоставлении всех доказательств в суде в устной форме с тем, чтобы все участники судебных слушаний были с ними ознакомлены и могли отреагировать на них.

Принцип непосредственности указывает на необходимость личного исследования всех доказательств судьей. Показания свидетелей, данные ими на стадии дознания и содержащиеся в материалах дела, не могут приниматься в расчет.

Принцип гласности касается судебного разбирательства, которое должно быть проведено в открытом суде. Однако из этого принципа есть исключения (запрет на радиотрансляции, на разглашение данных о личности подсудимого и т. п.).

⁹² Подробнее об этих и других принципах уголовного процесса США, связанных с защитой личных прав и свобод, см.: *США: конституция и права граждан*. С. 148-201; *Стойко Н. Г., Никитин Г. А.* Уголовный процесс в США: Защита личных прав и свобод: Учебное пособие. СПб., 2006. С. 33-97.

Принцип свободной оценки доказательств — одна из главных характеристик германского уголовного процесса. В соответствии с ним судья не связан в своей оценке какими-либо формальными юридическими правилами или рекомендациями. Закон не ставит перед ним каких-либо условий, которые следует выполнить прежде, чем судья придет к убеждению в доказанности факта уголовного правонарушения. В то же время судья не может действовать произвольно, свое мнение он должен основывать только на тех фактах, которые считает доказанными с точки зрения логики, научного знания и сложившейся практики. Кроме того, в некоторых случаях он должен руководствоваться и законом (например, не может допрашивать тех, кто обязан хранить молчание).

Принцип «быстрого» суда требует быстрого проведения судебных разбирательств. Поскольку конкретных сроков для судебных слушаний не установлено, судьи должны исходить из «разумного срока», определяемого обстоятельствами каждого конкретного дела, вести разбирательство по возможности непрерывно, а при вынесении приговора учитывать любую экстраординарную задержку.⁴³

К принципам *французского уголовного процесса* относят следующие: принцип официальности, обвинения по усмотрению, законности, равенства, обеспечения достоинства личности, защиты потерпевшего, безотлагательности судебного разбирательства, презумпции невиновности, гласности, устности и состязательности судебного разбирательства, свободной оценки доказательств и контроля.

Официальность означает, что обвинение является прерогативой государства, органы которого обладают исключительным правом инициирования уголовного судопроизводства. Правда, потерпевший, если органы обвинения будут бездействовать, может заявить перед уголовным судом гражданский иск. В этом случае государство будет вынуждено «запустить» механизм уголовного преследования.

Обвинение по усмотрению предполагает полную свободу действий органов прокуратуры в решении вопроса о возбуждении уголовного преследования. Причем решение отказаться от обвинения обжалованию не подлежит. Только вышестоящий прокурор вправе пересмотреть его. Иначе говоря, обвинение не обязательно. Однако если оно было возбуждено перед судом, то отзыву не подлежит.

⁹³ См. подробнее о принципах уголовного процесса Германии: *Бойльке В.* Уголовно-процессуальное право ФРГ. Красноярск, 2004. С. 33-42.

Принцип законности запрещает выдвигать обвинения и назначать наказания, не основанные на законе. Данное положение рассматривается как важная гарантия против произвола.

Принцип равенства понимается как равенство перед законом и судом всех правонарушителей, т. е. с ними нужно обращаться одинаково (исключение — несовершеннолетние правонарушители, в отношении которых делается упор на реабилитацию).

Обеспечение достоинства личности — принцип, направленный на защиту личности от пыток, другого бесчеловечного и унижающего обращения. Такое обращение находится под уголовно-правовым запретом и в случае его допущения в уголовном процессе приводит к аннулированию полученных в его результате доказательств.

Защита потерпевшего как принцип уголовного процесса придает важное значение участию жертвы преступления в деле. Хотя потерпевшему отводится роль только гражданской стороны, практически он может инициировать уголовное преследование и отстаивать свои интересы наравне с обвиняемым (лицом, привлеченным к рассмотрению).

Принцип безотлагательности судебного разбирательства требует обеспечить доступ к правосудию всех обвиняемых без неоправданных промедлений. Это требование обращено прежде всего к следственному судье, чья деятельность по предварительному следствию не ограничена конкретными временными рамками (т. е. волокита недопустима и срок следствия должен быть разумным, учитывающим конкретную ситуацию).

Презумпция невиновности является неотъемлемой частью французского уголовного судопроизводства. Ее суть состоит в том, что основное бремя доказывания лежит на органах обвинения, необоснованность обвинения влечет вынесение оправдательного приговора и все сомнения толкуются в пользу защиты. В некоторых случаях обязанность доказывания невиновности может быть возложена на обвиняемого (например, при обвинении в незаконной парковке автомобиля).

Гласность, устность и состязательность относятся к принципам судебного разбирательства. Гласность указывает на открытость суда для населения и свободу информирования о результатах судебных процессов (может быть ограничена в интересах безопасности, морали и порядка). Устность — на необходимость использования в доказывании, главным образом, устных выступлений свидетелей.

Состязательность — на право обвиняемого быть представленным в судебном разбирательстве и принимать участие в исследовании доказательств.

Принцип свободной оценки доказательств выражается в отсутствии формальных правил об исключении из числа доказательств, в приоритете для французских судей «весомости», «ценности» доказательств над их допустимостью, в использовании внутреннего убеждения как единственного критерия истинности итоговых выводов по делу.

Принцип контроля касается пересмотра судебных решений в апелляционном порядке и решений следственного судьи в порядке разбирательства в следственной камере. Данный принцип направлен на обеспечение независимости и объективности судебного разбирательства путем иерархического и функционального разделения судебных органов на: следственных судей, осуществляющих предварительное следствие; следственные камеры, осуществляющие контроль над следственными судьями; суды, рассматривающие дела по существу; суды, пересматривающие уголовные дела.⁹⁴

В *российском уголовном процессе* в число принципов уголовного процесса включают: законность, публичность (официальность) производства по уголовному делу, осуществление правосудия только судом, уважение чести и достоинства личности, неприкосновенность личности, охрану прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве, неприкосновенность жилища, тайну переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, всесторонность, полноту и объективность исследования обстоятельств уголовного дела, презумпцию невиновности, состязательность сторон, обеспечение обвиняемому права на защиту, свободу оценки доказательств, язык судопроизводства, право на обжалование процессуальных действий и решений (ст. 7-19 УПК РФ).

Принцип законности означает необходимость строгого соблюдения требований УПК РФ при совершении всех процессуальных действий и принятии всех процессуальных решений, а также недопустимость использования доказательств, полученных в нарушение этих требований.

Публичность (официальность) производства по уголовному делу подразумевает его официальный, публично-правовой характер

⁹⁴ О принципах французского уголовного процесса см.: *Comparative Criminal Procedure*. Р. 22-30; и др.

и выражается в обязанности органов предварительного расследования, прокуратуры и суда принять все необходимые меры для защиты охраняемых законом прав и интересов.

Принцип осуществления правосудия только судом указывает на право граждан иметь доступ и быть судимыми только законным судом и только в рамках законной, справедливой процедуры.

Принцип уважения чести и достоинства предполагает запрет на такие действия и решения, которые унижают честь участников процесса, умаляют их достоинство, создают опасность для их жизни и здоровья, а также запрет насилия, пыток и иного жестокого или унижающего обращения.

Принцип неприкосновенности личности охраняет право граждан на личную свободу, дает гарантии от произвольного, не имеющего законных оснований задержания, заключения под стражу, помещения в медицинский или психиатрический стационар.

Принцип охраны прав и свобод человека и гражданина требует обеспечивать всем участникам уголовного процесса возможность осуществления своих прав, защищает лиц, обладающих свидетельским иммунитетом, а также гарантирует им (и их близким) принятие мер безопасности (в случае угрозы жизни, здоровью, имуществу и т. п.) и возмещение вреда, причиненного в результате нарушения их прав и свобод в ходе судопроизводства.

Принцип неприкосновенности жилища предоставляет судебную защиту от незаконного и необоснованного проникновения в жилище в целях проведения следственных действий.

Принцип тайны переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений защищает от незаконных ограничений этой важной сферы частной жизни.

Принцип всесторонности, полноты и объективности требует, чтобы по каждому уголовному делу были беспристрастно установлены все необходимые обстоятельства, как уличающие обвиняемого, так и оправдывающие его, как смягчающие его ответственность, так и отягчающие ее.

Презумпция невиновности предполагает недопустимость отождествления обвиняемого с преступником, возлагает бремя доказывания обвинения и опровержение доводов защиты на органы уголовного преследования, освобождает обвиняемого от обязанности доказывать свою невиновность, требует все неразрешимые сомнения толковать в его пользу и не запрещает основывать обвинительный приговор на предположениях.

Принцип состязательности сторон провозглашает недопустимость возложения на один и тот же орган или одно и то же лицо функций обвинения, защиты и разрешения уголовного дела, равенство стороны защиты и стороны обвинения перед судом, а также его объективность и нейтральность по отношению к ним.

Принцип обеспечения обвиняемого (подозреваемого) правом на защиту требует создания обвиняемому условий для эффективной защиты, в том числе путем предоставления услуг адвоката бесплатно в установленных законом случаях.

Свобода оценки доказательств ограничивает усмотрение суда, прокуратуры и органов предварительного расследования требованием исходить только из совокупности собранных доказательств и руководствоваться при этом законом и совестью.

Принцип национального языка судопроизводства означает, что уголовный процесс ведется на русском языке, а также языках республик — субъектов РФ. Он гарантирует каждому участнику, не владеющему или плохо владеющему языком судопроизводства, право использовать родной язык, пользоваться услугами переводчика и получать положенные ему по закону документы или копии на понятном ему языке.

Право на обжалование процессуальных действий и решений провозглашает свободу обжалования действий (бездействия) и решений суда, прокурора, следователя, органа дознания и дознавателя в установленном законом порядке, в том числе и право осужденного на пересмотр приговора.⁹⁵

Приведенный краткий обзор показывает, что принципы уголовного процесса сравниваемых стран так же близки, как и цели. В ценностном отношении они дополняют цели, являясь высшим актом легитимации уголовного процесса, поэтому, как и цели, они непосредственно корреспондируют соответствующим стратегиям. Причем обращает на себя внимание то, что подавляющее большинство принципов относится к стратегии защиты прав и свобод обвиняемого. Особенно ярко это проявляется применительно к США, Англии и Уэльсу, где речь почти исключительно идет о защите личных прав

⁹⁵ Все перечисленные принципы российского уголовного процесса, за исключением публичности судопроизводства и всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела, закреплены в законе (гл. 2 УПК РФ). Их характеристику см., напр.: *Уголовно-процессуальное право Российской Федерации*: Учебник/ Отв. ред. П. А. Лупинская. М., 2003. С. 177-216.

и свобод. Другие стратегии выражены в принципах значительно меньше. Так, стратегии уголовного преследования соответствует германский принцип обязанности уголовного преследования, французский принцип официальности и российский принцип публичности. Стратегии социальной поддержки обвиняемого — в какой-то мере французский принцип обвинения по усмотрению. Стратегии социальной поддержки потерпевших — французский принцип защиты потерпевших. Стратегии рациональности и эффективности — американский принцип рассмотрения дела в разумный срок, немецкий принцип «быстрого» суда, французский принцип безотлагательности судебного разбирательства. Стратегии примирения прямо не корреспондирует ни один из перечисленных принципов. Впрочем, сказанное не означает, что вообще не существует таких положений, которые бы могли претендовать на роль принципов. Они, несомненно, есть и заданы на уровне конкретных правовых положений. Возводить же или не возводить то или иное положение в ранг принципа — дело законодателя и ученых.

Кроме того, в отличие от целей, отражающих ценность того, ради чего осуществляется уголовное судопроизводство, принципы могут определять ценность способа, которым эти цели достигаются. В этом смысле принципы указывают не только на общую ценностную основу (законный суд, презумпция невиновности, гласность и т. п.), но и на различия (например, принцип расследования и противоборство сторон).

С учетом сказанного подробный анализ принципов не представляется необходимым, так как это либо будет означать возврат к вопросу о целях и способах их достижения, либо потребует обращения к механизму их реализации, который нельзя рассматривать вне процесса функционирования. Поэтому ограничимся приведенным обзором и перейдем к вопросу о функциях.

ФУНКЦИИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА ЗАПАДНЫХ ГОСУДАРСТВ И РОССИИ В СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОМ КОНТЕКСТЕ

Вопрос о функциях уголовного процесса фактически (содержательно, а не понятийно) сводится к тому, что делают те или иные его участники, т. е. это вопрос о правовых возможностях, которыми они наделяются, и правовых отношениях, в которые они вступают для достижения своих целей. Таким путем (функционально) производится коллективное распределение общих уголовно-процессуальных целей, не значимое на уголовно-политическом (стратегическом) уровне, но приобретающее принципиальный характер (практически необходимое и неизбежное) на уровне национально-правовом.

Выше мы уже определяли, что такое функции, и указывали на необходимость их выделения в уголовном процессе: с их помощью можно показать, каким образом обеспечивается реализация целей процесса. Рассмотрим теперь более конкретно соответствующие функции с учетом национальной специфики, имея в виду, кто их осуществляет, кому он подотчетен и какими возможностями располагает.

В *Англии и Уэльсе* к числу основных участников уголовного судопроизводства относятся органы полиции, Королевская служба уголовного преследования, суды (судьи, магистраты и присяжные), адвокатура (барристеры и солиситоры), обвиняемые (ответчики) и потерпевшие от преступлений; в *США* — полиция, атторнейская служба (прокуратура), суды (судьи и присяжные), адвокатура (юристы), обвиняемые и потерпевшие; в *Германии* — суды (судьи и шеффены), органы расследования (полиция и прокуратура), защитники (адвокаты), обвиняемые и потерпевшие; во *Франции* — органы судебной полиции (национальная полиция и национальная жандармерия) и прокуратуры, органы предварительного следствия (следственные судьи и следственные камеры) и суда, защитники (адвокаты), обвиняемые (лица, привлекаемые к рассмотрению) и потерпевшие;

в России — органы дознания и предварительного следствия, прокуратуры и суда, защитники, обвиняемые (подозреваемые), потерпевшие.¹

Прежде чем перейти к характеристике процессуального положения перечисленных органов и лиц, отметим несколько общих положений.

Во-первых, правовые возможности, которыми располагают названные участники уголовного судопроизводства, в целом относительно однородны (вне зависимости от того, кто ими пользуется). Это неудивительно. Дело в том, что преступность как социальное явление подчиняется общим закономерностям и проявляется (не может не проявляться) в типичных (в большинстве случаев) ситуациях совершения конкретных преступлений, которые в свою очередь вызывают типичные изменения в окружающем мире. Следовательно, возникновение сходного реагирования (уголовно-правового и уголовно-процессуального) на такие проявления вообще, сходных способов такого реагирования и соответственно закрепление сходных правовых возможностей неизбежны. Действительно, трудно выявить какие-либо принципиальные отличия, например, в производстве допросов, обысков или арестов, — суть их одна. Трудно найти и какие-либо принципиальные расхождения и в последовательности использования тех или иных функций: например, за вынесением приговора (разрешением дела) следует обжалование. Разумеется, сказанное не отменяет наличия специфики, но она не столь значима в рассматриваемом контексте.

Во-вторых, все конкретные функции указанных участников так или иначе связаны с принятием процессуальных решений и сбором (исследованием) доказательств (проверкой и оценкой их с точки зрения как относимости, допустимости и достоверности, так и убедительности, способности обосновывать выводы), а значит, отражают (с учетом отмеченной выше однородности) общую логику движения уголовного дела² и доказывания по нему (получения информации, необходимой для принятия решений). Это относительно легко усматривается уже при простом перечислении стадий уголовного

¹ Приведенный перечень основных участников судопроизводства не является исчерпывающим. В ряде стран и другим участникам придается большое значение (например, службе пробации в США, Англии и Уэльсе), на что мы еще будем обращать внимание.

² Такая логика отражена, в частности, у Л. Бартона и К. Ф. Гуценко: *Barton L. G. The Structure of Criminal Procedure. Connecticut, 1987. P. 21-25; Гуценко К. Ф., Голловко Л. В., Филимонов Б. А. Уголовный процесс западных государств. С. 2-4.*

процесса (в той последовательности, в которой они осуществляются), хотя и не исключает, естественно, специфики в их наименованиях и количестве (что определяется как национальными традициями, так и научными предпочтениями авторов).

Английский процесс делится на досудебное и судебное производство. Досудебное производство складывается из двух этапов: деятельности полиции по собиранию доказательств и деятельности Королевской службы уголовных преследователей по возбуждению обвинения перед судом. Судебное производство состоит из трех этапов: предварительное судебное рассмотрение (магистратские суды), судебное разбирательство по существу (магистратские суды или суды короны), пересмотр судебных решений (апелляция).³

Уголовный процесс *США* принято делить на досудебное производство, осуществляемое полицией и атторнейской службой (сбор доказательств и обоснование обвинения), предварительное судебное рассмотрение уголовного дела, разрешение уголовного дела по существу в суде первой инстанции и пересмотр решений суда первой инстанции.⁴

К основным этапам *германского* уголовного процесса относятся: дознание (розыскные и следственные действия полиции и прокуратуры); решение вопроса об открытии судебного разбирательства (предание суду); судебное разбирательство; пересмотр приговоров в апелляционном и ревизионном порядках; исполнительное производство.⁵

Французский уголовный процесс осуществляется путем прохождения нескольких стадий: дознание, предварительное следствие (первой и второй инстанции), возбуждение уголовного преследования, судебное разбирательство, апелляционное производство и кассационное производство. Причем предварительное следствие предусмотрено только по делам о преступлениях (по делам о проступках и правонарушениях — нет)⁶ и лишь после прохождения стадии возбуждения уголовного преследования.⁷

³ Гуценко К. Ф., Головки Л. В., Филимонов Б. А. Уголовный процесс западных государств. С. 48-49.

⁴ Там же. С. 172.

⁵ Бойльке В. Уголовно-процессуальное право ФРГ. Красноярск, 2004. С. 26.

⁶ Во Франции все уголовные правонарушения делятся на преступления, проступки и правонарушения. Соответственно уголовный процесс также делится на три вида производства.

⁷ Гуценко К. Ф., Головки Л. В., Филимонов Б. А. Уголовный процесс западных государств. С. 297.

В уголовном процессе *России* выделяют стадии возбуждения уголовного дела и предварительного расследования, предания суду (подготовки к судебному заседанию), судебного разбирательства, апелляционного и кассационного производства, исполнения приговора, а также надзорного производства и возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств.⁸

Как видно, при всем различии производимых делений на отдельные стадии, в целом уголовный процесс всех рассматриваемых стран проходит через два этапа: досудебный и судебный.

В-третьих, в той или иной мере, все функции отражают (обслуживают) выделенные нами основные уголовно-процессуальные стратегии (способствуют или могут способствовать их реализации). Например, возможность использования мер принуждения (задержание, арест и т. п.) способствует реализации стратегии уголовного преследования; возможность осуществления действий, существенно ограничивающих права и свободы, только на основании судебного решения — стратегии защиты прав и свобод; возможность выбора упрощенной формы рассмотрения дела (заявление или сделка о признании вины — США, Англия и Уэльс, судебное решение об упрощении или ускорении производства — Германия, издание судом уголовного приказа — Франция, решение суда об особом порядке судебного разбирательства — Россия, и т. п.) — стратегии рациональности и эффективности; возможность (и обязанность для органов государства) установления характеризующих личность обвиняемого обстоятельств и их учет при решении вопросов о прекращении уголовного дела и назначении наказания — стратегии социальной поддержки обвиняемых; возможность потерпевшего участвовать в уголовном деле и влиять на его ход и результаты (обжалование судебных решений, ходатайства, заявления и т. п.) — стратегии социальной поддержки потерпевших; возможность прекращения уголовного дела в связи с разрешением конфликта между обвиняемым и потерпевшим (через посредничество, медиацию и т. п.) — стратегии примирения.

В целом подобная картина не вызывает удивления, поскольку общность целей не может не вызывать относительной функциональной

⁸ См., напр.: *Уголовный процесс России: Общая часть: Учебник для студентов юридических вузов и факультетов* / Под ред. В. З. Лукашевича. СПб., 2004. С. 18-21.

однородности. Однако ситуация существенным образом меняется, когда речь заходит об институциональной и процессуальной взаимозависимости участников судопроизводства, их общем правовом и процессуальном положении. Дело заключается в том, что данный вопрос касается одного из фундаментальных различий англо-американской и континентальной уголовно-процессуальных систем: одноранговость и иерархичность.

Как мы уже отмечали ранее, впервые это различие провел М. Дамаска.⁹ Впоследствии его взгляды были поддержаны другими учеными. В соответствии с их подходом одноранговость в англо-американском судопроизводстве проявляется в сосуществовании в нем целого ряда «взаимозависимых и, в то же время, независимых властных структур с небольшим количеством четко выраженных линий субординации, каждая из которых контролирует и ограничивает полномочия других».¹⁰ Напротив, иерархичность в континентальном судопроизводстве предполагает, что все властные структуры связаны «воедино центральной нитью государственной власти», их организация «носит пирамидальный характер» (включая судебную систему), а принимаемые ими решения не являются автономными за счет координации и централизации направленной на достижение общих целей деятельности.¹¹ Иначе говоря, сказанное означает наличие (преобладание) автономности и децентрализации в одном случае (англосаксонский тип), или зависимости и централизации — в другом.

Однако следует заметить, что такой подход исключает из анализа негосударственных участников процесса (кроме тех, кто исполняет судебские функции). Думается, это неверно хотя бы потому, что они являются реальными субъектами уголовного судопроизводства и их характеристика в равной степени необходима для оценки одноранговости или иерархичности той или иной системы.

Посмотрим, как обстоит дело в действительности применительно к досудебной и судебной фазам судопроизводства, особо обращая внимание на следующие моменты:

1) отношения внутри властных государственных структур (полиция, прокуратура, суд), между отдельными представителями и

⁹ См. § 1 гл. I, § 2 гл. II настоящей работы.

¹⁰ Йорг Н., Фильд С, Брантс К. Происходит ли сближение следственной и процессуальной систем? // Основные принципы современного уголовного права: Сборник текстов. Ч. 4. Предмет 2. Тилбург, 1998. С. 4.

¹¹ Там же.

между отдельными подразделениями или органами, относящимися к одной из этих структур, и внутри негосударственных структур (адвокатура);

2) отношения между властными государственными структурами в целом и между их представителями;

3) отношения между властными государственными структурами и негосударственными участниками процесса (юристы-адвокаты, потерпевшие, обвиняемые).

§ 1. Функции основных участников уголовного процесса западных государств и России в досудебном производстве

В досудебном производстве представлены все основные участники уголовного процесса, включая суд. Однако поскольку свое основное назначение суд осуществляет на следующем (собственно судебном) этапе производства по уголовному делу, в данном параграфе мы будем касаться только вопросов его взаимодействия с другими субъектами процесса и положения этих субъектов в рамках досудебного производства.

Полицейские органы всех сравниваемых стран в целом по своему общему правовому положению характеризуются заметным сходством. Это органы исполнительной власти, чья деятельность осуществляется в соответствии с командным принципом работы (разделение должностей на иерархические уровни и концентрация всей полноты власти на самом высоком из них) и требует четко выраженных отношений субординации (власти и подчинения) между служащими. Хотя в конкретных жизненных ситуациях полицейские нередко берут на себя ответственность за принятие и осуществление решений (например, при задержании подозреваемых), в целом они находятся в полном подчинении своего начальства, т. е. должны выполнять указания и приказы. Назначение на должность, привлечение к дисциплинарной ответственности также является прерогативой вышестоящего начальства. Правда, в отношении руководителей имеются определенные особенности. Наделение их статусом может происходить путем избрания населением, назначения государственными властями (по согласованию либо без согласования с местными властями) или местными властями.¹² Однако это не принципиально с точки зрения

¹² Исключением, пожалуй, являются офицеры судебной полиции Франции. Они приобретают свой процессуальный статус по решению специальной комиссии

внутренней субординации. Никаких одноранговых отношений здесь быть не может: такова природа любой полицейской деятельности.¹³

Органы прокуратуры рассматриваемых стран, как и полиция, также обладают четко выраженной внутренней субординацией. С точки зрения принципа разделения властей, их положение определяется не так однозначно, как положение полиции. Во Франции и Германии прокуратуру склонны считать квазисудебным органом, своего рода «рукой правосудия» или «помощником суда», не относящимся ни к исполнительной, ни к судебной власти.¹⁴ В России, хотя прокуратуру и относят к исполнительной власти, подчеркивают ее особый статус как органа, осуществляющего функцию надзора за другими исполнительными властными структурами и правоохранительную функцию.¹⁵ В Англии и Уэльсе и в США прокуратура (служба уголовных преследований и атторнейская служба) — это исполнительно-распорядительный орган.¹⁶ Однако как бы то ни было принцип подчинения нижестоящих прокуроров вышестоящим (по сути, аналог командного принципа работы полиции) является общим для всех. Вместе с тем в Англии и Уэльсе, а также во Франции его действие несколько ослаблено. Дело заключается в том, что английские уголовные преследователи (сотрудники Королевской службы уголовных преследований)¹⁷

или решению прокурора и в дисциплинарном отношении подконтрольны следственным камерам (судебный следственный орган второй инстанции; ст. 13 СРР).

¹³ О «силовой», «командной» природе деятельности полиции см., напр.: *Губанов А. В.* Полиция зарубежных стран. Организационно-правовые основы, стратегия и тактика деятельности. М., 1999. С. 63; *Криминология* / Под ред. Дж. Ф. Шели. М., 2003. С. 470.

¹⁴ См., напр.: *Бойльке В.* Уголовно-процессуальное право ФРГ. С. 67-68; *Criminal procedure systems in the European Community*. P. 141, 142; *Comparative Criminal Procedure*. P. 138; Рэнъяр К. Прокуратура и справедливый суд// Юридические и судебные практики: Репрессивная судебная система. Справедливый процесс. Гласность внешних прав на недвижимость: Сборник документов франко-российского сотрудничества. № 2. Ноябрь 1998. С. 287-289; *Гуценко К. Ф., Головкин Л. В., Филимонов Б. А.* Уголовный процесс западных государств. С. 309-310.

¹⁵ См., напр.: *Прокурорский надзор в Российской Федерации: Учебник* / Под ред. В. И. Рохлина. СПб., 2000. С. 244.

¹⁶ Представляется не совсем верным отнесение прокуратуры Франции и США к органам правосудия. См., напр.: *Додонов В. Н., Крутских В. Е.* Прокуратура в России и за рубежом. М., 2001. С. 5-6. — То обстоятельство, что о французских органах прокуратуры речь идет в разд. VIII Конституции Франции «О судебной власти», само по себе не означает их отождествление с судами. Функцию отправления правосудия они, бесспорно, не выполняют. Что касается США, то ст. III Конституции этой страны говорит о судебной власти применительно только к судам.

¹⁷ Эта служба в уголовном процессе исполняет процессуальные функции, близкие прокурорским органам других стран, хотя и не может рассматриваться в качестве их аналога в других отношениях. На это правильно обращают внимание В. Н. Додонов и В. Е. Крутских: *Додонов В. Н., Крутских В. Е.* Прокуратура в России и за рубежом. С. 7-8.

входят в адвокатское (юридическое) сословие, общее для всех юристов, а французские прокуроры — в магистратское сословие (наряду с судьями они входят в судейский корпус). Кроме того, вполне приемлемой и распространенной в Англии и Уэльсе является практика поддержания государственного обвинения в высших судах частными адвокатами-барристерами, которые инструктируются Королевской службой преследования, но в ее штате не состоят.¹⁸ Следовательно, субординационные связи внутри данной службы в определенной степени (по крайней мере на неформальном уровне) сочетаются с одноранговыми отношениями, но, разумеется, не исключаются. Аналогично во Франции: французские прокуроры, как и судьи, назначаются на должность главой государства (Президентом Республики) и обладают правом перехода в категорию судей. Конечно, это не может не влиять на их внутреннюю независимость, хотя они и не имеют соответствующих судейских гарантий.¹⁹

Что касается адвокатов, то они являются автономными как в рамках своего сообщества, так и в процессуальном смысле. Отношения, возникающие между ними в рамках соответствующих самоуправляемых организаций, непосредственного процессуального значения не имеют. Это ясно, поскольку данные организации никак не представлены и не могут быть представлены в качестве самостоятельных субъектов уголовно-процессуальных отношений (подобно полиции, прокуратуре и суду). Все их действия и решения сугубо индивидуальны и зависят исключительно от интересов, которые они представляют, и правовой позиции, которую они занимают по конкретному уголовному делу.

Итак, отношения внутри полицейских органов всех сравниваемых стран являются типично иерархическими (в силу авторитарной природы их деятельности и невозможности ее осуществления демократическими методами), вертикально интегрированными по принципу подчинения нижестоящих сотрудников вышестоящим. Такими же являются и отношения внутри органов прокуратуры (с незначительными проявлениями одноранговости на неформальном уровне во Франции, Англии и Уэльсе). Отношения внутри адвокатских сообществ процессуального значения не имеют, хотя и могут быть охарактеризованы как одноранговые.

¹⁸ См. об этом: *Comparative Criminal Procedure*. P. 182.

¹⁹ См., напр.: Рэньяр К. Прокуратура и справедливый суд. С. 111-115; Гуценко К. Ф., Головкин Л. В., Филимонов Б. А. Уголовный процесс западных государств. С. 309-310; и др.

Казалось бы, доминирование субординационных связей в полицейских органах с неизбежностью влечет за собой и построение всей полицейской системы как иерархии. Но это не совсем так, поскольку в большинстве случаев современные страны располагают не одним, а несколькими полицейскими формированиями, организационно обособленными друг от друга. В одних случаях это связано с так называемой муниципализацией, когда местные органы власти берут на себя или частично разделяют ответственность за организацию и деятельность полиции;²⁰ в других — с особенностями федеративного устройства страны (федерализация); в третьих — со специализацией, причем все три варианта могут сочетаться.

Наиболее ярко муниципализация полиции выражена в *Англии и Уэльсе*, где формально общенациональной полиции не существует. Страна разделена на 43 полицейских региона, в каждом из которых есть свой автономный полицейский орган, возглавляемый старшим констеблем (большинство полицейских — констебли; разд. 1, Приложение 1 Закона о полиции 1996 г.). Задача этих органов — поддержание «эффективных сил полиции в данном регионе» (разд. 6 Закона о полиции 1996 г.). По сути, это региональные органы, не образующие вертикально интегрированную систему. Естественно, что отношения между ними строятся на началах координации, а не субординации. В этом смысле английская система полицейских органов является одноранговой. Практически это означает, что местные администрации (графств, городов и т. п.) несут политическую ответственность за деятельность полицейского формирования, действующего на их территории, перед населением. Хотя такое формирование и является единым в пределах полицейского региона, местные власти обладают достаточным влиянием, организационными и финансовыми возможностями для того, чтобы учитывать потребности своих избирателей.²¹ Вместе с тем нужно учитывать, что общее руководство и ответственность за работу английской полиции в целом возложены на Министерство внутренних дел, которое располагает собственным аппаратом, способным координировать и в определенной мере контролировать (через дачу согласия на занятие должностей

²⁰ О понятии «муниципальная полиция» и особенностях ее организационной модели в Англии и Уэльсе см.: *Губанов А. В.* Полиция зарубежных стран. С. 71, 72–73.

²¹ Исключение составляет Лондон, полиция которого не подотчетна местному населению и власти и управляется непосредственно МВД.

глав полицейских органов, подготовку кадров, инспектирование, информирование, издание директив и т. п.) полицейскую деятельность.²² В результате этого возникает такая «система взаимоотношений, в которой уравниваются полиция, закон и влияние центральных и местных властей, а также права граждан».²³ Тем самым, обеспечивается интеграция автономных полицейских сил, необходимая для решения общенациональных задач в области борьбы с преступностью. Именно поэтому было бы преувеличением считать, что английские региональные полицейские органы, будучи организационно независимыми, не образуют единой системы. Связанные общими законами (Закон о полиции и доказательствах по уголовным делам 1984 г., Закон об уголовном судопроизводстве и общественном порядке 1994 г., Закон об уголовном процессе и расследованиях 1996 г. и др.) и правилами (Своды практических правил — *Codes of Practice*),²⁴ имеющие общий координационный центр, они фактически функционально кооперированы между собой.

Поскольку Англия и Уэльс — государствообразующая часть унитарного Соединенного Королевства, о какой-либо федерализации говорить не приходится.²⁵ Что же касается специализированных полицейских органов, то они существуют (например, Бюро по расследованию крупных мошенничеств — Закон об уголовном судопроизводстве 1987 г.), однако решающего значения для характеристики полицейской системы не имеют.

Иначе говоря, английская полицейская система представляет совокупность автономных муниципальных полицейских органов, построенных на началах иерархии и интегрированных между собой посредством координации и функциональной кооперации.

²² Об английской полиции см. подробнее: *Лубенский А. И.* Предварительное расследование по законодательству капиталистических государств. М., 1977. С. 41-42; *Criminal procedure systems in the European Community / By Van den C Wyngaert.* London, 1993. P. 75-76; *Гуценко К. Ф., Головки Л. В., Филимонов Б. А.* Уголовный процесс западных государств. С. 64-65; *Стойко Н. Г., Шагинян А. С.* Уголовный процесс Англии и Уэльса, Бельгии и Дании: сравнительно-правовой аспект. С. 8-9; *Губанов А. В.* Полиция зарубежных стран. С. 72-73, 86.

²³ *Кален Р.* Полиция в демократическом обществе: сфера деятельности и гражданский контроль // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД. 1999. № 1. С. 141.

²⁴ Характеристику этих законов и правил см. подробнее: *Гуценко К. Ф., Головки Л. В., Филимонов Б. А.* Уголовный процесс западных государств. С. 51-54.

²⁵ Об особенностях государственного устройства Соединенного Королевства см., напр.: *Конституции зарубежных государств:* Великобритания, Франция, Германия, Италия, Европейский союз, Соединенные Штаты Америки, Япония, Индия: Учебное пособие / [Сост. сб., пер., авт. введ. и вступ. ст. В. В. Маклаков]. М., 2006. С. 3-18.

Более сложно согласование действий полицейских сил в США. Дело заключается в том, что американская полиция создавалась без участия федерального центра снизу, местным населением и властями отдельных административно-территориальных образований и штатов, т. е. изначально была муниципализирована и регионализирована. Отсюда ее фрагментарность и децентрализованность, которую не удалось преодолеть по настоящее время, чему в немалой степени способствует дуализм американской правовой системы (параллельное существование правовой системы штатов и федерации).²⁶ Иначе говоря, полицейские формирования не имеют единого координационного центра, как в Англии и Уэльсе, и представляют своего рода конгломерат многочисленных органов, служб и подразделений, существующих на трех уровнях: муниципальном, штатов и федеральном.²⁷ Они автономны друг от друга и действуют в пределах своей компетенции. Их связывают только отношения межведомственной координации (обмен информацией, передача дел и т. п.), причем даже на федеральном уровне нельзя говорить о единстве в силу разной подчиненности полицейских сил, специализирующихся на расследовании различных категорий уголовных дел. Например, Федеральное

²⁶ Практически общепризнанно, что характерный для американской правовой системы дуализм (существование федерального права наряду с правом штатов) привел к ситуации, когда одновременно действуют более 50 систем правоохранительных органов, относительно автономных по отношению друг к другу. Это объясняется указанными выше историческими причинами, в силу которых американский федерализм не касался многих внутренних дел штатов. Однако постепенно ситуация менялась в сторону усиления федерального влияния, что, в конечном счете, привело к созданию разветвленной федеральной системы правоохранительных органов наряду с аналогичными системами штатов, автономными от федерального центра, а также правоохранительными органами, созданными отдельными муниципальными образованиями, автономными от правоохранительной системы штата. См. об этом подробнее: *Карлен Д.* Американские суды: Система и персонал: Организация правосудия в США. М., 1972. С. 15-20; *Мишин А. А., Власихин В. А.* Конституция США: Политико-правовой комментарий. М., 1985. С. 278-281; *Боботов С. В., Жигачев И. Ю.* Введение в правовую систему США. М., 1997. С. 23-30, 40-44; *Филиппов С. В.* Судебная система США. М., 1980. С. 12-43; *Судебная система России: Учебное пособие.* М., 2001. С. 269; *Гуценко К. Ф., Головкин Л. В., Филимонов Б. А.* Уголовный процесс западных государств. С. 187-188.

²⁷ Всего существует порядка 20 тыс. различных полицейских и иных организаций, деятельность которых связана с раскрытием преступлений. Их общую характеристику см. подробнее: *Лубенский А. И.* Предварительное расследование по законодательству капиталистических государств. С. 32-34; *Николайчик В. М.* Уголовный процесс США. М., 1981. С. 8-17; *Стойко Н. Г., Семухина О. Б.* Уголовный процесс в США. С. 38-41; *Губанов А. В.* Полиция зарубежных стран. С. 66-68; *Гуценко К. Ф., Головкин Л. В., Филимонов Б. А.* Уголовный процесс западных государств. С. 197-199. — См. также: *Абадинский Г.* Организованная преступность. М., 2002. С. 554-567.

бюро расследований находится в ведении Министерства юстиции США, Таможенное бюро — в ведении Казначейства США. Естественно, что это порождает сложности и отражается на качестве работы. Вместе с тем нельзя не отметить, что крупные федеральные полицейские органы распространяют свою юрисдикцию на территорию каждого штата (равно как и полицейские органы штатов — на территорию муниципалитетов). Так, ФБР — ведущий полицейский орган федерального уровня — централизован в масштабах всего государства. Его возглавляет назначаемый Президентом США Директор, в распоряжении и подчинении которого находится центральный аппарат и более 400 агентств на местах.²⁸ Данное обстоятельство (наряду с введением общих стандартов, углубленной специализацией и внедрением современных технических средств связи) позволяет осуществлять более тесное сотрудничество между полицейскими различных уровней, но не может устранить трудностей и проблем координационного плана (периодически обостряющихся по причине роста преступности или усиления террористической опасности, например, после событий 11 сентября 2001 г.).²⁹ Тем не менее, по мнению ведущих американских ученых, «перспектива единого управления всех местных отделений (полиции. — Н. С.) становится более вероятной».³⁰ Сказанное означает, что полицейская система США — это трехуровневая система иерархически организованных автономных органов, координация деятельности которых осуществляется на межведомственной основе (на уровне муниципалитетов и штатов — правительствами штатов, на федеральном уровне (и в целом) — правительством США).

В отличие от США, Англии и Уэльса *Германия* обладает единой централизованной национальной уголовной полицией, которая находится в сфере ответственности МВД. Эта строго иерархическая система организована на федеральном и земельном уровнях, причем в силу Основного закона Германии (ст. 30, 70 GG)³¹ вопросы организации

²⁸ О ФБР см. подробнее: *Гилсен В. М.* Федеральное бюро расследований США. Ч. II. М., 1979; *Дайчман И.* ФБР — империя неприкосновенных. М, 2004; и др.

²⁹ Подробнее об этих и других проблемах американской полиции см.: *Криמיнология* / Под ред. Дж. Ф. Шели. С. 460-466, 470-472.

³⁰ Там же. С. 501.

³¹ Используемые здесь и далее обозначения законов Германии на немецком языке являются общеупотребимыми и приводятся по: *Бойльке В.* Уголовно-процессуальное право ФРГ Красноярск, 2004.

уголовной полиции относятся к ведению земель, в то время как федерация имеет в данном отношении ограниченную компетенцию.³²

На федеральном уровне существуют два уголовно-полицейских ведомства: Федеральное управление уголовной полиции и Федеральное ведомство по охране Конституции. Первое из них расследует ограниченную категорию уголовных дел, имеющих общегосударственное значение (изготовление фальшивых денег, терроризм, международная организованная преступность и т. п.), а также осуществляет розыскные и следственные действия по линии Интерпола (является национальным Центральным бюро Интерпола). Однако основная роль данного органа — сбор и анализ информации о преступлениях и проведение технико-криминалистических экспертиз по запросам органов прокуратуры и уголовной полиции земель. Второе из названных ведомств не занимается расследованием преступлений вообще, оно лишь уполномочено собирать и оценивать соответствующие данные и информировать об обнаруженных преступлениях против конституционного строя Федеральное управление уголовной полиции или органы уголовной полиции земель.

На уровне земель также существуют управления уголовной полиции. Они подчиняются Федеральному управлению уголовной полиции, которое координирует их деятельность, оказывает организационную, информационную и методическую поддержку.

В административных единицах земель уголовная полиция действует как отделение общих полицейских органов: полицейских президиумов (крупные города) и полицейских дирекций (малые города, сельские районы и деревни).³³

Иначе говоря, уголовно-полицейская система в Германии управляется из единого центра и не включает в себя автономных (как в США, Англии и Уэльсе) региональных или муниципальных органов. Влияние земель и муниципалитетов носит ограниченный характер и не оказывает значимого децентрализирующего воздействия. Специализация осуществляется внутри системы.

³² Это связано с так называемым кооперативным федерализмом германского государства, предполагающим разграничение предметов ведения между федеральным центром и землями. О кооперативном федерализме в Германии см., напр.: Судебная система России. С. 277-278.

³³ Лубенский А. И. Предварительное расследование по законодательству капиталистических государств. С. 32-34; Жалинский А, Рёрихт А. Введение в немецкое право. С. 717; *Criminal procedure systems in the European Community*. P. 140-141.

Судебная полиция во *Франции* (полиция и жандармерия) осуществляет производство дознания по уголовным делам.³⁴

Полиция организована на двух относительно автономных в организационном аспекте уровнях: национальном и муниципальном. Первый уровень относится к компетенции Министерства внутренних дел, второй — муниципалитетов. На национальном уровне также существуют автономные структуры: полиция Парижа и полиция остальной части страны (национальная полиция в узком смысле слова). Каждая из них построена по принципу иерархии и подчинена министерству внутренних дел. Кроме того, национальная полиция имеет свое внутреннее деление на ряд специализированных подразделений (городская полиция, судебная полиция, служба разведки, служба государственной безопасности, воздушная и пограничная полиция и др.).

Национальная жандармерия находится в ведении Министерства обороны и является военизированным формированием. Она состоит из территориальных (департаментская жандармерия) и специализированных подразделений (мобильная, воздушная, морская жандармерия и др.), действующих вне территориальных рамок.

В силу того что полиция *Франции* управляется из одного центра (находится в подчинении), а национальная жандармерия является вспомогательным (в уголовно-процессуальном отношении) для судебной полиции органом, французскую полицейскую систему нельзя считать децентрализованной (подобно английской или американской). Федерализация отсутствует по причине унитарного устройства государства, а муниципализация значима только с точки зрения организации и гражданского контроля, так как основная масса уголовных дел расследуется национальной полицией. Специализация, подобно Германии, носит внутренний характер, т. е. в целом французская полицейская система является единой иерархической структурой.

В *России* к полицейским органам относятся органы дознания и предварительного следствия (близкие по содержанию их деятельности органам полиции рассматриваемых стран).³⁵ Существуют четыре

³⁴ Термин «судебная полиция» в данном контексте указывает на функциональные полномочия, связанные с осуществлением дознания, а не на принадлежность к конкретному государственному органу или подразделению.

³⁵ Возможность отождествления российских органов дознания с полицейскими органами в целом не вызывает сомнений, если их рассматривать как ведомства, исполняющие процессуальные и оперативно-розыскные функции. При том же условии вполне оправданно сказанное и в отношении следственных органов.

органа следствия, которые действуют в составе МВД, прокуратуры, ФСБ и Госнаркоконтроля. Они автономны и согласуют свою деятельность на началах межведомственной координации и кооперации. Каждый из указанных органов централизован в масштабах всего государства и соподчинен единой системе на уровне Федерации. Подобно органам следствия, органы дознания действуют в составе определенных ведомств или служб. К ним относятся органы внутренних дел, пограничные органы ФСБ, органы по контролю за незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, судебные приставы, органы противопожарной службы, а также командиры воинских частей, соединений, начальники военных учреждений и гарнизонов. Иначе говоря, определенная децентрализация существует. Однако она не связана с явлениями муниципализации или регионализации (как в США, Англии и Уэльсе), поскольку у каждого из перечисленных органов есть свой федеральный центр. Местные власти (на уровне субъектов федерации и органов местного самоуправления) обладают определенным влиянием (в особенности, на систему МВД), но оно не имеет решающего значения. Практически это означает, что в России действуют несколько иерархически организованных федеральных систем полицейских органов, специализирующихся на расследовании различных категорий уголовных дел.³⁶

Таким образом, типично одноранговой одноуровневой системой полицейских органов можно назвать английскую полицию (муниципальный уровень), одноранговой трехуровневой — американскую полицию (муниципальный уровень, уровень штатов и федерации). Типично иерархическими системами являются немецкая (федеральный уровень) и французская полиция (главным образом, общегосударственный уровень). Российская полиция в данном контексте относится к одноранговой одноуровневой системе иерархически организованных органов (федеральный уровень).

Органы прокуратуры всех рассматриваемых стран, за исключением США и Германии, представляют собой единые, централизованные в масштабах государства системы.

Что же касается следственных органов прокуратуры, где нет оперативных подразделений, то они в силу своего прокурорского статуса не могут считаться полицейскими органами (аналогично следственным судьям во Франции). Однако поскольку правовое регулирование у всех органов следствия в России является единым, удобно рассматривать их вместе.

³⁶ См., напр.: *Коряковцев В. В.* Правоохранительные органы РФ: Учебное пособие. СПб., 2005. С. 214-221; и др.

Английская Королевская служба уголовных преследований (создана по Закону о преследовании правонарушений 1985 г.) несет ответственность за преследование от имени государства лиц, совершивших преступления. Ее возглавляет директор публичных преследований, который подотчетен парламенту и генеральному атторнею. Всего существуют 42 региональных органа обвинения, руководимых главными королевскими преследователями. В их составе работают королевские преследователи, назначаемые на должность директором публичных преследований.³⁷ Иначе говоря, Королевская служба преследований является централизованной в масштабах государства организацией, обладающей четко выраженной иерархией.

Полномочиями органов уголовного преследования в Англии и Уэльсе обладают и другие правоохранительные (правительственные) учреждения (например, Бюро по расследованию крупных мошенничеств — Закон об уголовном судопроизводстве 1987 г.), причем они осуществляют полицейские функции и функции уголовного преследования одновременно, что считается одним из парадоксов современной английской системы судопроизводства, которая предполагает необходимость разделения этих функций.³⁸ Однако в силу доминирования службы королевских преследователей это не имеет принципиального значения.

Прокуратура (атторнейская служба) в США, подобно полиции, существует на трех уровнях. На федеральном уровне речь идет о возглавляемом генеральным атторнеем Департаменте юстиции США (центральный аппарат, состоящий из нескольких подразделений) и подчиненных ему окружных прокурорах (атторнеях), назначаемых в каждый судебный округ (всего 94); на уровне штатов — об аналогичном аппарате генеральных атторнеев штатов (как правило), которые имеют своих помощников на местах; на муниципальном (местном) уровне — о прокурорах и следователях (детективах), подконтрольных местным органам власти.³⁹

³⁷ Гуценко К. Ф., Головкин Л. В., Филимонов Б. А. Уголовный процесс западных государств. С. 65-70; Стойко Н. Г., Шагинян А. С. Уголовный процесс Англии и Уэльса, Бельгии и Дании: сравнительно-правовой аспект. С. 9; *Criminal procedure systems in the European Community*. P. 76-77; *Comparative Criminal Procedure*. P. 182, 206-207. Апарова Т. В. Суды и судебный процесс Великобритании. Англия, Уэльс, Шотландия. М., 1996. С. 92-96.

³⁸ См. об этом: Staple G. Serious and Complex Fraud: A New Perspective// *Modern Law Review*. 1996. N 56. P. 129.

³⁹ Гуценко К. Ф., Головкин Л. В., Филимонов Б. А. Уголовный процесс западных государств. С. 194-197; Власихин В. А. Служба обвинения в США: Закон и политика. М., 1981. С. 31-119; Николайчук В. М. Уголовное правосудие в США. Ч. II. Правовая процедура от ареста до апелляции //США: Экономика. Право. Идеология. 1995. № 3. С. 81.

Органы прокуратуры соответствующих уровней не соподчинены между собой, но сотрудничают друг с другом (отношения координации). Их юрисдикция четко разграничена. Однако местные прокуроры могут осуществлять производство по делам, подведомственным штатам, если генеральные атторнеи или их помощники уступают им свои полномочия по взаимной договоренности.⁴⁰

Прокуратура в *Германии* подразделяется на федеральную прокуратуру и прокуратуры земель (субъектов федерации). Это учреждение строго иерархическое, построенное на началах централизации и субординации (§ 141-152 Закона о судеустройстве ФРГ — GVG), где праву вышестоящего работника давать указания корреспондирует обязанность нижестоящих работников исполнить это указание (§ 146, 147 GVG). Каждый прокурор, действующий в пределах своей компетенции самостоятельно, всегда представляет своего руководителя (§ 144 GVG), а вышестоящая прокуратура вправе принимать на себя обязанности и передавать свои обязанности нижестоящей (§ 145 GVG). В то же время в силу федеративного устройства Германии федеральные служащие прокуратуры не могут отдавать распоряжения служащим прокуратур земель (как мы уже отмечали), т. е. федеральная прокуратура не стоит выше прокуратуры земли, глава которой не может быть назначен федеральными властями. Сказанное означает, что в Германии нет единой централизованной государственной прокуратуры, а взаимоотношения федеральной прокуратуры и прокуратуры земель (как и между ними) строятся на началах координации. Естественно, роль координирующего центра играет федеральная прокуратура.

Общую ответственность за организацию и деятельность прокуратуры на федеральном уровне несет министр юстиции ФРГ, на уровне земли — министр юстиции земли. При этом федеральный министр юстиции вправе давать указания федеральным прокурорам, а министр юстиции земли — служащим прокуратуры соответствующей земли (§ 147 GVG). Эти министры вправе также в определенных случаях возлагать некоторые свои обязанности на прокуратуру, но не могут принимать ее обязанности на себя (§ 145 GVG). Однако своими властными полномочиями они пользуются весьма неохотно и только в исключительных обстоятельствах.⁴¹

⁴⁰ *Николайчик В. М.* Уголовное правосудие в США. Ч. П. С. 81; *Гуценко К. Ф., Головкин Л. В., Филимонов Б. А.* Уголовный процесс западных государств. С. 196.

⁴¹ Об организации германской прокуратуры см. подробнее: *Бойльке В.* Уголовно-процессуальное право ФРГ. С. 65-67; *Criminal procedure systems in the European Community.* P. 141; *Comparative Criminal Procedure.* P. 10/; *Jehle J.-M.*

Прокуратура Германии действует на всех уровнях судебной системы (параллельно) как независимое учреждение (§ 150 GVG). При каждом суде создан отдел судебного преследования (коллегия государственных обвинителей) (§ 141 GVG). Всего в ФРГ насчитывается 141 коллегия прокуроров (обвинителей). Их компетенция предметно и территориально зависит от компетенции соответствующего суда, вот почему их часто именуют прокуратурами суда.

На общегосударственном уровне (при Верховном Суде ФРГ) существует Федеральная прокуратура, возглавляемая федеральным генеральным прокурором, в подчинении которого находятся другие федеральные прокуроры (§ 142 GVG). Кроме того, к федеральным органам прокуратуры относятся два ее особых подразделения: одно из них занимается расследованием насильственных преступлений, совершенных национал-социалистами (центральное ведомство в Людвигсбурге), другое — расследованием насильственных и политических преступлений, совершенных государственными служащими бывшей ГДР (центральное ведомство по сбору доказательств и документации при генеральной прокуратуре в Брауншвейге). Поскольку образование подобных подразделений выходит за пределы полномочий федерации, их созданию предшествовало заключение соглашения с исполнительными и законодательными органами земель.

На уровне земли прокуратуры созданы при верховном суде земли (генеральная прокуратура), при судах земли (прокуратуры земли) и при участковых судах (участковая прокуратура) (§ 142 GVG). Вместе с тем значительная часть полномочий в участковых судах осуществляется прокуратурой земли.⁴²

Прокуратура во Франции представляет собой единую централизованную, иерархическую систему, основанную на началах подчинения нижестоящих прокуроров вышестоящим. Она находится в ведении Министерства юстиции и организована при судах (за исключением полицейских судов). При Кассационном суде и апелляционных судах прокуратура представлена генеральными прокурорами, генеральными адвокатами и их заместителями; при исправительных судах — прокурорами республики, их заместителями и помощниками.

Criminal Justice in Germany: facts and figures. Bonn, 1997. P. 17--18; Жалинский А. Рёрихт А. Введение в немецкое право. С. 716--717; Судебные системы европейских стран. С. 75-76.

⁴² Бойльке В. Уголовно-процессуальное право ФРГ. С. 64-65; Comparative Criminal Procedure. P. 107, 138.

В полицейских судах и судах ассизов прокуратура организационно не представлена и ее функции в этих органах исполняются прокурорами других судов (ст. 32, 35-37, 44, 45 УПК Франции — СРР).⁴³

Глава прокуратуры — министр юстиции, который не только осуществляет общее руководство прокурорами, но и может давать им указания по конкретным делам (ст. 36 СРР).

Особой автономной судебной структурой во Франции являются органы предварительного следствия, которые наряду с органами дознания (прокуратурой и полицией) действуют на досудебном этапе судопроизводства. Содержательно они близки органам прокуратуры и полиции (главным образом, в плане осуществления расследования), но принципиально отличаются от них по своему общему и процессуальному положению, поэтому их рассмотрение наряду с прокуратурой, с одной стороны, оправдано указанной близостью, а с другой — весьма условно. Эти органы делятся на следственные органы первой инстанции (следственные судьи, осуществляющие свою деятельность единолично; ст. 50, 52, 80, 83 СРР) и второй инстанции (следственные камеры, осуществляющие свою деятельность коллегиально; ст. 191 СРР), т. е. образуют иерархическую систему.

Следственный судья обладает статусом магистрата, назначается на должность в порядке, установленном для судебных магистратов, входит в состав исправительного суда на правах его члена (ст. 50 СРР) и в связи с этим пользуется гарантиями независимости и несменяемости, как и любой иной судья. При каждом следственном судье предусмотрена должность помощника-секретаря, который обязан присутствовать при проведении всех следственных действий.

Следственный судья при осуществлении своих обязанностей не является судьей в собственном смысле этого слова, т. е. он не решает уголовные дела по существу, а лишь устанавливает факты, относящиеся к совершенному нарушению уголовного закона и к личности нарушителя. Более того, ему прямо запрещено принимать участие в рассмотрении уголовных дел, которыми он занимался в качестве следственного судьи (ст. 49 СРР).⁴⁴

⁴³ СРР — Code de Procedure Penale. Сокращенное наименование приводится по: *Comparative Criminal Procedure*.

⁴⁴ См. об этом: Дари Ф. Следственный судья и справедливый суд// Юридические и судебные практики: Репрессивная судебная система. Справедливый процесс. Гласность вещных прав на недвижимость: Сборник документов франко-российского сотрудничества. №2.1998. Ноябрь. С. 167; Гуценко К. Ф., Головкин Л. В., Филимонов Б. А. Уголовный процесс западных государств. С. 344-346.

Следственные камеры организованы в составе апелляционных судов и включают в себя председателя и двух советников, обладающих статусом магистратов. Председатель назначается Президентом (по согласованию с Высшим советом магистратуры) и работает только в данном качестве, советники назначаются Генеральной Ассамблеей апелляционного суда из числа членов этого суда сроком на один год и могут совмещать свою деятельность с работой в качестве обычного судьи.⁴⁵ Подобно прокуратуре, следственные судебные органы осуществляют квазисудебную деятельность, хотя применительно к следственным камерам она является «более судебной» в связи с возможностью проведения слушаний с участием защитника и прокурора.

Понятно, что фактически конкретные представители следственных судебных органов интегрированы в судебную систему. Однако в любом случае особенность их положения и характер деятельности (содержательно близкой к деятельности органов дознания) позволяет не учитывать организационную автономию указанных органов при общей характеристике французской судебной системы.

Российская прокуратура также является единой и централизованной в масштабах всего государства. Возглавляется она Генеральным прокурором РФ, назначаемым на должность Советом Федерации по представлению Президента РФ, и в свою очередь назначающим на должность остальных прокуроров, находящихся у него в подчинении. Иначе говоря, это иерархическая система федеральных органов, построенная (в целом) с учетом административно-территориального деления страны.⁴⁶

Таким образом, типично одноранговой трехуровневой системой является система органов прокуратуры США, муниципальный уровень которой характеризуется одноранговостью, а уровень штатов и федерации — иерархичностью; одноранговой двухуровневой — прокуратура Германии, федеральный и земельный уровни которой иерархически устроены. Типично иерархические системы, централизованные на общегосударственном уровне, — английская служба уголовных преследований, французская и российская прокуратуры. Французские судебные органы предварительного следствия образуют двухуровневую иерархию, построенную по принципу инстанционности,

⁴⁵ Дари Ф. Следственный судья и справедливый суд. С. 169; Гуценко К. Ф., Головкин Л. В., Филимонов Б. А. Уголовный процесс западных государств. С. 346-347.

⁴⁶ О системе органов прокуратуры см. подробнее: *Прокурорский надзор в Российской Федерации*: Учебник/ Под ред. В. И. Рохлина. С. 47-54.

где каждый уровень относительно автономен и вторая инстанция может пересматривать решения первой инстанции.

Органы полиции, прокуратуры и суда сравниваемых стран в ходе досудебного производства вступают друг с другом в определенные процессуальные отношения. Они своеобразны и в целом отражают данную выше характеристику их внутренних организационных отношений и организационного построения.

Основные функции *английской* полиции: 1) открытие уголовного процесса; 2) проведение расследования (сбор доказательств); 3) применение мер принуждения (задержание и обыск, арест и т. п.); 4) предъявление обвинения и предоставление информации против обвиняемых лиц органам уголовного преследования; 5) прекращение производства (без условий или под определенными условиями, в том числе путем проведения медиации). Они регламентированы Сводом практических правил (*Codes of Practice*, далее — Свод), введенным в действие Законом о полиции и доказательствах по уголовным делам (РАСЕ) 1984 г. и периодически дополняемым и корректируемым другими законами (Свод утверждается обеими палатами парламента и фактически имеет силу закона).

Английская полиция функционирует автономно от других органов, участвующих в уголовном процессе. Она самостоятельна как в сборе доказательств, так и в принятии решений, и никому не подчинена, действуя на муниципальном уровне. В то же время осуществление некоторых функций подвергается внутреннему и внешнему контролю (надзору).

Внутренний контроль находится в ведении полицейских офицеров по надзору, по контролю и старших офицеров расследования.

Офицер по надзору контролирует производство полицейского ареста (краткосрочное ограничение свободы, не требующее судебного приказа) и передачу на поруки, без него невозможно предъявление обвинения (регистрация преступления и информирование лица, подозреваемого в его совершении) и передача дела органам уголовного преследования (разд. 27 Закона об уголовной юстиции и общественном порядке 1994 г. — СЈРОА,⁴⁷ разд. 35 РАСЕ, ч. «с» п. 16.5 Свода).

⁴⁷ СЈРОА — Criminal Justice and Public Order Act. Сокращенное наименование приводится по: *Comparative Criminal Procedure*. — Перевод дан в нашей интерпретации.

Офицер по контролю надзирает за исполнением полицейского ареста (периодически проверяет основания для ареста с учетом информации, представленной ему арестованным и его юристом; разд. 42 PACE).

Старший офицер расследования дает разрешение брать отпечатки пальцев без согласия лица (разд. 61 PACE), останавливать и обыскивать лиц и автомобили на предмет обнаружения оружия (разд. 60 CJPOA), а также скрытых предметов, которые могут быть использованы в террористических целях (разд. 81 CJPOA).

Внешний контроль осуществляется магистратским судом и органами уголовного преследования (Королевской службой уголовного преследования — CPS).⁴⁸ Суд дает разрешение на обыск, арест по судебному приказу, перехват телекоммуникационных сообщений и совершение других полицейских действий, сопряженных с существенным ограничением прав и свобод человека и гражданина (разд. 8 PACE).

Королевская служба уголовного преследования не руководит действиями полиции и не имеет властных прерогатив в ее отношении, однако после передачи ей дела может дать полиции поручение о восполнении полицейского расследования и уточнении установленных фактов, прекратить уголовное преследование (п. 5.1, 6.3 Кодекса королевских преследователей — CPC),⁴⁹ ходатайствовать перед полицией и судом об отмене передачи на поруки (разд. 5B Закона о передаче на поруки 1976 г.). То есть координирующая роль службы королевских преследователей очевидна, да и к тому же вполне естественна в силу ее иерархического устройства, в отличие от полиции, но при этом она не вправе пересматривать решения полиции о прекращении производства, а также по собственной инициативе самостоятельно расследовать преступление и начать уголовное преследование.⁵⁰ Независимости тех и других органов в определенной

⁴⁸ CPS — Crown Prosecution Service. Сокращенное наименование приводится по: *Comparative Criminal Procedure*. — Перевод К. Ф. Гуценко: Гуценко К. Ф., Головки Л. В., Филимонов Б. А. Уголовный процесс западных государств. С. 65.

⁴⁹ CPC — Code for Crown Prosecutors. Сокращенное наименование приводится по: *Comparative Criminal Procedure*. — Перевод К. Ф. Гуценко: Гуценко К. Ф., Головки Л. В., Филимонов Б. А. Уголовный процесс западных государств. С. 54.

⁵⁰ О полномочиях английской полиции см. подробнее: Лубенский А. И. Предварительное расследование по законодательству капиталистических государств. С. 42-45; *Comparative Criminal Procedure*/ Ed. J. Hatchard, B. Huber, R. Vogler. London, 1996. P. 191-198; Стойко Н. Г., Шагинян А. С. Уголовный процесс Англии и Уэльса, Бельгии и Дании: сравнительно-правовой аспект. С. 40-43; Гуценко К. Ф. Головки Л. В., Филимонов Б. А. Уголовный процесс западных государств. С. 118.

мере способствует еще один важный участник судопроизводства — Служба пробации, деятельность которой регламентируется, в частности, Законом о правосудии по уголовным делам и судах 2000 г. и Законом о правосудии по уголовным делам 2004 г. Она действует самостоятельно и предоставляет органам полиции и уголовного преследования информацию о личности обвиняемого, необходимую для принятия ими решений.

Иначе говоря, полиция и органы уголовного преследования — это две автономные структуры, которые не связаны между собой отношениями субординации, хотя и зависят друг от друга в плане выполнения своих функций. Более того, в досудебном производстве процессе они представляют собой своего рода уравнивающие друг друга центры принятия важнейших процессуальных решений: об открытии уголовного процесса и прекращении производства (полиция); о прекращении производства или уголовном преследовании по суду (служба уголовных преследований). Судебный контроль ограничивает их только в вопросах применения мер процессуального принуждения, связанного с существенным вторжением в сферу личных прав и свобод граждан, т. е. суды являются третьим центром принятия решений в досудебном производстве, от которых напрямую зависят два других центра.

Взаимоотношения между полицией и прокуратурой (обвиняющими атторнеями) в США несколько иные. Американские офицеры (служащие) полиции аналогично своим английским коллегам применяют меры процессуального принуждения (задержание, обыск, арест), осуществляют сбор доказательств (допросы подозреваемых, свидетелей, потерпевших и экспертов, опознания и т. п.). Кроме того, по результатам своей деятельности они составляют полицейский отчет и направляют его начальнику органа полиции для определения дальнейшей судьбы дела (прекращение ввиду недостаточности доказательств, полицейское урегулирование признанного установленным криминального конфликта, обращение в местные центры правосудия для альтернативного разрешения спора путем посредничества или арбитража, направление в суд для рассмотрения в упрощенном порядке, передача дела прокурору для решения вопроса о преследовании в суде).⁵¹

⁵¹ Следует отметить, что многие вопросы полицейского функционирования решены в судебных прецедентах. В особенности это касается применения полицией мер процессуального принуждения, таких как правомочие остановить и обыскать.

Обвиняющие атторнеи (прокуроры) в ходе досудебного производства осуществляют: санкционирование некоторых мер принуждения, применяемых полицией (например, задержаний-арестов);⁵² проведение дополнительного или самостоятельного расследования; прекращение уголовного дела или смягчение обвинения; принятие решения об уголовном преследовании перед судом и представление обвинительного акта на утверждение в большое жюри или заявления об обвинении в суд (с правом отказа от уголовного преследования).

Сказанное означает, что, в принципе, американская полиция и прокуратура обладают процессуальной автономией в отношении друг друга. Однако по сравнению с Англией и Уэльсом их самостоятельность, с одной стороны, усилена: полиция может не только расследовать, но и передавать дела о малозначительных преступлениях в суд; прокуратура не только контролирует законность и обоснованность полицейского расследования по его результатам, но и проводит независимое расследование. С другой стороны, полиция зависит от прокуратуры в плане применения мер принуждения, т. е. находится по отношению к ней явно в подчиненном положении.

Американский суд, как и английский, играет роль инстанции судебного контроля, в равной мере ограничивающей полицию и прокуратуру в вопросах применения мер принуждения.

Таким образом, в досудебном производстве США существует три взаимозависимых центра принятия властных решений: полиция (ограниченно автономная по отношению к прокуратуре и суду), прокуратура (автономная по отношению к полиции и ограниченно автономная по отношению к суду) и суд (автономный по отношению к полиции и прокуратуре).

См. об этом: *Eddy v. Moore*, 487 P. 2d 211, 5 Wash. App. 334 (1971); *People of the United States v. Jackson*, 164 Cal. App. 2d 759, 308 P. 2d 38 (1958); *People of the United States v. Henneman*, 367 Ill. 151, 10 N. E. 2d 649 (1937). — Тем не менее законодатель (на уровне штатов и федерации), регламентирует важные для уголовного процесса полицейские функции, хотя, как правило, не в систематизированном виде. Изложение некоторых правил производства арестов см.: Стойко Н. Г., Никитин Г. А. Уголовный процесс в США: Защита личных прав и свобод: Учебное пособие. СПб., 2006. С. 34-36. — Подробнее об этих и других полицейских функциях см.: Лубенский А. И. Предварительное расследование по законодательству капиталистических государств. С. 53-65; Николайчик В. М. Уголовное правосудие в США. Ч. II. С. 27-80; Боботов С. В., Жигачев И. Ю. Введение в правовую систему США. С. 174-175; Гуцнико К. Ф., Головки Л. В., Филимонов Б. А. Уголовный процесс западных государств. С. 222-242; Стойко Н. Г., Семухина О. Б. Уголовный процесс в США. С. 38-41, 71-83; *Криминология I* Под ред. Дж. Ф. Шели. М., 2003. С. 247, 460-466.

⁵² Термин «арест» в уголовном процессе США употребляется для обозначения задержаний, кратковременного и длительного заключения под стражу.

Существенно отличаются процессуальные отношения прокуратуры и полиции в Германии, Франции и России.

Полиция в *Германии* как участник уголовного процесса официально рассматривается в качестве помощника прокуратуры в ходе досудебного производства. По сути, это оперативное подразделение прокуратуры, действующее по ее указаниям⁵³ (§ 152 GVG, § 161 I StPO).⁵⁴ По общему правилу полиция обязана предпринимать все меры по выявлению и исследованию всех обстоятельств совершения преступления и обеспечивать сохранность полученных данных (§ 163 I StPO). По закону (в идеале) она должна произвести неотложные процессуальные действия, необходимые для закрепления следов преступления, после чего немедленно уведомить прокуратуру об этом и продолжать расследование уже под ее руководством (§ 163 I, II StPO). Тем не менее практически в большинстве случаев полиция по заявлению о преступлении (§ 158 I StPO) ведет расследование самостоятельно и передает материалы прокуратуре тогда, когда они уже достаточны для составления обвинительного заключения и предъявления обвинения в суде.

Значительное число полицейских действий связано с существенным ограничением прав и свобод и потому может быть произведено только с разрешения суда или по постановлению прокуратуры (с последующим уведомлением суда). В то же время полиция вправе, руководствуясь § 161 I, 163 I StPO, самостоятельно осуществлять такие действия, как объявление в розыск и наведение справок о разыскиваемом лице, краткосрочное наблюдение.⁵⁵

Германская прокуратура осуществляет следующие функции: 1) возбуждения уголовного дела или открытия процесса (§ 152, 158 I StPO); 2) исследования обстоятельств дела (сбора доказательств

⁵³ Различают поручения, которые даются служащим уголовных подразделений полиции (помощникам прокуратуры в расследовании уголовных дел), и просьбы, обращенные к иным полицейским (служащим подразделений, отвечающих за поддержание правопорядка).

⁵⁴ Официальное сокращенное наименование уголовно-процессуального кодекса Германии (УПК ФРГ). Приводится по: *Бойльке В.* Уголовно-процессуальное право ФРГ.

⁵⁵ О функциональных обязанностях полиции см. подробнее: *Филимонов Б. А.* Защитник в германском уголовном процессе. М., 1997. С. 51-60; *Гуценко К. Ф., Головкин Л. В., Филимонов Б. А.* Уголовный процесс западных государств. С. 437-447; *Criminal procedure systems in the European Community*. Р. 140-141; *Comparative Criminal Procedure*. Р. 137-138; *Бойльке В.* Уголовно-процессуальное право ФРГ. С. 74-77.

в интересах обеих сторон — потерпевшего и обвиняемого; § 160 StPO); 3) применения мер принуждения (например, § 163d II StPO); 4) решения о предъявлении государственного обвинения (о направлении в суд обвинительного заключения или ходатайства об издании приказа о назначении наказания) (§ 170 I, 407 StPO) или отказа от уголовного преследования и прекращения дела (ввиду неподтверждения начального подозрения или по соображениям целесообразности; § 153, 154, 170 II StPO).⁵⁶ Эти функции предполагают совершение различного рода следственных и процессуальных действий (допросы, обыски, выемки, экспертизы, освидетельствования, истребование информации от организаций и учреждений, задержания, заключения под стражу и т. п.). Кроме того, как квазисудебный орган, содействующий правосудию, прокуратура может защищать интересы свидетелей на допросах (§ 68b StPO).

Таким образом, германская полиция в процессуальном смысле не является автономной. Ее зависимость от прокуратуры — полная и исключительная. Разумеется, по факту проведения расследования она самостоятельна (в этом смысле прокуратура зависит от нее), но не может считаться центром принятия процессуально значимых решений. Даже возбуждение уголовного дела (волевое решение, основанное на начальном подозрении) — прерогатива прокуратуры.

Судебный контроль в германском досудебном производстве в отличие от английского и американского процесса не ограничивается вопросами применения мер принуждения полицией и прокуратурой (санкционирование, дача согласия, вынесение постановления; ст. 19 IV GG, § 98 II StPO). Так, суд может производить следственные действия (допросы, осмотры) по ходатайству прокуратуры или без него в целях обеспечения допустимости использования доказательств в судебном разбирательстве (§ 162 I StPO). Фактически речь идет о полномочиях, сходных с полномочиями следственного судьи, институт которого был заимствован из французского уголовного процесса и когда-то существовал в Германии. Причем интересно, что суд не может отказаться от удовлетворения ходатайства прокуратуры

⁵⁶ Прекращение уголовного процесса по мотивам целесообразности связано с принятием различных альтернативных уголовному преследованию мер, направленных на урегулирование конфликта обвиняемого с потерпевшим. Как для определения самой целесообразности, так и для осуществления соответствующих мер могут привлекаться специальные социальные службы (§ 160 III StPO). См. об этом: Головкин Л. В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. СПб., 2002. С. 156-162; Бойльке В. Уголовно-процессуальное право ФРГ. С. 199.

по мотивам отсутствия необходимости, несоразмерности или нецелесообразности проведения «ходатайствуемого мероприятия» (т. е. в данном отношении зависит от нее).⁵⁷ Поскольку прокуратура не рассматривается как сторона обвинения в германском уголовном процессе (на что мы уже обращали внимание), а суд всегда действует в интересах правосудия, названное полномочие нельзя считать проявлением обвинительного уклона. Это сотрудничество двух ведущих субъектов уголовного процесса в целях достижения истины и справедливости. Отношения, возникающие здесь, не носят непосредственно контрольного или ограничивающего характера. Что касается производства следственных действий по инициативе самого суда, то в какой-то мере оно напоминает современный российский институт возвращения уголовных дел прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ (цели совпадают). Хотя необходимость в таких действиях (по инициативе суда) реально возникает лишь после передачи дела в суд, их относят к досудебному производству, так как они осуществляются вне судебного разбирательства и имеют форму дознания. Однако важно подчеркнуть, что при этом суд, хотя и контролирует результаты досудебного производства, никак не влияет на автономность прокуратуры. Скорее, он решает собственные задачи, устраняя препятствия судебному разбирательству.

Еще одним отличительным контрольным полномочием суда является дача согласия прокуратуре прекратить производство по делу (§ 153 I StPO). Это, действительно, ограничивающее прокуратуру полномочие. Не умаляя принадлежащей прокурору монополии на государственное обвинение, оно ставит в рамки свободу прокурорского усмотрения, не допускает возникновения противоречия между решением прокурора и целью реализации заслуженного наказания.

Иначе говоря, в ходе досудебного производства в Германии есть два автономных центра принятия решений: прокуратура (возбуждение дела и государственного обвинения) и суд (применение мер принуждения и прекращение производства). Процессуальные отношения между ними преимущественно одноранговые, с определенными ограничениями для прокуратуры. Полиция — не автономный участник процесса; ее отношения с прокуратурой иерархические.

Взаимоотношения полиции и прокуратуры во *Франции* многом сходны с взаимоотношениями аналогичных органов в Германии.

⁵⁷ Подробнее см.: *Бойльке В.* Уголовно-процессуальное право ФРГ. С. 185-186.

Общие полномочия полиции достаточно кратко определены в CPP (ст. 14) и имеют ограниченный характер: выявление всех нарушений уголовного закона, соби́рание всех необходимых доказательств и обнаружение правонарушителей путем проведения розыскных и неотложных процессуальных действий (по собственной инициативе или по распоряжению прокурора о сборе необходимых для него материалов либо в порядке исполнения отдельных поручений следственного судьи). Конкретизация этих полномочий производится в зависимости от условий очевидности или неочевидности преступления, на которые указывает ст. 17 CPP и которые описываются соответственно в ст. 63-67 CPP и ст. 75-78 CPP. Причем формализованы далеко не все процессуальные действия по дознанию, а только важнейшие из них (например, задержание — ст. 63, 63-1-63-4 CPP). Это объясняется тем, что деятельность судебной полиции носит вспомогательный характер по отношению к деятельности прокуратуры. Тем не менее основная тяжесть работы, необходимой для принятия прокурором решения обвинять или не обвинять, лежит на полиции, которая под контролем прокурора осуществляет все предусмотренные законом виды дознания: 1) дознание очевидных преступлений (ст. 53 CPP), 2) дознание сомнительной смерти (ст. 74 CPP), 3) проверка личности (ст. 78-2, 78-3 CPP) и 4) первоначальное дознание (ст. 75-78 CPP).

При этом первые три вида дознания практически всегда производятся полицией в полном объеме и по собственной инициативе, потому что именно полиция в этих случаях обнаруживает факты, свидетельствующие о возможном совершении преступления, и это такие факты, которые требуют незамедлительного реагирования. В первом случае речь идет о ситуациях, когда преступление обнаружено в момент его совершения или сразу после его совершения; когда непосредственно после происшествия на подозреваемого указали (например, своими криками) видевшие его люди или при нем находились предметы либо на нем были следы, явно связывающие его с этим происшествием; когда владелец жилого помещения, в котором произошло преступление, вызвал к себе полицию (предполагает производство всех необходимых для принятия решения об обвинении процессуальных действий в краткие сроки). Во втором случае — о ситуации обнаружения трупа, когда причины смерти неизвестны (предполагает осмотр места обнаружения трупа и наружный осмотр

трупа с помощью специалиста). В третьем — о ситуациях, когда есть необходимость проверить информацию о совершении, покушении на совершение или подготовке к совершению преступления определенным лицом (предполагает обращение к данному лицу с требованием предоставить о себе информацию, а при отказе или неспособности сделать это — задержание, сбор информации о личности, фотографирование, дактилоскопирование).

Четвертый вид дознания производится полицией как по поручению прокурора, так и по собственной инициативе (при полном прокурорском контроле) и предполагает производство различных процессуальных действий (осмотры, допросы, обыски, выемки, экспертизы и т. п.).⁵⁸

В свою очередь прокурор уполномочен: 1) осуществлять дознание (ст. 41 CPP; обычно первоначальное дознание и дознание сомнительной смерти — ст. 75-78 и ст. 74 CPP); 2) давать поручения о производстве дознания и отдельных процессуальных действий судебной полиции (ст. 12, 38, 41 CPP); 3) контролировать производство полицейского дознания (ст. 12, 38, 78-1 CPP; например, путем получения информации о начале и ходе дознания, истребования оригиналов протоколов любых полицейских действий или санкционирования продления срока задержания); 4) прекращать производство по делу по формальным основаниям (отсутствие события или состава преступления, неустановление подозреваемого, истечение сроков давности привлечения к уголовной ответственности) или по мотивам нецелесообразности (ст. 6, 40 CPP);⁵⁹ 5) условно отказывать в возбуждении уголовного преследования (если будет выполнено определенное требование — например, возместить причиненный ущерб);⁶⁰ 6) применять уголовно-правовую медиацию (урегулирование с помощью посреднических структур — ст. 41-1 CPP);⁶¹ 7) использовать

⁵⁸ О полномочиях полиции см. подробнее: *Лубенский А. И.* Предварительное расследование по законодательству капиталистических государств. С. 15-18; *Гуценко К. Ф., Головки Л. В., Филимонов Б. А.* Уголовный процесс западных государств. С. 327-331.

⁵⁹ По сути, такое решение является безусловным, не подлежащим обжалованию и не исключающим в будущем возвращения к вопросу о привлечении к уголовной ответственности лица, дело в отношении которого было прекращено.

⁶⁰ Законом не урегулировано, но применяется на практике.

⁶¹ См. подробнее: *Головки Л. В.* Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. СПб., 2002. С. 98-107.

уголовно-правовой «штраф по соглашению» (ст. 41-2 CPP);⁶² 8) возбудить уголовный иск (ст. 1,31 CPP).⁶³

Таким образом, хотя французская полиция официально вправе проводить некоторые виды дознания самостоятельно, а значит, и принимать решение об открытии процесса, практически ее процессуальное положение характеризуется не меньшей степенью зависимости от прокуратуры, нежели германской полиции.

Иное дело — отношения прокуратуры с судебными органами предварительного следствия. Эти органы самостоятельны и независимы в осуществлении своих функций от прокуратуры.

Основные полномочия (функциональные обязанности) следственного судьи таковы: 1) собирание доказательств (обвинительных и оправдательных — ст. 81 CPP) путем совершения следственных действий (осмотр места происшествия, допрос, очная ставка, обыск, выемка, экспертиза, прослушивание сообщений, переданных с помощью телекоммуникаций и т. п.; разд. III, IV, V, IX гл. I ч. III CPP); 2) привлечение к рассмотрению (предъявление обвинения — ст. 80-1, 80-2, 116 CPP); 3) ознакомление с материалами дела адвокатов привлеченного к рассмотрению лица (обвиняемого) и гражданского истца (потерпевшего) (ст. 118 CPP); 4) судебный контроль (ст. 138, 139, 142-142-3 CPP)⁶⁴ и временное заключение под стражу (ст. 137, 143-1, 144 CPP);⁶⁵ 5) окончание предварительного следствия,

⁶² Реально речь идет о предложении подозреваемому уплатить определенную сумму денег в казну государства, выполнить общественно-полезную работу, возместить ущерб потерпевшему, передать государству предметы преступного посягательства и орудия преступления, отдать на определенный период времени водительские права или охотничье удостоверение.

⁶³ В настоящее время существуют четыре формы решения данного вопроса: две обычных и две упрощенных. К обычным формам относятся составление требования о производстве расследования следственным судьей (ст. 51 CPP) и непосредственный вызов в суд (ст. 389 CPP), когда в предварительном следствии нет необходимости, к упрощенным (введены законами от 10 июня 1983 г. и от 9 сентября 1986 г.) — вызов путем вручения подозреваемому копии протокола о совершенном нарушении и уведомления о том, где и когда состоится судебное разбирательство (применяется, если заключение под стражу нецелесообразно), а также немедленный вызов путем доставления в суд (применяется, если заключение под стражу целесообразно).

⁶⁴ Судебный контроль — это мера пресечения, предусматривающая 16 видов различных ограничений. Ее избрание относится к компетенции следственного судьи, а также судьи по свободам и заключениям. Обычно применяются одновременно несколько из них, причем в ходе исполнения отдельные ограничения могут быть отменены или заменены другими либо могут быть наложены новые дополнительные ограничения.

⁶⁵ Данная мера пресечения избирается судьей по свободам и заключениям на основании обращения следственного судьи.

т. е. прекращение или направление в суд⁶⁶ (ст. 175, 175-1, 175-2, 177, 180-184 CPP).⁶⁷

Полномочия следственных камер определяются их положением как следственных органов второй инстанции. Они могут: 1) проводить самостоятельное или дополнительное расследование, а также привлекать к рассмотрению новых лиц (ст. 201, 202, 204, 205 CPP); 2) прекращать уголовное преследование (ст. 212 CPP); 3) направлять дело по подсудности (ст. 213 CPP); 4) рассматривать жалобы на постановления следственного судьи (ст. 185, 186, 207 CPP);⁶⁸ 5) аннулировать и изымать из уголовного дела процессуальные акты следственного судьи (ст. 171, 206 CPP); 6) осуществлять дисциплинарный контроль за деятельностью должностных лиц судебной полиции (ст. 224, 227 CPP).⁶⁹

Органы предварительного следствия самостоятельны и независимы в осуществлении своих функций от прокуратуры. Они — автономный центр принятия всех принципиальных решений в досудебном производстве, за исключением, пожалуй, только открытия процесса (здесь они естественным образом зависят от полиции, которая первая получает информацию о преступлении и начинает расследование). Даже в решении такого вопроса, как передача дела в суд, первенство остается за следственными органами, а не за прокуратурой, требования которой они обязаны предварительно рассмотреть, но не обязаны исполнять. Более того, органы предварительного следствия (наряду с судьями по свободам и заключениям, состоящими при исправительных судах) осуществляют контроль за применением мер принуждения полицией и прокуратурой. Правда, следует иметь в виду, что следственные органы расследуют ограниченное число дел о наиболее опасных преступлениях (8-10%) и существует тенденция

⁶⁶ Окончание предварительного следствия не сводится только к соответствующему решению следственного судьи. Предварительно судья должен направить дело прокурору и с учетом его требований (не имеющих обязательного характера) принять окончательное решение.

⁶⁷ См. подробнее: *Лубенский А. И.* Предварительное расследование по законодательству капиталистических государств. С. 18-21; *Дари Ф.* Следственный судья и справедливый суд. С. 167-177; *Гуценко К. Ф., Головки Л. В., Филимонов Б. А.* Уголовный процесс западных государств. С. 347-359.

⁶⁸ Жалобы прокурора на любые постановления следственного судьи, жалобы привлеченного к рассмотрению лица и гражданского истца на постановления, указанные в законе.

⁶⁹ См. подробнее: *Гуценко К. Ф., Головки Л. В., Филимонов Б. А.* Уголовный процесс западных государств. С. 359-362.

к их сокращению. Причем прокуратура стремится передавать дела следственным судьям как можно более позднее, когда основная работа по сбору доказательств уже завершена.⁷⁰

Впрочем, прокуратура способна в определенной мере влиять на принятие решений органами предварительного следствия. Так, прокурор может возобновлять расследование по делу, прекращенному следственным судьей (ст. 188-190 CPP), и участвовать в заседаниях следственной камеры (ст. 192-202, 205, 207, 208 CPP). Помимо этого, прокуратура уполномочена истребовать дело из суда (в случае необходимости переквалификации совершенного деяния на более тяжкое) и передать его со своим заключением на рассмотрение в следственную камеру (ст. 195 CPP). Такое полномочие сродни (в какой-то мере) возвращению дела на дополнительное расследование, характерно лишь для Франции (из числа сравниваемых стран) и, по-видимому, оправдывается судебским статусом членов следственной камеры, близкой к судебной процедурой рассмотрения поставленного на разрешение вопроса и отсутствием у прокурора положения стороны.

Таким образом, во французском досудебном производстве есть два автономных центра принятия решений: прокуратура (частично ограниченная судом и судебными следственными органами в вопросах применения мер принуждения и направления дела в суд) и органы предварительного следствия. Отношения между прокуратурой и этими органами преимущественно одноранговые. Полиция, как и в Германии, не является процессуально автономной и подчиняется прокуратуре, вступая с ней в иерархические отношения.

В уголовном процессе *России* отношения между органами предварительного расследования и прокуратурой характеризуются не столь жесткой субординацией, как в германском и французском судопроизводстве. Однако принципиально строятся аналогичным образом.

Органы дознания и предварительного следствия (близкие по содержанию их деятельности органам полиции рассматриваемых стран) осуществляют следующие конкретные функции: 1) возбуждение уголовного дела (ст. 140-149 УПК РФ); 2) производство следственных действий (допросы, обыски, выемки, экспертизы и т. п. — ст. 176-207 УПК РФ); 3) применение мер процессуального принуждения (задержание, заключение под стражу, залог, привод и др. — ст. 91-96, 102-108, 112-117 УПК РФ); 4) привлечение в качестве

⁷⁰ Уголовная юстиция: проблемы международного сотрудничества. С. 34.

обвиняемого (ст. 171-175 УПК РФ); 5) прекращение уголовного дела (ст. 212, 213 УПК РФ); 6) составление обвинительного заключения или обвинительного акта (ст. 220, 225 УПК РФ); 7) ознакомление с материалами уголовного дела обвиняемого (ст. 217 УПК РФ); 8) передача дела с обвинительным заключением или обвинительным актом прокурору (ч. 6 ст. 220, ч. 4 ст. 225 УПК РФ).⁷¹ При этом конкретные дознаватели и следователи подвергаются внутреннему контролю за законностью и обоснованностью их действий и решений со стороны начальника органа дознания и начальника следственного отдела соответственно (ст. 39, 41 УПК РФ).

Основные функции российской прокуратуры: 1) проверка законности приема, регистрации и разрешения сообщений о преступлениях; 2) возбуждение уголовного дела и передача его для расследования дознавателю, следователю, нижестоящему прокурору либо производство самостоятельного расследования; 3) участие в производстве предварительного расследования и руководство им (дача письменных указаний, поручений, личное производство отдельных следственных и процессуальных действий и т. п.); 4) надзор за законностью и обоснованностью действий и решений дознавателя, следователя, нижестоящего прокурора (дача согласия на возбуждение уголовного дела, на возбуждение перед судом ходатайства об избрании, отмене или изменении меры пресечения, отмена незаконных или необоснованных постановлений); 5) утверждение обвинительного заключения или обвинительного акта и направление дела в суд; 6) возвращение дела следователю, дознавателю для производства дополнительного расследования; 7) прекращение производства по уголовному делу; и др. (ст. 37 УПК РФ).

Простое сопоставление приведенных выше полномочий показывает, что прокуратура занимает господствующее положение по отношению к органам дознания и предварительного следствия. Принятие всех принципиальных решений этими органами требует либо предварительного согласования с прокурором, либо последующего утверждения и может быть отменено или изменено (непосредственно надзирающим прокурором или вышестоящим). К тому же у прокурора всегда существует возможность изъятия дела из производства

⁷¹ См. подробнее, напр.: *Уголовный процесс России: Общая часть* / Под ред. В. З. Лукашевича. С. 144-148; *Шадрин В. С.* Уголовно-процессуальная деятельность прокурора и органов предварительного расследования. Досудебное производство. СПб., 2005. С. 26-46.

конкретного органа или должностного лица и передачи его для рассмотрения в другой орган или другому должностному лицу либо принятия его к своему производству.

Суд в отношении органов предварительного расследования и прокуратуры осуществляет контроль за применением мер пресечения, затрагивающих права и свободы человека и гражданина. Кроме того, с тех же позиций контролируются и любые иные действия и решения указанных органов.

Таким образом, о процессуальной автономии органов дознания и предварительного следствия можно говорить лишь относительно. Они являются центрами принятия важных процессуальных решений (возбуждение уголовного дела, обвинение, прекращение уголовного дела или уголовного преследования), но при этом во всей своей деятельности существенно ограничены властными прерогативами прокуратуры.

Итак, оценивая в целом процессуальные отношения властных структур в досудебном производстве рассматриваемых стран, можно сказать следующее.

Во всех сравниваемых юрисдикциях взаимодействие в ходе досудебного производства осуществляется между тремя властными структурами, каждая из которых имеет свою сферу ответственности: это полиция (и близкие к ней органы), прокуратура (и близкие к ней органы) и судебные органы. Полиция и прокуратура несут ответственность за ход и результаты досудебного производства, судебные органы — за соблюдение прав и свобод человека и гражданина при избрании или применении мер принуждения (главным образом).

При принятии решений в своей сфере ответственности судебные органы всегда автономны и ставят в положение зависимости полицию и прокуратуру, которые не могут применять меры принуждения, затрагивающие права и свободы, без судебного санкционирования. В данной сфере органы полиции и прокуратуры подвластны судебным органам, но в других сферах, по большей части, — нет. Иначе говоря, они ограниченно автономны по отношению к судебным органам.

При принятии решений в своей сфере ответственности органы полиции и прокуратуры могут быть автономными и находиться друг с другом в одноранговых отношениях либо быть зависимыми и находиться друг с другом в иерархических отношениях.

В Англии и Уэльсе взаимоотношения между полицией и службой уголовных преследований являются типично одноранговыми: эти

органы являются зависящими друг от друга (в плане деятельности) автономными центрами принятия соответствующих решений. В США эти взаимоотношения — одноранговые с некоторыми элементами зависимости полиции от атторнейской службы; в Германии — типично иерархические с полной зависимостью полиции от прокуратуры; во Франции и России — иерархические с некоторыми элементами полицейской автономии. Взаимоотношения французской прокуратуры и судебных органов предварительного следствия преимущественно одноранговые.

Важными участниками досудебного производства сравниваемых стран являются адвокаты-защитники, обвиняемые и потерпевшие.⁷²

В *Англии и Уэльсе* адвокаты (барристеры и солиситоры) осуществляют функции представительства интересов обвиняемого и функции консультирования любых лиц, подвергшихся допросу или задержанию полицией по уголовному делу (в рамках так называемых «схем дежурных солиситоров», которые организованы при магистратских судах). Их позиция в деле должна быть согласована с позицией обвиняемого и не может зависеть от того, считает ли адвокат своего подзащитного виновным или невиновным. Способы защиты должны соответствовать профессиональным этическим стандартам и не вступать в противоречие с законом, справедливостью и интересами клиента.

К функциям представительства интересов обвиняемого относятся: сбор оправдательных и иных доказательств (информации) в пользу обвиняемого, а также помощь в решении конкретных юридических вопросов (юридические советы, подготовка ходатайств и т. п.); к функциям юридического консультирования — содействие неподготовленным к уголовному процессу подозреваемым (разъяснение имеющихся у них прав, помощь в подаче заявлений об освобождении на поруки и т. п.) без представительства интересов на постоянной основе. Объем прав адвокатов и степень их вовлеченности в дело почти полностью определяются степенью ограничения личных прав и свобод их подзащитных. Детальная регламентация отсутствует.

⁷² Следует учесть, что наименование названных субъектов уголовного процесса дано здесь в обобщенном виде и может различаться в разных юрисдикциях. Так, обвиняемый в досудебном производстве Франции именуется лицом, привлеченным к рассмотрению, а подозреваемый как самостоятельный субъект существует только в России (хотя подразумевается и фактически является участником процесса везде). Кроме того, это не единственные субъекты судопроизводства на данном этапе (например, адвокат может быть и у потерпевшего).

Бесплатная юридическая помощь малоимущим обвиняемым оказывается в рамках так называемой государственной схемы поддержки обвиняемых.⁷³

В США назначение юристов (адвокатов) защиты — «сделать все возможное, чтобы охранить интересы своего клиента».⁷⁴ Делается это, как и в Англии и Уэльсе, путем собирания соответствующих сведений и содействия в решении различных юридических вопросов. Процессуальное положение американских адвокатов и их взаимоотношения с клиентами в целом ничем не отличаются от положения их английских коллег. Многие юристы работают на постоянной (как правило, молодые, начинающие юристы) или временной основе (чаще всего опытные профессионалы, из соображений престижа) в публичных агентствах по оказанию юридической помощи неимущим или малоимущим гражданам, финансируемых за счет средств местных бюджетов, ассоциаций юристов и спонсорских вкладов.⁷⁵

Защитник в Германии не относится к числу ключевых фигур уголовного процесса. Его назначение, как и прокурора, — служить правосудию (содействовать ему оказанием юридической квалифицированной помощи — § 137 I StPO) «посредством осуществления своей односторонней деятельности, чтобы соблюсти все процессуальные нормы и... бороться за обнаружение материальной правды».⁷⁶ Отсюда относительно слабая процессуальная позиция защитника в уголовном деле (его права только частично урегулированы законом и в большей мере определяются судебной практикой),⁷⁷ а также формальная независимость от обвиняемого. Например, вопрос о предоставлении доказательств может быть решен защитником вопреки мнению обвиняемого. Вместе с тем в некоторых случаях (подача жалобы в порядке § 297 StPO и др.) закон прямо указывает на необходимость согласования позиций защитника и его подзащитного.

⁷³ *Comparative Criminal Procedure*. P. 207–208.

⁷⁴ Брайсон У. К. Американская судебная система // Верховенство права: Сборник. М., 1992. С. 179–180.

⁷⁵ Такие агентства оказывают бесплатную или частично оплачиваемую помощь примерно 70 % обвиняемых (по данным, приведенным К. Ф. Гуценко: Гуценко К. Ф., Головкин Л. В., Филимонов Б. А. Уголовный процесс западных государств. С. 203).

⁷⁶ Бойльке В. Уголовно-процессуальное право ФРГ. С. 100.

⁷⁷ О защитнике как органе правосудия см.: *Comparative Criminal Procedure*. P. 140; Судебные системы европейских стран. С. 76; Бойльке В. Уголовно-процессуальное право ФРГ. С. 99–102.

Однако практически такое согласование, как правило, производится всегда, так как считается, что неперенным условием эффективной защиты являються доверительные отношения между адвокатом и его клиентом.⁷⁸

Основное назначение защитника — давать обвиняемому советы и предоставлять юридические консультации, а также совершать юридически значимые действия (от своего имени и от имени подзащитного). Реализация этого назначения определяется конкретными функциональными возможностями защитника, который вправе: 1) присутствовать при проведении определенных следственных действий (§ 163а III, 168с I, 168с II, 168d StPO);⁷⁹ 2) заявлять ходатайства о предоставлении доказательств (§ 244, 245 StPO); 3) собирать информацию в защиту своего клиента; 4) доводить свое мнение в пользу обвиняемого до служащих полиции и прокуратуры (§ 137 StPO); 5) знакомиться с материалами дела (§ 147 StPO) и информировать об их содержании подзащитного; 6) добиваться прекращения уголовного процесса по мотивам целесообразности.

Во *Франции* адвокаты призваны оказывать юридическую помощь (защищать интересы клиентов) двух видов: представительскую (для решения всех юридических вопросов, возникающих по делу) и консультационную (для решения отдельных юридических вопросов). В случае если защита должна осуществляться в силу закона (в отношении неимущих или малоимущих граждан), решение об этом принимается специальными бюро по оказанию юридической помощи, учреждаемыми при трибуналах большой инстанции. В состав бюро входят два правительственных чиновника, два «помощника правосудия» (один — адвокат, второй — служащий судебного ведомства либо тоже адвокат) и представитель местного сообщества, не имеющий отношения к юридическому сословию и государственной службе. Возглавляется бюро одним из членов трибунала. Решение о бесплатной или частично оплачиваемой помощи принимается в результате рассмотрения обоснованного ходатайства, доводится до сведения председателя адвокатской коллегии, который несет ответственность за его исполнение.⁸⁰

⁷⁸ *Бойльке В.* Уголовно-процессуальное право ФРГ. С. 102-103.

⁷⁹ Речь идет о допросах обвиняемого следственным судьей и прокурором, судебных допросах свидетелей и судебных осмотрах. Присутствие при полицейских допросах обвиняемого не предусмотрено, но практически осуществимо под угрозой отказа обвиняемого отдачи показаний (Там же. С. 105).

⁸⁰ *Гуценко К. Ф., Головки Л. В., Филимонов Б. А.* Уголовный процесс западных государств. С. 312-314.

Функциональные права адвоката в уголовном судопроизводстве ограничены, поскольку он рассматривается в качестве лица, общественным предназначением которого является поддержка правосудия. Однако это не исключает необходимости согласования его позиции с позицией защитного.

В ходе дознания и предварительного следствия защитник может:

1) консультировать задержанное по подозрению в совершении преступления лицо (сразу после задержания, через 20 часов после задержания и через 12 часов после продления прокурором срока задержания — ст. 63-1-63-4 СРР); 2) присутствовать во время предварительного следствия на всех допросах подозреваемого и привлеченного к рассмотрению лица с предварительным консультированием такого лица и ознакомлением с материалами дела (ст. 113-1-113-8, 116 СРР); 3) консультировать привлеченное к рассмотрению лицо по вопросам обжалования постановлений следственного судьи и судьи по свободам и заключениям в следственную камеру (ст. 186 СРР); 4) ходатайствовать перед следственной камерой о признании недействительными процессуальных действий следственного судьи (ст. 171 СРР); 5) принимать участие в рассмотрении дела следственной камерой (ст. 197-199, 201 СРР).

В *России* процессуальные возможности защитника-адвоката более детализированы. Его назначение — защита прав и законных интересов обвиняемых (подозреваемых) и оказание им юридической помощи путем собирания и представления доказательств, присутствия при производстве следственных действий с участием обвиняемого, ознакомления с некоторыми протоколами и документами в ходе предварительного расследования и материалами дела после окончания расследования, заявления ходатайств и т. п. (ст. 53 УПК РФ). Бесплатная юридическая помощь оказывается, но напрямую не связывается с имущественным положением обвиняемого (ч. 5 ст. 50, ст. 51 УПК РФ).

Приведенное выше краткое описание функциональных возможностей адвокатов-защитников показывает, что они более или менее равны. Различия, конечно, есть. Наиболее очевидное из них — осведомленность об обвинении у адвокатов Германии, Франции и России выше, чем у их английских и американских коллег. Это объясняется тем, что раскрытие информации (ознакомление с доказательствами) в английском и американском процессе происходит в суде до начала судебного разбирательства. В германском же, французском и российском

процессе информирование осуществляется частично в ходе производства и полностью по окончании расследования. В то же время ознакомление с сущностью подозрения или обвинения и его деталями обязательно и в досудебном производстве США, Англии и Уэльса (что вытекает из соответствующих конституционно-правовых положений и закреплено в прецедентном праве). Разумеется, это свидетельствует о том, что германские, французские и российские адвокаты имеют больше возможностей повлиять на исход досудебного производства. Однако с практической точки зрения подобное преимущество вряд ли имеет значение, поскольку английская и американская полиция и прокуратура не заинтересованы в передаче в суд слабого, необоснованного обвинения (на что мы уже обращали внимание выше). Кроме того, в контексте настоящего исследования важнее другое: все адвокаты, независимо от особенностей национального уголовного процесса, находятся в неравном положении с государственными органами, ведущими досудебное производство. В отличие от полиции и прокуратуры они не располагают и не могут располагать никакими властными полномочиями при собирании доказательств (информации). Будучи автономными в распоряжении своими правами (в согласованных с подзащитными пределах), адвокаты не являются автономными центрами принятия решений, влияющих на ход и результаты производства по делу. На их стороне только доводы и аргументы, обращенные к полиции, прокуратуре и суду (в виде ходатайств, просьб, жалоб и т. п.), и юридические советы, обращенные к подзащитным.

В связи с этим трудно согласиться с утверждением С. Д. Шестаковой, согласно которому англосаксонский процесс характеризуется равенством сторон на протяжении всего производства по делу.⁸¹ По-видимому, данное утверждение аргументируется тем, что доказательства в данном типе процесса не формируются в досудебном производстве.⁸² Однако на каком основании в таком случае принимаются решения об открытии уголовного процесса, прекращении уголовного дела, законности и обоснованности задержания, применения иных мер принуждения? На основании информации, не имеющей юридического значения? Ответить положительно на этот вопрос — значит игнорировать реальность. Другое дело, что информация,

⁸¹ Шестакова С. Д. Генезис метода российского уголовно-процессуального права в условиях конвергенции и дивергенции англосаксонской и континентально-правовой систем (теоретико-правовое исследование): Автореф. дис.... д-ра юрид. наук. СПб., 2004. С. 26, 28.

⁸² Там же. С. 33.

собранный сторонами, приобретает статус судебных доказательств (допустимых или пригодных для исследования и разрешения дела) только в суде. Но ведь отсюда не следует вывод о невозможности использования такой информации для обоснования юридически значимых решений до суда, равно как и об отсутствии определенных и очевидных преимуществ у стороны обвинения, связанных с использованием властных полномочий при собирании доказательств.

В то же время сказанное не означает, что стороны в досудебном производстве не равны во всем. Они равны перед судом, который выступает между ними в качестве арбитра всякий раз, когда применяются меры, ограничивающие права и свободы обвиняемого. Но это равенство характерно не только для английского или американского процесса, но и для процесса других рассматриваемых нами стран, в том числе и тех, в которых предпочитают не использовать термин «сторона».

Таким образом, адвокаты всех сравниваемых стран не выступают в ходе досудебного производства в качестве автономного центра принятия решений, подобных тем, которые принимают государственные органы, и зависят от них в плане достижения желаемого результата.

Положение обвиняемых в досудебном производстве, их процессуальные возможности, взаимоотношения с полицией, прокуратурой и судом в целом совпадают с положением адвокатов-защитников (в силу естественной взаимосвязи их функций). Поэтому специально рассматривать их права мы не будем и перейдем к характеристике процессуального положения потерпевших.

Потерпевший в *Англии и Уэльсе* традиционно находился на периферии системы уголовного судопроизводства. Его роль всегда была крайне незначительной, а реальные нужды редко учитывались. Фактически потерпевший рассматривался как ценный свидетель и мог влиять на исход дела только дачей показаний. Даже свои финансовые претензии к обвиняемому в большинстве случаев он вынужден отстаивать в рамках гражданского судопроизводства. Правда, в связи со все большим распространением медиации как способа урегулирования криминального конфликта стало больше оснований говорить о появлении у потерпевших некоторого подобия процессуального статуса и возможности защищать свои интересы.⁸³ Кроме того, пострадавший может воспользоваться своим правом на частное

⁸³ О медиации в английском уголовном процессе как способе защиты интересов обвиняемого см. подробнее: *Головки Л. В.* Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. С. 73-79.

преследование, не согласившись с решением государственных органов ограничиться предупреждением преступника или не выдвигать обвинение против него перед судом. В таком случае потерпевший будет осуществлять функции королевского преследователя. Именно поэтому (с учетом общественного беспокойства по поводу эффективности уголовного преследования) за потерпевшими стало признаваться право на информацию о всех процессуально значимых решениях по уголовному делу, затрагивающих их интересы.

Другие возможности пострадавших от преступлений носят, по сути, непроцессуальный характер. Они могут обратиться за помощью в Фонд поддержки пострадавших (неправительственная организация, действующая с 1974 г. в целях обеспечения информационной, консультативной и психологической поддержки потерпевших) или за компенсацией в Совет по компенсациям для пострадавших (если преступлением им была причинена серьезная травма).⁸⁴

Потерпевший в уголовном процессе США практически замещен обвиняющим атторнеем и в юридическом смысле неправоеспособен. Реально он выполняет функцию свидетеля (служит «ходячей уликой» обвинения) и самостоятельно защитить свой интерес может лишь в гражданском судопроизводстве (если не получил возмещения вреда по решению уголовного суда), которое не связано результатами рассмотрения уголовного дела и может привести к прямо противоположным выводам (разумеется, с иными правовыми последствиями). В то же время необходимость участия потерпевшего в «своем деле» не отрицается вовсе. В принципе, в ходе досудебного производства он может лично или с помощью частного детектива собирать соответствующую информацию и представлять ее полиции или прокурору. Кроме того, мнение потерпевшего в определенной мере учитывается на практике при решении вопросов полицейского урегулирования и прекращения преследования. Его могут информировать об обязанностях (давать показания, содействовать обвинению и правосудию), правовых возможностях и услугах (консультироваться, пользоваться мерами безопасности, требовать компенсации причиненного вреда), ходе и результатах расследования дела (аресте обвиняемого, освобождении его под залог, переговорах об изменении меры пресечения).⁸⁵ Тем не менее потерпевший не обладает специальным

⁸⁴ *Criminal procedure systems in the European Community*. P. 81; *Comparative Criminal Procedure*. P. 210-213.

⁸⁵ *Криминология* / Под ред. Дж. Ф. Шели. С. 238-241

процессуальным статусом. Единственное, на что он может реально рассчитывать, — это оказание материальной и иной поддержки со стороны многочисленных социальных служб, страховых компаний и государственных фондов.⁸⁶

Потерпевший в *германском* уголовном процессе, как и обвиняемый, является субъектом уголовного процесса, хотя еще относительно недавно их признавали лишь в качестве истцов. Причем по делам публичного обвинения потерпевший сколько-нибудь серьезной роли не играет. Основные функциональные права потерпевшего: 1) осуществлять уголовное преследование по делам частного обвинения (§ 374 StPO); 2) выступать сообвинителем (наряду с прокурором) по делам дополнительного частного обвинения, где он получает право ходатайствовать о представлении доказательств (§ 395-402 StPO); 3) заявлять гражданский иск (§ 403 StPO); 4) пользоваться услугами адвоката (§ 406f, 406g StPO); 5) знакомиться с материалами дела через своего адвоката (§ 406e StPO); 6) требовать компенсации вреда от государства (§ 1 Закона об оказании помощи жертвам преступлений — BGG).⁸⁷ Кроме того, он обладает важным правом заявить иск о принуждении к исполнению обязательств в том случае, если прокуратура прекратила производство по делу (§ 172ff StPO).⁸⁸ Фактически речь идет о принуждении прокуратуры провести расследование в соответствии с волеизъявлением потерпевшего. Правда, такое производств имеет скорее превентивное (направленное на предупреждение недобросовестности или злоупотреблений прокуратуры), нежели практическое значение.⁸⁹

Во *Франции* потерпевший вправе принять участие в уголовном деле в качестве гражданской стороны (гражданского истца). Для этого законом предусмотрено два способа. Первый заключается в инициировании потерпевшим уголовного дела, когда официальные власти бездействуют или действуют против его интересов (не проводят расследования, не привлекают к рассмотрению, отказывают в возбуждении уголовного преследования перед судом). В таких случаях пострадавший может обратиться в суд лично с ходатайством или

⁸⁶ Там же. С. 237-238, 524-525.

⁸⁷ Официальное сокращенное наименование данного Закона на немецком языке и его перевод приводятся по: *Бойльке В.* Уголовно-процессуальное право ФРГ.

⁸⁸ *Comparative Criminal Procedure*. Р. 145-146; *Жалинский А, Рёрихт А.* Введение в немецкое право. С. 720-721; *Бойльке В.* Уголовно-процессуальное право ФРГ. С. 331-338.

⁸⁹ *Бойльке В.* Уголовно-процессуальное право ФРГ. С. 204-206.

представить письменную жалобу следственному судье с указанием в общих чертах на факты правонарушения и свое положение гражданского истца (ст. 85 СРР). Практически это означает, что жертва преступления своим вмешательством заставляет органы предварительного расследования и суда осуществлять производство по уголовному делу в установленном порядке (вне зависимости от категории уголовного дела). Второй способ состоит в присоединении потерпевшего к публичному иску, которое происходит путем подачи устного или письменного ходатайства на любом этапе уголовного процесса, вплоть до заключительного выступления прокурора на судебных слушаниях (ст. 421 СРР).

Однако в целях предупреждения злоупотребления потерпевшим правом на гражданский иск от него могут потребовать внесения денежного залога и, таким образом, гарантировать возмещение им судебных издержек, если иск будет отклонен.⁹⁰

Функциональные права потерпевшего фактически почти аналогичны правам лиц, привлеченных к рассмотрению (обвиняемых), и их адвокатов. Он может, например, изучать материалы дела, ходатайствовать о продолжении расследования.⁹¹

Потерпевший в уголовном процессе *России* — самостоятельный участник процесса,⁹² правовой статус которого достаточно детально определен законодателем, подобно статусу обвиняемого. В ходе досудебного производства он может: давать показания в защиту своих интересов; представлять доказательства; заявлять ходатайства и отводы; пользоваться услугами адвоката; получать информацию о возбуждении и о прекращении уголовного дела, предъявлении обвинения, приостановлении производства по делу и т. п.; участвовать с разрешения следователя или дознавателя в следственных действиях, производимых по его ходатайству; заявлять гражданский иск; осуществлять иные полномочия (ст. 42 УПК РФ).

Как видно, наибольшими процессуальными возможностями для самостоятельной защиты своих интересов обладают потерпевшие в России, Германии и Франции. Причем особенно выделяется Россия, где потерпевшие имеют широкий круг прав, позволяющий им, в принципе, активно участвовать во всех уголовных делах. В США,

⁹⁰ Для тех потерпевших, которые пользуются услугами адвокатов, залог не требуется.

⁹¹ *Comparative Criminal Procedure*. Р. 72-73.

⁹² Потерпевшим в уголовном процессе России признается не только физическое, но и юридическое лицо.

Англии и Уэльсе права потерпевших весьма ограничены. Однако большого практического значения указанное различие не имеет, так как потерпевшие сравниваемых стран во многих случаях пассивны по причине объективного совпадения их интересов с интересами государственных органов.⁹³

Положение потерпевших относительно государственных органов на досудебном производстве в целом аналогично положению обвиняемых и адвокатов-защитников: они зависимы от полиции и прокуратуры и равны перед судом. В то же время необходимо отметить, что в Германии и Франции потерпевшие являются, подобно государственным органам, автономными центрами принятия процессуальных решений (могут заявить обязательное для исполнения требование провести расследование в случае, если прокуратура прекратила уголовное дело). В принципе, в Англии и Уэльсе в аналогичной ситуации потерпевшие могут принять решение о проведении расследования и уголовном преследовании. Это решение тоже будет автономным, но в отличие от Германии и Франции реально не осуществимым, так как потерпевшие не могут рассчитывать на помощь государства.

Подводя итог, можно сделать следующие выводы:

1) отношения внутри полицейских органов и органов прокуратуры всех сравниваемых стран являются типично иерархическими, отношения внутри судов и адвокатских сообществ — типично одноранговыми;

2) отношения между английскими, американскими и российскими полицейскими органами типично одноранговые, между германскими и французскими — типично иерархические;

3) отношения между американскими и германскими органами прокуратуры типично одноранговые, между английскими, французскими и российскими — типично иерархические;

4) взаимоотношения между полицией и прокуратурой в Англии и Уэльсе типично одноранговые (автономные центры принятия соответствующих решений), в США — одноранговые с некоторыми элементами зависимости полиции от атторнейской службы, в Германии — типично иерархические с полной зависимостью полиции от прокуратуры, во Франции и России — иерархические с некоторыми элементами полицейской автономии; взаимоотношения между французской прокуратурой и судебными следственными органами преимущественно одноранговые;

⁹³ См. об этом применительно к России: *Танцерева М. Е., Стойко Н. Г.* Потерпевший и его функция в российском уголовном процессе. С. 67-74.

5) взаимоотношения адвокатов-защитников и их подзащитных с полицией и прокуратурой во всех сравниваемых странах характеризуются неравенством в отношении друг друга (первые зависят от вторых в плане достижения желаемого результата и не принимают автономных значимых решений) и равенством перед судом;

6) потерпевшие всех рассматриваемых стран в целом зависят от органов полиции и прокуратуры, не равны им, но равны перед судом.

Таким образом, если оценивать досудебное производство сравниваемых стран во всех трех выделенных нами аспектах, нельзя назвать ни одной страны, где такое производство было бы безусловно одноранговой или безусловно иерархической системой. Вместе с тем, принимая во внимание только первых два аспекта, такой водораздел прослеживается более или менее четко: преимущественно одноранговыми являются английская и американская системы (с элементами иерархических отношений), преимущественно иерархическими — германская, французская и российская (с элементами одноранговых отношений). Однако, принимая во внимание только третий аспект, можно однозначно сказать, что все системы досудебного производства являются иерархическими с явно выраженным неравенством процессуальных возможностей негосударственных участников перед правоохранительными органами государства. Но в таком случае возникает вопрос, почему в третьем аспекте характеристика досудебного производства оказывается общей, в то время как в двух других существенно отличается по странам? Ведь по общей логике и в третьем аспекте должно быть аналогичное различие, корреспондирующее распространенному в литературе делению на состязательный процесс англосаксонского типа и смешанный процесс континентально-правового типа. Объяснение этому может быть только таким:

1) отнесение досудебного производства англосаксонского типа к одноранговому, а континентально-правового типа — к иерархическому следует рассматривать как деление только по способу организации, соорганизации и процессуального взаимодействия правоохранительных органов;

2) деление на состязательный и смешанный процесс по критерию равенства сторон (государственных и негосударственных участников) на всех этапах производства по делу и неравенства только на досудебном этапе не существует;

3) природа досудебного производства едина для всех типов процесса.

§ 2. Функции основных участников уголовного процесса западных государств и России в судебном производстве

Несомненно, что отношения судей между собой определяются принципом независимости. Формально это проистекает из особого статуса и характера судебной власти вообще, не допускающей деления судей на начальников и подчиненных; неформально объясняется авторитетом судебной власти в глазах населения. В этом смысле отношения между судьями являются только одноранговыми. Тем не менее факт существования нижестоящих и вышестоящих судов, разумеется, влияет и на их взаимоотношения (на неформальном уровне): руководящее положение высших судов очевидно. Однако отношение судей к вышестоящим коллегам как к руководителям характерно, скорее, для континентальной правовой системы, нежели для англосаксонской.

Для *Англии и Уэльса* это объясняется отсутствием свободы обжалования судебных решений (приговоры магистратских судов, как правило, не обжалуются вообще, а вердикты Суда Короны — по решению самих судей этого суда) и фактическим равенством положения судей. Неслучайно ранее (до конституционной реформы)⁹⁴ Верховным Судом в Англии и Уэльсе условно называли Апелляционный Суд, Высокий Суд и Суд Короны в совокупности. Дело в том, что к проверке апелляций в Апелляционном Суде (в его Отделении по уголовным делам) привлекаются судьи Высокого Суда, в Высоком Суде участвуют некоторые высокопоставленные члены Апелляционного Суда, а члены Высокого Суда (его Отделения королевской скамьи) постоянно делегируются в так называемые присутствия Суда Короны для рассмотрения дел с участием присяжных, а также назначаются для исполнения организационных обязанностей в качестве судей — председателей судебных округов (по два в каждый), отвечающих за эффективность работы судей (присутствий),⁹⁵ причем судьи Суда Короны могут заседать практически в любом из существующих 93 присутствий. Как подчеркивается в английской литературе, следует «помнить, что Суд Короны — один для всей страны,

⁹⁴ В 2005 г. был принят Акт о конституционной реформе, в соответствии с которым Суд Палаты Лордов был упразднен и вместо него учрежден Верховный Суд. См. подробнее: *Конституции зарубежных государств...* С. 12, 34-38.

⁹⁵ *Гуценко К. Ф., Головкин Л. В., Филимонов Б. А.* Уголовный процесс западных государств. С. 75-76.

что не существует судов короны».⁹⁶ Кроме того, широко распространено мнение, что профессии судьи не существует, поскольку судьи назначаются из числа опытных юристов.⁹⁷ Иначе говоря, выбор судьи определяется не главой государства и/или правительством, не результатом экзаменационных испытаний (они приемлемы, но не играют решающей роли), а, главным образом, наличием профессионального опыта, подтвержденного многолетней практикой. В отличие от Германии, Франции и России (где судьей может быть молодой, начинающий юрист) английский судья — это человек, достигший вершины юридической карьеры. Вот почему, как отмечает М. Дельмас-Марти, выражение «маленький судья», используемое иногда во Франции, полностью исключено в Англии и Уэльсе.⁹⁸ Такая ситуация (в сочетании с пожизненным назначением на должность, единообразием статуса всех высших судей, примерно одинаковым уровнем заработной платы, отсутствием прямой связи между продвижением по службе и трудовым стажем) позволила некоторым авторам сделать вывод об отсутствии отношений подчиненности (иерархии) в судебной системе Англии и Уэльса (или даже об отсутствии единой судебной системы).⁹⁹

Помимо сказанного, судебская автономия в Англии и Уэльсе усиливается и необычно широким привлечением к отправлению правосудия народных представителей — присяжных и магистратов.

Суды короны — это суды с участием присяжных, которые рассматривают вопросы факта, выносят вердикт о виновности или невиновности ответчика (подсудимого) и никак не влияют на вынесение приговора (решение о назначении наказания). Свои решения присяжные принимают путем голосования по результатам тайного обсуждения поставленных перед ними вопросов. Получение или

⁹⁶ Уолкер Р. Английская судебная система. С. 225.

⁹⁷ Об особенностях английской системы отбора и назначения судей, а также о месте судей в структуре юридической профессии см., напр.: Апарова Т. В. Суды и судебный процесс Великобритании. Англия, Уэльс, Шотландия. М., 1996. С. 24-36; Осаке К. Сравнительное правоведение в схемах. С. 84.

⁹⁸ Уголовная юстиция: проблемы международного сотрудничества: Международный научно-исследовательский проект. М., 1994. С. 35 (автор материала — М. Дельмас-Марти).

⁹⁹ Ллойд Д. Идея права. С. 296; Damaska M. R. Structures of Authority and Comparative Criminal Procedure// Yale Law Journal. 1975. № 84. Р. 480; Йорг Н., Фильд С, Брантс К. Происходит ли сближение следственной и процессуальной систем? С. 1-3; Романов А. К. Правовая система Англии. С. 243-244. — См. также разд. 8 Закона о судебных нарушениях 1981 г.

разглашение информации о ходе таких обсуждений, равно как и угроза применения или реальное причинение вреда присяжным, является преступлением.

Присяжными могут быть любые лица в возрасте от 18 до 65 лет, имеющие избирательное право. Они отбираются случайным образом из официального списка избирателей, проживающих в зоне юрисдикции суда, и вызываются в суд. Быть присяжным — обязанность, уклонение от которой без уважительных причин считается преступлением. Не могут быть присяжными те, кого обвинили в серьезном преступлении или кого отпустили на поруки в ходе судебного разбирательства (разд. 40 СЖРОА). Освобождаются от участия в составе присяжных некоторые категории работников (медики, юристы и т. п.), верующие, если их вера не позволяет им участвовать в суде (разд. 41, 42 СЖРОА, Приложение 1 к Закону о присяжных судах 1974 г.).

Присяжные пассивны в ходе судебных слушаний и независимы от судьи в принятии решений.¹⁰⁰

Магистратские судьи (магистраты) по своему положению сходны с присяжными. Однако их ответственность распространяется не только на вопросы факта, но и права. Как правило, они назначаются на должность лордом-канцлером и являются неоплачиваемыми судьями. Правда, в последнее время в Англии и Уэльсе растет количество оплачиваемых магистратов, которые имеют юридическое образование.

Тот факт, что непрофессиональные судьи-магистраты рассматривают большинство уголовных дел (включая дела о преступлениях средней тяжести), удивителен, но не нужно забывать, что в работе им помогает судебный клерк — опытный солиситор. Будучи независимыми от должностных лиц, осуществляющих организационное управление судами, клерки фактически являются достаточно важными участниками судопроизводства, от которых во многом зависит, какое решение примут магистраты.¹⁰¹

В США ситуация несколько иная. Руководящее положение (не формальное) судей вышестоящих судов (как федеральных, так и штатов) очевидно. Конечно, речь идет о неформальном положении, не выражающемся в возникновении неофициальной субординации.

¹⁰⁰ См. подробнее о положении и функциях присяжных: *Романов А. К.* Правовая система Англии. С. 300-307.

¹⁰¹ См. об этом: *Апарова Т. В.* Суды и судебный процесс Великобритании. Англия, Уэльс, Шотландия. С. 49-50; *Гуценко К. Ф.* Головки Л. В., *Филимонов Б. А.* Уголовный процесс западных государств. С. 82-83; 144.

Однако в некоторых случаях можно говорить о вполне формализованных субординационных связях. Так, федеральные магистраты (магистратские судьи) являются официальными служащими (юристами-профессионалами) в окружных судах, назначаются на должность путем голосования судей этих судов (§ 631 Свода законов США, титул 28 — 28 U.S.C., § 631)¹⁰² и должны подчиняться им (за исключением отправления правосудия). Более того, процесс приобретения судейского статуса здесь политизирован. Во многих штатах судьи избираются из числа кандидатов, выдвинутых политическими партиями. Однако, несмотря на порой достаточно острую критику подобной системы («...выборы судей — фарс и обман общественности»),¹⁰³ американские исследователи почти единодушно отмечают, что она почему-то не подрывает судейскую независимость. Как отмечает, например, Д. Карлен, в США много компетентных, хороших, даже выдающихся судей, но «не благодаря, а вопреки американским методам их избрания».¹⁰⁴ По-видимому, внутренняя независимость американского судьи (как и английского) определяется его принадлежностью к числу высокопрофессиональных юристов еще до избрания на должность, а также давними корпоративными традициями и этическими стандартами судейского сообщества, считающего себя независимым от какой-либо политической власти и способного отделять справедливость от несправедливости правовым образом (как в жизни, так и в суде).

Одной из гарантий независимости, американских судей (как и английских) являются присяжные. Присяжные (суд присяжных как форма участия граждан в отпращивании правосудия) занимают традиционно особое место в американском правосудии. Право на суд присяжных является фундаментальным конституционным правом (ст. III, поправка VI Конституции США), одним из признаков надлежащей правовой процедуры (поправка XIV Конституции США) и американской демократии вообще.¹⁰⁵

¹⁰² U.S.C. — United States Codes. Наименование и перевод являются общепотребными и приводятся по работам: *Гуценко К. Ф., Головки Л. В., Филимонов Б. А.* Уголовный процесс западных государств. С. 175; *Стойко Н. Г., Никитин Г. А.* Уголовный процесс в США: Защита личных прав и свобод. С. 119.

¹⁰³ *Карлен Д.* Американские суды: Система и персонал: Организация правосудия в США. М., 1972. С. 44.

¹⁰⁴ Там же. С. 52.

¹⁰⁵ *Мишин А. А., Власихин В. А.* Конституция США: Политико-правовой комментарий. С. 254-258.

Сказанное не означает, что только английские и американские судьи имеют надлежащие гарантии их независимости.

Уголовное правосудие в *Германии* осуществляется профессиональными судьями и шеффенами (непрофессиональными судьями или судебными заседателями; § 22, 31 I StPO).¹⁰⁶

Профессиональные судьи занимают свою должность пожизненно. Судьи Федерального Верховного суда назначаются президентом по предложению федерального министра юстиции и Комиссии по выборам (министры юстиции земель и 16 членов, избираемых Бундестагом), судьи земель — премьер-министром земли или министром юстиции (по-разному в различных землях). Причем обычно требуется одобрение правительства земли, а в некоторых случаях — предварительные выборы кандидата особой комиссией, состоящей из депутатов земельного законодательного органа и представителей судейского и адвокатского сословий. Перевод в другой суд или отставка судьи возможны только на добровольных началах или в особо оговоренных законом случаях по решению суда (ибо они подчиняются только закону — § 1 ст. 97 GG).¹⁰⁷

Участие шеффенов в разрешении уголовных дел считается почетной обязанностью, с помощью которой граждане оказывают влияние на практику отправления правосудия. В пределах судебного разбирательства они имеют права и несут обязанности наравне с профессиональными судьями (за исключением организационных вопросов), принимая совместно с ними все решения по делу (в том числе о виновности подсудимого и его наказании, что означает отсутствие в Германии «классического» суда присяжных).¹⁰⁸ Правда, фактически роль шеффенов весьма невелика в силу высокого и подавляющего для них авторитета профессионального судьи. Тем не менее они способствуют усилению судейской независимости.

Во *Франции* все судьи назначаются на должность декретом Президента Республики и несменяемы. Назначения производятся по предварительному заключению или предложению Высшего совета магистратуры (точнее, его отделения, ответственного за магистратов судов), возглавляемого Президентом Республики и действующего в составе шести магистратов, одного государственного советника,

¹⁰⁶ См. об этом, напр.: *Судебная система России*. С. 288-289.

¹⁰⁷ *Судебные системы европейских стран*. С. 75.

¹⁰⁸ Там же. С. 81.

трех лиц, назначенных главой государства, и председателей Сената и Национального собрания Франции.¹⁰⁹

Как и в Германии, судов присяжных во Франции нет, хотя в прошлом они были. В настоящее время народные представители заседают в так называемом суде ассизов. В его составе действуют как профессиональные, так и не профессиональные судьи, совместно решающие вопросы виновности и наказания.

В России федеральные судьи назначаются на должность Президентом РФ по представлению Председателя Верховного Суда РФ из числа кандидатов, удовлетворяющих определенным требованиям, по рекомендации квалификационной коллегии судей. Их статус является единым и защищается гарантиями независимости и несменяемости судей (ст. 83, 121, 122 Конституции РФ, ст. 11, 14, 16 Федерального закона «О статусе судей»). Мировые судьи назначаются (избираются) на должность законодательным органом субъекта Федерации или избираются населением в порядке, установленном законом субъекта Федерации (ст. 6 Федерального закона «О мировых судьях»). Граждане отправляют правосудие в составе судов присяжных, подобных английским и американским судам присяжных.

Итак, отношения внутри судов всех рассматриваемых стран в отличие от полиции и прокуратуры характеризуются типичной одноранговостью (в силу высокой степени автономизации функции правосудия: судьи независимы друг от друга и от кого бы то ни было в каждом случае разрешения ими уголовных дел). При этом между судьями нижестоящих и вышестоящих судов на неформальном уровне возникает некоторое подобие субординации: более или менее выраженное в Германии, Франции и России, почти не выраженное или незначительно выраженное в США, Англии и Уэльсе.

Судебные системы сравниваемых стран, в принципе, являются организационно едиными, за исключением США (с существенными оговорками). Разумеется, речь идет о наличии звеньев и инстанций.

Французские суды (суды общей юрисдикции) представляют собой единую иерархическую систему, в которую входят трибуналы малой инстанции (при разрешении уголовных дел именуются полицейскими судами), трибуналы большой инстанции (при разрешении уголовных дел именуются исправительными судами), апелляционные суды и суды ассизов, Кассационный суд Франции. Полицейские

¹⁰⁹ О порядке назначения судей см.: Там же. С. 288-289; *Гуценко К. Ф., Головкин Л. В., Филимонов Б. А.* Уголовный процесс западных государств. С. 304.

(всего 476, по числу округов) и исправительные суды (всего 186, по числу департаментов) рассматривают дела только по первой инстанции (различия в подсудности), апелляционные суды (всего 35) и Кассационный суд — только по второй инстанции. Причем апелляционные суды пересматривают дела нижестоящих судов по существу, а Кассационный суд — с передачей дела на новое рассмотрение. То есть в составе судебной системы есть два автономных по отношению друг к другу (в инстанционном смысле) низовых звена (полицейские и исправительные суды). Тем не менее наличие общих для них вышестоящих инстанций делает их частью единой системы.

Что касается судов ассизов (всего образовано 102 суда), то это весьма специфический орган правосудия. Строго говоря, он не является звеном судебной системы, так как работает не на постоянной основе и относительно автономно от других судов (хотя и при их организационной поддержке). Этот суд созывается и формируется всякий раз по мере накопления уголовных дел (обычно ежеквартально). В его составе действуют как профессиональные (председатель и два ассессора), так и непрофессиональные судьи (жюри из девяти граждан), совместно решающие вопросы виновности и наказания. Причем профессиональные судьи привлекаются из числа членов апелляционных или исправительных судов (ст. 244, 250 СРР), а непрофессиональные отбираются из числа граждан в особом порядке (ст. 250-267 СРР).

Суды ассизов рассматривают дела о преступлениях (наиболее тяжких нарушениях уголовного закона) по первой инстанции и в апелляционном порядке (в другом суде ассизов в составе трех профессиональных судей и двенадцати непрофессиональных членов жюри).¹¹⁰

Суды в *Германии*, рассматривающие уголовные дела, относятся к судам общей юрисдикции.¹¹¹ Они представляют собой вертикально интегрированную систему,¹¹² возглавляемую Федеральным Верховным

¹¹⁰ Стороны могут договориться о меньшем составе жюри. Кроме того, по некоторым категориям уголовных дел (ишонаж, терроризм, незаконный оборот наркотиков и т. п.) суд ассизов является полностью профессиональным и действует в составе председателя и шести ассессоров.

¹¹¹ Это суды, в компетенцию которых входит разрешение уголовных и гражданских дел. Наряду с данными судами существуют административные, финансовые суды, суды по разрешению трудовых споров и суды по социальным вопросам. См. об этом: *Судебные системы европейских стран*. С. 73.

¹¹² О централизованном характере немецкой судебной системы см.: *Судебная система России*. С. 278-280.

Судом и состоящую из 706 участковых (местных) судов, 116 земельных (окружных) судов и 24 высших земельных судов.¹¹³ Подобный характер интеграции объясняется тем, что судебная власть независима ни от федерации, ни от земель и принадлежит только судьям (ст. 92, § 1 ст. 97 GG).

Германские суды могут выступать в качестве судов первой инстанции (разрешать уголовные дела) и судов второй инстанции (пересматривать приговоры нижестоящих судов). Судом первой инстанции являются все суды, второй — земельные и выше.¹¹⁴

Судебная система США в отличие от германской и французской не является единой. В силу принципов федерализации (правового дуализма) и муниципализации она образована на трех автономных уровнях.¹¹⁵ Тем не менее степень децентрализации американской судебной системы значительно ниже, чем децентрализация полицейской и прокурорской систем.

Федеральная судебная система состоит из судов общей юрисдикции и специализированных судов (военные суды, образующие автономную систему, которую мы здесь не рассматриваем). Это иерархическая система, включающая в себя федеральные магистраты (магистратские судьи), окружные (районные) суды, апелляционные суды и Верховный Суд США.¹¹⁶

Федеральные магистраты выступают в качестве судов первой инстанции. Окружные суды действуют в 94 судебных округах как суды первой и второй (по отношению к магистратам) инстанции (пересматривают дела по существу в апелляционном порядке). Апелляционные суды являются вышестоящими по отношению к районным судам. Они расположены на территории соответствующего судебного округа (всего 12 округов, включающих территорию нескольких штатов; 28 U.S.C., § 41—48) и действуют только в качестве

¹¹³ Бавария как самая крупная земля Германии имеет еще один суд — Верховный суд Баварии. См. об этом: *Судебные системы европейских стран*. С. 74; *Бойльке В.* Уголовно-процессуальное право ФРГ. Красноярск, 2004. С. 47; и др.

¹¹⁴ См. об этом: *Бойльке В.* Уголовно-процессуальное право ФРГ. С. 44–45.

¹¹⁵ *Карлен Д.* Американские суды: Система и персонал: Организация правосудия в США. С. 26.

¹¹⁶ Там же. С. 22–29; *Харелл М. Э., Андерсон Б.* Равное правосудие на основе закона. Верховный суд в жизни Америки. М., 1995. С. 101–103; *Филиппов С. В.* Судебная система США. С. 44–112; *Мишин А. А., Власихин В. А.* Конституция США: Политико-правовой комментарий. С. 114–122; *Боботов С. В., Жигачев И. Ю.* Введение в правовую систему США. С. 156–161. — Об истории формирования судебной власти в США см. подробнее: *Становление американского государства* / Отв. ред. А. А. Фурсенко. СПб., 1992. С. 252–274.

второй инстанции (пересматривают дела по существу в порядке неформальных слушаний). Верховный Суд США выступает в качестве суда второй инстанции по отношению к федеральным районным и апелляционным судам (28 U.S.C., § 1253, 1254).

Особым органом федеральной судебной власти, независимым от других судов, считается Федеральная комиссия по назначению наказаний (28 U.S.C., § 991). Она состоит из председателя комиссии, трех вице-председателей и трех членов, назначаемых на должность Президентом США (сроком на шесть лет) с согласия Сената Конгресса США после широких консультаций с представителями юридического сословия и гражданского населения. Как минимум трое из перечисленных должностных лиц должны обладать опытом судейской работы. В состав Комиссии входит также Генеральный Акторней США (или назначенное им лицо), но без права решающего голоса. Основные ее функции — выработка единых стандартов назначения наказаний, обязательных для применения всеми федеральными судьями (Федеральное руководство по назначению наказаний), их периодическое уточнение и изменение с учетом судебной практики, комментирование и конкретизация в правилах и инструкциях и, таким образом, проведение в жизнь единой политики вынесения приговоров, соответствующей принципам справедливости (наказание должно в максимальной степени учитывать тяжесть преступления, одинаковые преступления должны влечь за собой одинаковые наказания).¹¹⁷

Обязательность устанавливаемых этой комиссией стандартов в таком важном для правосудия вопросе, как определение меры наказания, ставит ее в положение органа, стоящего, по сути, над всей федеральной судебной системой и вместе с тем подчиненной прямым указаниям Конгресса США, оформляемым в виде законов. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что Федеральная комиссия по назначению наказаний обладает фактически административными полномочиями в отношении судей и ограничена в принятии своих решений законодателем. Централизирующая роль этого, по сути, квазисудебного органа очевидна.

Каждый американский штат имеет свою собственную судебную систему, которая включает в себя суды ограниченной юрисдикции,

¹¹⁷ См. о деятельности этой комиссии: *Гуценко К. Ф., Головкин Л. В., Филимонов Б. А.* Уголовный процесс западных государств. С. 191-192; *Кристи Н.* Борьба с преступностью как индустрия. Вперед к Гулагу западного образца? М., 1999. С. 131-138.

§ 2. Функции участников уголовного процесса в судебном производстве

суды общей юрисдикции, апелляционные суды (промежуточная инстанция, существующая в большинстве штатов) и высшие (верховные) суды.¹¹⁸

Суды ограниченной юрисдикции (имеющие различные наименования) образованы на муниципальном уровне и потому чаще всего автономны. Они рассматривают дела о малозначительных преступлениях и проступках, а также выполняют иные функции, сходные с функциями федеральных магистратов.

Остальные суды являются судами штатов. Подобно федеральным судам, это иерархическая система. Суды общей юрисдикции (именуемые по-разному) разрешают уголовные дела об опасных преступлениях и пересматривают решения судов с ограниченной юрисдикцией, проверяют их законность и обоснованность. В свою очередь апелляционные суды проверяют законность и обоснованность приговоров и других решений судов общей юрисдикции, а высшие (верховные) суды занимают в судебной системе штата положение, аналогичное Верховному Суду США (в отношении федеральных судов). Иначе говоря, судебная система штатов фактически включает в себя суды муниципального уровня.

Следует отметить также, что Верховный Суд США является высшей судебной инстанцией всей страны. Он вправе пересматривать не только решения федеральных судов, но и высших (верховных) судов штатов (28 U.S.C., § 1257). Тем самым две параллельные судебные системы (штатов и федерации) оказываются соподчиненными. К тому же решения Верховного Суда США носят прецедентный характер и обязательны для любого суда. Сказанное означает, что практически в США существуют две судебные иерархии, объединяющие в себе три уровня организации судебной власти и имеющие одну высшую инстанцию.

Английская судебная система состоит, как уже было отмечено, из Верховного Суда, Апелляционного Суда, Высокого Суда, Суда Короны и магистратских судов."¹¹⁹ Магистратские суды и Суд Короны

¹¹⁸ Боботов С. Б., Жигачев И. Ю. Введение в правовую систему США. С. 161-167.

¹¹⁹ Об организации и системе английских судов см.: Гуценко К. Ф., Головкин Л. В., Филимонов Б. А. *Уголовный процесс западных государств*. С. 72-84; Судебные системы европейских стран; Справочник. М., 2002. С. 34-39; Стойко Н. Г., Шагинян А. С. *Уголовный процесс Англии и Уэльса, Бельгии и Дании: сравнительно-правовой аспект*. С. 9-11; Романов А. К. *Правовая система Англии*. С. 246-263; *Criminal procedure systems in the European Community*. P. 77-80.

(совокупность судов присяжных) считаются нижестоящими судами. Они рассматривают уголовные дела, отнесенные к их ведению, по первой инстанции. В некоторых случаях Суд Короны пересматривает дела магистратских судов. Аналогичным полномочием (только по вопросам права, но не факта) в отношении решений магистратских судов и Суда Короны обладает Высокий Суд (апелляционное присутствие его Отделения королевской скамьи). Апелляционный Суд (его Уголовное отделение) пересматривает решения (приговоры и вердикты о виновности) Суда Короны. Высшей апелляционной инстанцией является Верховный Суд, осуществляющий свою функцию только по делам особой общественной значимости.

Следовательно, формально—это иерархическая система. Однако, учитывая, в частности, отмеченное выше отсутствие свободы обжалования, назвать эту систему типичной судебной иерархией сложно.

Российская судебная система, как французская и германская, является иерархической. Суды, рассматривающие уголовные дела, обладают четко выраженной звенностью и инстанционностью. К ним относятся мировые судьи, районные (городские) суды, суды субъектов федерации (областные, краевые и т. п.) и Верховный Суд РФ. Мировые судьи являются судами первой инстанции, а все остальные — первой и второй инстанции (пересматривают решения нижестоящих судов в определенном порядке).¹²⁰

Таким образом, типично иерархическими судебными системами являются судебные системы Германии, Франции и России. Судебная система США децентрализована, включает в себя два относительно автономных уровня, организованных по принципу иерархии и соподчиненных в единую систему Верховным Судом — высшей судебной инстанцией страны. Английская судебная система децентрализована и не обладает четко выраженной иерархией. Единство достигается за счет отношений координации и возможности пересмотра вышестоящими судами приговоров нижестоящих судов, а также прецедентов.

В ходе судебного производства суды взаимодействуют с прокуратурой, обвиняемыми, их адвокатами-защитниками и потерпевшими. В силу особенностей судебной процедуры это взаимодействие предполагает, как правило, их совместное функционирование, а иногда и принятие совместных решений. Поэтому целесообразнее будет рассмотреть вопрос об их процессуальной автономии и/или зависимости не отдельно по каждому из них, а вместе, тем более что единственной

¹²⁰ См. подробнее: *Коряковцев В. В.* Правоохранительные органы РФ. С. 54-56.

властной структурой в судебном производстве является суд. При этом мы будем исходить из существования в судебном производстве пяти основных сфер ответственности, которые, в принципе, могут быть разделены. Четыре из них связаны с принятием наиболее важных решений (о разрешении дел по существу, обжаловании, пересмотре судебных решений, признании вины), пятая — с наиболее важной деятельностью (исследованием доказательств).

В *Англии и Уэльсе* служба уголовных преследований выполняет три основные функции в судебном производстве: инициирует и ведет переговоры о признании вины; представляет интересы государственного обвинения в суде (п. 6.1 Кодекса уголовных преследователей); обжалует судебные решения в интересах обвинения.

Особой функцией Королевской службы уголовных преследований является апелляция (обжалование) решений Суда Короны и магистратского суда. Наличие этой функции у органов обвинения не всегда признавалось необходимым, а ее осуществление отличается заметной спецификой. Дело заключается в том, что обжалование оправдательных вердиктов или приговоров ввиду мягкости наказания в Англии и Уэльсе никогда не допускалось. Тем не менее в настоящее время реально служба преследований обладает несколькими возможностями для обжалования судебных решений (почти исключительно Суда Короны) в интересах обвинения или закона: 1) обращение в Апелляционный суд с требованием выдачи приказа *venire de novo*, который приводит к аннулированию результатов судебного разбирательства и допускает возможность нового уголовного преследования (основание — существенное нарушение процессуального закона, выразившееся, например, в ненадлежащем статусе профессионального судьи или принуждении обвиняемого к даче признательных показаний в полиции, если оно повлекло за собой обвинительный приговор); 2) обращение в Апелляционный суд с жалобой на неоправданно мягкий приговор, которое не может повлечь за собой отмену оправдательного вердикта, но позволяет создать правило (прецедент) на будущее (разд. 36 Закона об уголовной юстиции 1988 г.); 3) обращение в Верховный Суд (без цели изменения или отмены судебного решения), если Апелляционный суд подтверждает, что обжалуемое решение включает в себя вопрос права общегосударственного значения (разд. 33 Закона об апелляции по уголовным делам 1968 г.); 4) обращение в Высокий Суд в целях отмены оправдательного вердикта, которая влечет за собой последствия

аналогичные выдаче приказа *venire de novo* (основание — данные о незаконном воздействии на свидетелей и присяжных).¹²¹

Что касается решений магистратских судов, то по общему правилу органы обвинения не могут их обжаловать в Суд Короны. Исключение составляют дела, направленные в суд должностным лицом таможенного или акцизного ведомства, рассмотрение которых завершилось оправдательным приговором (разд. 283 (4) Закона о таможене и акцизах 1952 г.).¹²²

Функции адвокатов-защитников аналогичны: переговоры о признании вины; исследование доказательств в суде и изложение позиции защиты перед судом; обжалование судебных решений. Совпадают с ними и функции обвиняемых, которые могут сами заявлять ходатайства, признавать себя виновными («снимать» официальное рассмотрение дела), вести перекрестный допрос в суде, вызывать свидетелей, обжаловать судебные решения в вышестоящую инстанцию и т. п.¹²³

Что касается потерпевшего, то, как мы уже отмечали, его роль в процессе крайне ограничена, за исключением того случая, когда он решит осуществлять функции королевского преследователя.

Магистраты (обычно три судьи) уполномочены проверять наличие оснований для рассмотрения дела, подсудного Суду короны (ст. 4-8 Закона о магистратских судах 1980 г., п. 3 (А) ст. 44 Закона об уголовных преследованиях и расследованиях 1996 г.); оформлять в качестве судебных доказательств данные, собранные полицией и Королевской службой преследований; решать вопрос о направлении дела «гибридной» (альтернативной) подсудности в суд присяжных или оставлять его у себя (разд. 19 Закона о мировых судьях 1980 г.); передавать дела в Суд Короны (ходатайствовать) для применения меры наказания более строгого, чем они сами могут назначить (штраф более 5 тыс. фунтов, лишение свободы на срок более 6 мес. — разд. 19 (3) Закона о мировых судьях 1980 г.); рассматривать дела в суммарном (упрощенном) порядке (определение позиции обвиняемого по отношению к обвинению, заслушивание сторон и доказательств, решение вопроса о виновности и назначение наказания). Кроме того, магистраты могут заседать в Суде Короны, разрешая вместе с судьями

¹²¹ См. подробнее: *Comparative Criminal Procedure*. P. 204-205; Гуценко К. Ф., Головки Л. В., Филимонов Б. А. Уголовный процесс западных государств. С. 156-158.

¹²² О полномочиях английских органов обвинения см. подробнее: *Criminal procedure systems in the European Community*. P. 80-81; Гуценко К. Ф., Головки Л. В., Филимонов Б. А. Уголовный процесс западных государств. С. 67, 70, 118, 126-127, 137-139, 156-159.

¹²³ *Comparative Criminal Procedure*. P. 209-210.

ходатайства магистратских судов о назначении более строго, чем это входит в их компетенцию, наказания, а также апелляции на приговоры магистратских судов (ст. 74 (1) Закона о Верховном Суде 1981 г.).¹²⁴ Данное полномочие представляется достаточно необычным, но становится вполне объяснимым, если вспомнить о непрофессиональном статусе магистратов. Будучи автономными при рассмотрении уголовных дел своей подсудности, они тесно связаны с Судом Короны отношениями функциональной кооперации.

Судьи короны рассматривают дела по существу единолично с участием 12 присяжных. По наиболее серьезным делам в качестве судей короны могут выступать судьи Высокого Суда. Их функции: 1) определение отношения обвиняемого к обвинению (признает себя виновным или нет); 2) утверждение заявления о признании вины; 3) предварительное рассмотрение письменных материалов сторон; 4) организация формирования скамьи присяжных; 5) заслушивание доводов сторон; 6) руководство судебным слушанием; 7) участие в исследовании доказательств (ограниченное правом вызова свидетелей, правом определять необходимость дальнейшего допроса свидетелей и правом задавать уточняющие вопросы); 8) напутствие присяжным по вопросам вынесения вердикта; 9) организация исследования личности обвиняемого, признанного присяжными виновным; 10) проведение медиации; 11) заслушивание сторон по результатам изучения личности обвиняемого; 12) вынесение приговора (решения о мерс наказания) или приказа о компенсации (в некоторых случаях); 13) выдача разрешения на апелляцию. Функция присяжных — вынесение вердикта о виновности или невиновности по результатам судебного слушания, на котором они присутствовали. В осуществлении своих функций судьи и присяжные автономны. Профессиональные судьи Суда Короны пересматривают решения магистратов совместно с ними (но без участия присяжных).¹²⁵ В этом смысле их отношения носят лишь частично иерархический характер.

Судьи Высокого, Апелляционного и Верховного Судов пересматривают дела коллегиально только в профессиональном составе; порядок пересмотра одинаков для всех судов (включая Суд Короны).

¹²⁴ Ibid. P. 203, 209; Романов А. К. Правовая система Англии. С. 265-267; Гуценко К. Ф., Головки Л. В., Филимонов Б. А. Уголовный процесс западных государств. С. 80-81, 109-113, 123-129.

¹²⁵ Criminal procedure systems in the European Community. P. 91-94; Comparative Criminal Procedure. P. 208-209; Гуценко К. Ф., Головки Л. В., Филимонов Б. А. Уголовный процесс западных государств. С. 129-143.

Их конкретные функции: 1) определение обоснованности апелляции (жалобы) или дача согласия на нее (за исключением Суда Короны, где разрешение не требуется, и случаев, когда разрешение дает Комиссия по пересмотру уголовных дел);¹²⁶ 2) рассмотрение апелляции (заслушивание сторон по вопросам права и/или факта); 3) отклонение апелляции; 4) отмена решения нижестоящего суда (с вынесением своего собственного решения по существу или с передачей дела на новое рассмотрение); 5) аннулирование судебного разбирательства и всех решений по нему.¹²⁷ При принятии решений судьи автономны, их связи с нижестоящими судами являются иерархическими. Исключение составляет Суд Короны, обжалование вердиктов и приговоров которого производится с его собственного разрешения. Отношения вышестоящих судов с ним являются автономными.

Что касается сторон (потерпевшие здесь не играют никакой роли), то, очевидно, что в принятии решений, вести ли переговоры о признании вины, признавать ли себя виновным, отказаться ли от обвинения, обжаловать ли судебное решение, королевские преследователи, обвиняемые и их защитники вполне автономны. Заставить их делать или не делать этого никто не может. Однако в вопросах обжалования они существенно ограничены судебной властью (не все решения можно обжаловать), а в вопросах о вине частично ограничены необходимостью утверждения заявления, сделанного судом. Впрочем, последнее ограничение в данном контексте значения не имеет, поскольку направлено на защиту интересов обвиняемого, не требует оценки доказательств и отражает заинтересованность суда в таком признании. Поэтому в принятии решений о вине они независимы, свободно распоряжаясь своими правами.

Королевские уголовные преследователи, обвиняемые и их защитники в судебном производстве обладают равными процессуальными возможностями. Особенно ярко это проявляется в вопросе о вине и в исследовании доказательств.

¹²⁶ Создана по Закону об апелляции 1995 г. Должна состоять из не менее 11 человек, которые назначаются королевой по представлению премьер-министра из числа юристов (одна треть) и других лиц, имеющих знания и опыт в области уголовной юстиции. См. подробнее: *Гуценко К. Ф., Головки Л. В., Филимонов Б. А.* Уголовный процесс западных государств. С. 153-154.

¹²⁷ *Гуценко К. Ф., Головки Л. В., Филимонов Б. А.* Уголовный процесс западных государств. С. 154-156; *Стойко Н. Г., Шагинян А. С.* Уголовный процесс Англии и Уэльса, Бельгии и Дании. С. 67-69; *Criminal procedure systems in the European Community*. P. 100-102; *Comparative Criminal Procedure*. P. 204-205.

При доказывании неформальное влияние судьи возможно (что связано с его организационными полномочиями и определенной степенью участия в исследовании доказательств), но оно практически минимизировано беспристрастностью как самого судьи, так и присяжных или магистратов. В этой области равенство сторон, их независимость, автономность друг от друга носит действительный, а не декларативный характер. Сказанное не означает, что здесь не может возникнуть никаких проблем. Дело заключается в том, что судья может фактически принудить обвиняемого к даче показаний, вопреки широко признаваемому праву хранить молчание, связанному с привилегией против самообвинения. В определенных случаях судья может прийти к выводу, что обвиняемый должен отвечать ради собственной безопасности (например, в силу того, что обвинитель не располагает достаточными доказательствами, а присяжные могут ошибиться), т. е. представить доказательства в свою защиту, дать объяснения. Если он (обвиняемый) откажется давать показания или его объяснения окажутся неудовлетворительными, то присяжным будет разрешено учесть данное обстоятельство при вынесении вердикта и сделать неблагоприятный для него вывод. Вот почему обвиняемые чаще всего соглашаются говорить и дают показания в качестве свидетелей под присягой или объяснения в прежнем качестве без присяги.¹²⁸ Как совершенно справедливо отмечает В. З. Лукашевич, подобный «переход обязанности доказывания на обвиняемого имеет совершенно определенный смысл, который сводится к тому, что этот переход осуществляется тогда, когда обвинение не доказано целиком и полностью...».¹²⁹ Конечно, хотя данная ситуация и не противоречит «классической» состязательности, она чревата вынесением несправедливого вердикта. Ведь гарантией от незаслуженного привлечения к уголовной ответственности здесь выступают лишь искусная защита и беспристрастность судей. Вот почему, по-видимому, стала допускаться отмеченная нами в § 1 предыдущей главы следственная активность профессиональных судей (правда, очень ограниченная).

¹²⁸ См. подробнее критическую оценку подобной практики: Лукашевич В. З.

1) Гарантии прав обвиняемого в советском уголовном процессе. Л., 1959. С. 62-65;

2) Установление уголовной ответственности в советском уголовном процессе. Л., 1985. С. 117-121.

¹²⁹ Лукашевич В. З. Гарантии прав обвиняемых в советском уголовном процессе. С. 62.

Не менее ярко выражено и более значимо их равенство в вопросе о вине, которым они свободно распоряжаются, взаимно ограничивая друг друга лишь в переговорах. Ведь это считается самой отличительной чертой англосаксонского процесса. Тем не менее именно здесь и возникает определенное неравенство. Разумеется, признать себя виновным обвиняемый может и не вступая в переговоры с обвинителем; он может свободно заявить и о своей невиновности. В то же время обвинитель обладает достаточно тонкими способами влияния в этом вопросе. Например, по делу об альтернативной подсудности обвиняемый заявляет о своей невиновности, а королевский преследователь хочет добиться признания вины. Тогда он выдвигает обвинение по обвинительному акту и направляет его в Суд Короны, а затем уведомляет обвиняемого о намерении существенно смягчить обвинение, тем самым принуждая его к признанию вины. В таком случае имеет место злоупотребление процессом.¹³⁰ Однако, несмотря на потенциальную опасность подобного поведения обвинителя, не нужно ее преувеличивать. Дело в том, что за этим, по видимому, прослеживается стремление к процессуальной экономии, и обвинители чаще всего (если это допустимо с учетом обстоятельств дела) в одностороннем порядке уменьшают тяжесть обвинения до такой степени, когда дело можно рассматривать лишь в суммарном порядке. Вместе с тем заметим, что, с точки зрения состязательного процесса, позволяющего выиграть дело, подобное решение несправедливо. Ведь оно фактически лишает обвиняемого шансов быть оправданным, хотя и уменьшает риск более сурового приговора. С другой стороны, оно показательно, так как указывает в какой-то мере на стремление обвинителя опираться на факты, а не отдаваться на волю «состязательного случая» или на предпочтение интересов процессуальной экономии интересам состязания по типу «выигрыш — проигрыш».

Итак, взаимоотношения между основными участниками судебного производства в Англии и Уэльсе носят преимущественно одноранговый характер. Магистратские суды и Суд Короны автономны в принятии своих решений, но связаны между собой отношениями функциональной кооперации, в том числе в вопросах обжалования, т. е. являются одноранговыми структурами. Разрешение дела по существу в Суде Короны функционально разделено на два автономных решения: вердикт присяжных (вопросы факта) и приговор суда

¹³⁰ См. об этом: *Ashworth A. The Criminal Process. An Evaluative Study.* Oxford, 1998. P. 250-255.

(вопросы права). Однако второе решение зависит от первого. Отношения между присяжными и судьей строятся на началах координации. В вопросах обжалования своих решений Суд Короны не зависит от сторон и вышестоящих судов. Вышестоящие суды осуществляют только функцию пересмотра уголовных дел без повторного судебного разбирательства. Жалобы рассматриваются с их согласия или разрешения, пересмотр осуществляется независимо от сторон и других судов. Стороны равны перед судом, зависят от него в решении по существу и в решении о пересмотре, но автономны в исследовании доказательств и в вопросе о признании вины, при разрешении которого они могут вступать в отношения кооперации (переговоры). Суд по отношению к ним выступает в роли арбитра, разрешающего спор или утверждающего заявление о признании вины, и координатора их деятельности. При этом он может оказывать на них ограниченное влияние в ходе судебных слушаний путем участия в исследовании доказательств. Процессуальные возможности сторон одинаковы. Однако сторона обвинения способна оказывать неформальное влияние на сторону защиты в вопросе о признании вины.

Таким образом, в английском судебном производстве можно говорить обо всех пяти выделенных нами сферах ответственности: разрешение дел по существу, обжалование, пересмотр судебных решений, признание вины и исследование доказательств. В первой из них два автономных центра (магистраты и Суд Короны), во второй — один полностью автономный (Суд Короны) и два ограниченных в свободе на обжалование (стороны не могут обжаловать все решения), в третьей — три полностью автономных (Высокий Суд, Апелляционный Суд и Верховный Суд) и один частично автономный (судья короны пересматривает решения магистратов с их участием), в четвертой — два (Королевская служба уголовных преследований и сторона защиты). Пятая сфера — это сфера ответственности равноправных сторон, разрешающих свой спор с помощью суда-арбитра.

В сочетании с высоким уровнем судебской автономии и во многом формальным характером судебной иерархии сказанное явно свидетельствует о том, что судебное производство в Англии и Уэльсе является в целом типично одноранговой системой.

В США ситуация близка к английской, но не во всем.

Обвиняющие атторнеи уполномочены представлять и обосновывать обвинения перед большим жюри, заключать сделку с обвиняемым

о признании вины, поддерживать обвинения в суде, обжаловать обвинительные приговоры.¹³¹

Долг американского адвоката в суде — «выиграть дело или добиться наилучшего постановления в виде мягкого приговора или выгодной сделки с обвинением». ¹³² Делается это путем: 1) представления и исследования в суде доказательств защиты (равно как и исследования доказательств обвинения); 2) оспаривания доводов обвинения и приведения собственных аргументов; 3) заявления протестов на ведение процесса судьей (редко) и конкретные формулировки вопросов стороны обвинения; 4) представления данных о личности обвиняемого и соображений по поводу целесообразной меры наказания; 5) обжалования приговоров или иных решений суда в вышестоящую инстанцию; 6) обращения к суду с мотивированным прошением (просьбой) о признании ответчика (подсудимого) невиновным сразу после исследования доказательств обвинения или после исследования доказательств защиты; 7) участия в переговорах о признании вины.¹³³

Обвиняемый имеет сходные полномочия. Он может заявлять о признании своей вины (заключать сделку с обвиняющим атторнеем); исследовать доказательства в суде (вызывать и допрашивать собственных свидетелей, участвовать в перекрестном допросе свидетелей обвинения и т. п.); обжаловать приговор суда в вышестоящую инстанцию.¹³⁴

Потерпевший, как мы уже говорили, фактически бесправен в американском уголовном процессе. Тем не менее он может представлять собранные им сведения суду, рассчитывать на учет его мнения при разрешении дела в суде и получение информации о движении и результатах рассмотрения дела (например, вынесении приговора, назначении слушаний об условно-досрочном освобождении).¹³⁵

¹³¹ Власихин В. А. Служба обвинения в США: закон и политика. М., 1981. С. 120-142; Николайчик В. М. 1) Уголовный процесс США. С. 83-86; 2) Уголовное правосудие в США. С. 81; Боботов С. В., Жигачев И. Ю. Введение в правовую систему США. С. 175-177; Стойко Н. Г., Семухина О. Б. Уголовный процесс в США. С. 45-55; Гуценко К. Ф., Головки Л. В., Филимонов Б. А. Уголовный процесс западных государств. С. 194, 196-197, 288-289.

¹³² Брайсон У. К. Американское уголовное судопроизводство. С. 179-180.

¹³³ Там же. С. 177-178, 182. — См. также: Николайчик В. М. Уголовный процесс США. С. 87-96; Гуценко К. Ф., Головки Л. В., Филимонов Б. А. Уголовный процесс западных государств. С. 275, 281, 285-287, 289-293.

¹³⁴ Брайсон У. К. Американское уголовное судопроизводство. С. 181, 184.

¹³⁵ Криминология / Под ред. Дж. Ф. Шели. С. 238-241.

Федеральные магистраты, действующие единолично, выполняют две функции в судебном производстве: рассмотрение уголовных дел в порядке суммарного производства (о малозначительных преступлениях); предварительное рассмотрение и участие в подготовке дел к слушанию окружным судом (например, разрешение ходатайств о приобщении доказательств, их истребование и фиксация).¹³⁶ По своему положению они весьма близки английским магистратам: автономны при отправлении правосудия и находятся с вышестоящим судом не только в иерархических отношениях, но и отношениях функциональной кооперации.

Основная функция окружных судов — рассмотрение уголовных дел об опасных преступлениях (как правило, единолично или с участием присяжных по желанию одной из сторон) по первой инстанции (18 U.S.C., § 3231; 28 U.S.C., § 81-144: ознакомление с обвинением и определение отношения к нему обвиняемого; получение разъяснений от лиц, составивших обвинительный акт или жалобу; истребование дополнительных материалов, необходимых для решения вопроса о мере пресечения; прекращение производства по делу и возвращение жалобы при отсутствии достаточных доказательств; содействие сторонам заключить сделку о признании вины; раскрытие и взаимное ознакомление сторон с доказательствами; назначение дела к слушанию и вызов свидетелей; формирование жюри присяжных, руководство исследованием доказательств и инструктирование присяжных перед вынесением вердикта; принятие решения о виновности в случае, если дело рассматривалось без присяжных; отмена обвинительного вердикта присяжных, вынесенного вопреки убедительным или очевидным доказательствам невиновности обвиняемого; предпримоворное исследование личности обвиняемого; определение меры наказания. Кроме того, окружные суды пересматривают дела, разрешенные федеральными магистратами (в апелляционном порядке), пересматривают решения судов штатов в порядке процедуры *habeas corpus* (освобождение из-под ареста), а также участвуют в рассмотрении дел в апелляционных судах,¹³⁷ т. е., как и магистраты, они автономны при разрешении уголовных дел по существу, а также имеют с вышестоящими судами иерархические и кооперационные связи.

¹³⁶ Николайчик В. М. Уголовное правосудие в США. С. 83-84; Гуценко К. Ф., Головкин Л. В., Филимонов Б. А. Уголовный процесс западных государств. С. 188-190, 282-284.

¹³⁷ Карлен Д. Американские суды. С. 27-28; Брайсон У. К. Американская судебная система // Верховенство права: Сборник. М., 1992. С. 116-117; и др.

Основная функция апелляционных судов (обычный их состав — три судьи-профессионала) — это проверка законности и обоснованности судебных решений нижестоящих судов (вступивших и не вступивших в законную силу) путем рассмотрения жалоб сторон на: 1) существенную правовую ошибку, в результате которой пострадали интересы обвиняемого; 2) необоснованность меры наказания; 3) серьезные нарушения закона по делам, разрешенным оправдательным приговором. Эта функция предполагает ознакомление с поданной жалобой и ее обоснованием, проведение неформальных слушаний, принятие решения и его мотивировку в так называемых мнениях судей, т. е. в отличие от окружных судов здесь не предполагается повторного судебного разбирательства. Решение по жалобе возможно в виде ее отклонения, удовлетворения и отмены решения суда нижестоящей инстанции.¹³⁸ Следовательно, апелляционные суды — автономные центры правосудия, связанные с нижестоящими судами, главным образом, иерархически (кооперация возможна с окружными судами).

Верховный Суд США — высшая судебная инстанция, в состав которой входят девять судей, включая председателя (главного судью) (28 U.S.C., § 1). Он действует в коллегиальном порядке. Его основные функции: 1) пересмотр дел в порядке прямой апелляции на решения районных судов в составе трех судей (28 U.S.C., § 1253); 2) пересмотр решений апелляционных судов с дачей указаний (разъяснений) по вопросам права или, в некоторых случаях, с разрешением по существу (28 U.S.C., § 1254); 3) пересмотр решений высших (верховных) судов штатов, вступающих в противоречие с Конституцией США и федеральными законами (28 U.S.C., § 1257); 4) периодическое участие (отдельных судей) в рассмотрении дел апелляционными судами (28 U.S.C., § 42) и районными судами (28 U.S.C., § 132). Реализация функций пересмотра осуществляется путем: рассмотрения соответствующих петиций со стороны заинтересованных лиц об истребовании материалов дела и выдаче приказа об этом; проверки обжалуемых решений и обосновывающих их материалов; заслушивания в пленарных заседаниях устных доводов сторон; вынесения мотивированного постановления, обязательного для всех судов страны.¹³⁹

¹³⁸ Филиппов С. В. Судебная система США. С. 47-58; Николайчук В. М. Уголовное правосудие в США. С. 83-84, 87; Гуценко К. Ф., Головкин Л. В., Филимонов Б. А. Уголовный процесс западных государств. С. 243-245, 250-251, 256-281.

¹³⁹ О Верховном Суде США и его деятельности см.: Карлен Д. Американские суды. С. 29-43; Филиппов С. В. Судебная система США. С. 63-90; Жидков О. А. Верховный суд США: право и политика. М., 1985. С. 89-142; Гуценко К. Ф., Головкин Л. В., Филимонов Б. А. Уголовный процесс западных государств. С. 191, 290-291. — Текст

Высокая степень автономности в принятии решений Верховного Суда США сочетается с его высшим положением в судебной иерархии всей страны и кооперационными связями с апелляционными судами.

Конкретные функциональные характеристики судов штатов практически совпадают с характеристиками федеральных судов, хотя и регулируются уголовно-процессуальным законодательством (кодексами) или судебной практикой штатов не единообразно (различия не принципиальны). Так, в некоторых штатах апелляционные (промежуточные) и высшие суды могут выступать в качестве судов первой инстанции, рассматривая дела особой сложности по существу, в том числе с участием присяжных.¹⁴⁰

Правосудие осуществляется присяжными в двух формах.¹⁴¹

Первая из них связана с функцией утверждения обвинительно-го акта по делам об опасных преступлениях. Для этого в суде первой инстанции (в федеральных судах и в судах некоторых штатов) формируется так называемое большое жюри (обычный состав — от 16 до 23 человек) из числа граждан, включенных в списки присяжных заседателей. Рассмотрение дела проходит в закрытом судебном заседании с участием прокурора и состоит в исследовании доказательств, представленных обвиняющим атторнеем, который, таким образом, получает возможность эффективно контролировать процесс. Причем обвиняемый и его защитник не могут претендовать на исследование собственных доказательств, а в некоторых случаях даже на заявление о своей версии произошедшего события, равно как и на перекрестный допрос свидетелей обвинения или очную ставку с ними. По сути, это превращает процедуру утверждения обвинения в пустую формальность и вызывает сомнения в способности жюри действительно гарантировать «защиту индивидуумов от злоупотребления властью обвинителем».¹⁴² Тем не менее примерно в 3-8 % случаев большое жюри отказывается вынести вердикт о привлечении к уголовной ответственности, что означает невозможность для атторнея продолжить дело против обвиняемого.¹⁴³

Правил Верховного Суда США в переводе на рус. яз. см.: Харчл М. Э., Андерсон Б. Верховный суд в жизни Америки. С. 104-142.

¹⁴⁰ О судебных системах штатов см.: Филиппов С. В. Судебная система США. С. 113-164; Николайчик В. М. Уголовное правосудие в США. С. 100; Гуценко К. Ф., Головки Л. В., Филимонов Б. А. Уголовный процесс западных государств. С. 192-193.

¹⁴¹ Судебная система России: Учебное пособие. М., 2001. С. 305.

¹⁴² Брайсон У. К Американское уголовное судопроизводство. С. 174.

¹⁴³ Гуценко К. Ф., Головки Л. В., Филимонов Б. А. Уголовный процесс западных стран. С. 255. — О деятельности большого жюри см.: Лубенский А. И. Предварительное расследование по законодательству капиталистических государств.

Вторая форма связана с функцией рассмотрения дела по существу судом первой инстанции. Она реализуется коллегией присяжных (обычный состав — 12 человек, но может быть и меньше), формируемой в соответствующем суде с участием сторон, и заключается в вынесении вердикта о виновности или невиновности после исследования доказательств обвинением и защитой. Вердикт выносится самостоятельно в условиях конфиденциальности и должен быть принят единогласно.¹⁴⁴

Как видно, отношения между участниками судебного производства (на каждом уровне судебной системы) в США в основном одноранговые, подобно Англии и Уэльсу. Во многом совпадают и характеристики этих отношений. Однако есть и отличия: 1) американские магистраты связаны с окружными судами отношениями субординации (автономны только при разрешении уголовных дел); 2) нет таких ограничений свободы обжалования, как в Англии и Уэльсе; 3) существует неравенство между стороной обвинения и стороной защиты в большом жюри; 4) нет отдельных судов присяжных (как Суд Короны); 5) только на муниципальном уровне есть магистраты (мировые судьи), подобные английским магистратам, роль которых крайне незначительна; 6) уровень профессионализации американских судов значительно выше (например, федеральные магистраты — только профессионалы, а окружные судьи вправе с согласия обвиняемых рассматривать дела без участия присяжных); 7) предусмотрен пересмотр судебных решений в порядке повторного судебного разбирательства; 8) присяжные менее автономны по отношению к судьям (возможен роспуск коллегии присяжных судей).

Тем не менее в американском судебном судопроизводстве тоже существуют автономные центры принятия решений в отдельных сферах ответственности: в сфере разрешения уголовных дел — два автономных центра принятия решений (магистраты и окружные судьи), иерархически связанные между собой отношениями пересмотра; в сфере обжалования — два (стороны, подача жалоб которыми влечет их принятие к рассмотрению); в сфере пересмотра судебных

С. 66-67; *Николайчик В. М.* Уголовный процесс США. С. 125-132; *Стойко Н. Г., Семухина О. Б.* Уголовный процесс в США. С. 100-111; *Криминология* / Под ред. Дж. Ф. Шели. С. 507. *США: Преступность и политика* / Под ред. Б. С. Никифорова. М., 1972. С. 345.

¹⁴⁴ О рассмотрении дел в суде присяжных см. подробнее: *Николайчик В. М.* Уголовный процесс США. С. 155-208; *Гуценко К. Ф., Головкин Л. В., Филимонов Б. А.* Уголовный процесс западных государств. С. 261-278.

§ 2. Функции участников уголовного процесса в судебном производстве

решений — три на федеральном уровне (окружные суды, апелляционные суды и Верховный Суд США), один или два на уровне штатов (высший суд штата, а в некоторых штатах еще апелляционный суд); в сфере признания вины — два (стороны); в сфере утверждения обвинительного акта — один (большое жюри); в сфере исследования доказательств действуют две автономные стороны и суд-арбитр.

Поскольку сфера признания вины и сфера деятельности оказывают решающее воздействие на все остальные (предопределяют, исключают), то в целом американское судебное производство, как и английское, несмотря на наличие реальной судебной иерархии, следует отнести к одноранговой системе.

В *Германии* взаимоотношения между участниками судебного производства принципиально иные, чем в США, Англии и Уэльсе.¹⁴⁵

Основной функцией прокуратуры в суде считается поддержание обвинения. Эта функция реализуется: принятием мер к получению предметов и письменных материалов при подготовке дела к судебному разбирательству (§214 IV StPO); участием в исследовании доказательств в судебном разбирательстве (постановка вопросов, заявление ходатайств; § 240 II, 244 StPO); выступлением в судебных прениях (§ 258 I StPO); заключением «соглашения» с подсудимым о признании вины; апелляционным и кассационным обжалованием приговоров (§ 296 StPO), а также подачей частной жалобы в интересах защищаемых прав и свобод (§ 304 StPO).

Близким к прокуратуре участником судебного производства считается потерпевший; по делам частного обвинения он фактически замещает прокурора в процессе (§ 374, 380, 390 StPO); по делам дополнительного частного обвинения — выступает сообвинителем, реализуя предоставленные ему права независимо от прокурора. Он может присутствовать на судебном заседании, задавать вопросы, представлять доказательства, обжаловать судебное решение (§ 395-402 StPO). Потерпевший также вправе заявить гражданский иск и участвовать в его рассмотрении (§ 403-406 StPO).

Защитник в ходе судебного производства может участвовать в судебном следствии (например, постановка вопросов подсудимым,

¹⁴⁵ См. подробнее: *Criminal procedure systems in the European Community*. Р. 143; *Comparative Criminal Procedure*. Р. 113-114, 140-141, 144-145; Лубенский А. И. Предварительное расследование по законодательству капиталистических стран. С. 79-83, 111-114; Филимонов Б. А. Защитник в германском уголовном процессе. М., 1997. С. 65-79; Жалинский А., Рёрихт А. Введение в немецкое право. С. 716-721; Бойльке В. Уголовно-процессуальное право ФРГ. С. 63, 82-87, 105-108, 203-204.

свидетелям, экспертам) и судебных прениях (защитительная речь) (§ 145 III, 239, 240 II, 257 II, 258 StPO); просить о приостановлении судебного разбирательства в целях наилучшей подготовки к защите (§ 145 III StPO); договариваться с прокуратурой о признании вины подсудимым; обжаловать процессуальные решения по делу (§ 297 StPO).

Обвиняемый вправе присутствовать в судебном разбирательстве (§ 230 I StPO); ходатайствовать о предоставлении доказательств (§ 244, 245 StPO); задавать вопросы свидетелям и эксперту (§ 240 II StPO); давать объяснения по ходу исследования доказательств (§ 257 I StPO); выступать с последним словом (§ 258 II StPO); обжаловать судебные решения (§ 296 I StPO).

К функциям судов первой инстанции относятся: 1) прекращение процесса по мотивам целесообразности (§ 153 II, 153a StPO); 2) контроль за договоренностью прокуратуры и подсудимого о признании вины; 3) открытие или отклонение открытия судебного разбирательства (§ 203, 204 StPO); 4) допрос подсудимого и исследование доказательств (§ 243-257 StPO); 5) рассмотрение гражданского иска (§ 403 StPO); 6) изменение (при условии предварительного информирования обвиняемого) и дополнение (с согласия обвиняемого) обвинения (при условии предварительного информирования обвиняемого; § 265 I, II, 266 StPO); 7) вынесение приговора (§ 260 I, 263 I, 264, 267, 268 StPO); 8) производство по требованию о принуждении к исполнению обязательств (§ 172 StPO); 9) возобновление производства по вновь открывшимся обстоятельствам (по делу, оконченому вступившим в силу приговором суда; § 359, 362, 364, 366-370 StPO).¹⁴⁶

Конкретными функциями (основными) суда второй инстанции являются: 1) принятие апелляционной жалобы на приговор нижестоящего суда, проверка ее допустимости и фактических оснований, повторное исследование доказательств в судебном разбирательстве, вынесение приговора (§ 312-332 StPO); 2) определение допустимости кассационной жалобы на приговор нижестоящего суда, проверка ее обоснованности, заслушивание заявлений и ходатайств прокурора, подсудимого и защитника в судебном разбирательстве, вынесение приговора и возвращение дела на новое судебное рассмотрение

¹⁴⁶ О компетенции судов первой инстанции см.: *Criminal procedure systems in the European Community*. P. 153-154; *Филимонов Б. А.* Основы уголовного процесса Германии. М., 1994. С. 61-83; *Бойльке В.* Уголовно-процессуальное право Германии. С. 135-136; 188-193; 195-202; 205-229; 284-289; 327-330.

(§ 333-358 StPO); 3) рассмотрение частных жалоб на иные процессуальные решения, включая применение мер принуждения (§ 304-311a StPO).¹⁴⁷

Прежде всего следует отметить, что единственным доминирующим центром принятия решений является суд. Он контролирует все сферы ответственности и по отношению к участникам процесса, по сути, авторитарен. Их волеизъявление в вопросе о вине для суда значения не имеет, а относительная свобода в исследовании доказательств находится под полным контролем суда и подавляется его следственной активностью. Более того, суд не считает прокурора и защитника сторонами, рассматривая их в качестве своих помощников. Конечно, правовой спор практически возможен. Но он возникает, скорее, не между защитой и прокуратурой, а между защитой, с одной стороны, и прокуратурой и судом — с другой. В определенной мере исключение составляет только сфера обжалования судебных решений, где в качестве автономных центров выступают прокуроры, потерпевшие, обвиняемые и их адвокаты, жалобы которых не могут быть отклонены, если они соответствуют формальным требованиям. Причем и между судами не существует четкого разделения по сферам ответственности, поскольку все они (кроме участков судов) являются одновременно судами первой и второй инстанций. Правда, такое деление можно провести по способу пересмотра уголовных дел: апелляционные суды (суды земли) и кассационные суды (верховные суды земель, Верховный Суд ФРГ). Первые осуществляют пересмотр в порядке повторного судебного разбирательства, вторые — в порядке заслушивания доводов и аргументов. Что касается отношений между другими участниками процесса, то они относительно независимы друг от друга в своем стремлении оказать влияние на суд. Они могут вступать в отношения друг с другом (например, в случае достижения «договоренности» о признании вины), но самостоятельного значения, как в США, Англии и Уэльсе, это иметь не будет.

Во *Франции* взаимоотношения между участниками судебного производства во многом сходны с отношениями участников германского судопроизводства.

¹⁴⁷ О компетенции судов второй инстанции см.: *Филимонов Б. А.* Основы уголовного процесса Германии. С. 85-91; *Criminal procedure systems in the European Community*. P. 160-161; *Бойльке В.* Уголовно-процессуальное право Германии. С. 311-314.

Прокуроры могут поддерживать обвинение в суде (ст. 34, 39 CPP); заявлять ходатайства и высказывать соображения, направленные на обеспечение интересов правосудия (ст. 33 CPP); обжаловать решения судебных органов (ст. 185, 497, 546, 567, 623 CPP); обеспечивать исполнение решений судебных органов (ст. 32 CPP).¹⁴⁸

В ходе рассмотрения дела защитник вправе: 1) до начала судебных слушаний знакомиться со всеми материалами уголовного дела (и снимать за свой счет копии любых процессуальных документов) и списком свидетелей и экспертов со стороны прокуратуры и гражданского истца (ст. 278, 280, 281 CPP); 2) ходатайствовать о вызове за свой счет свидетелей (ст. 281 CPP); 3) в суде ассизов участвовать в формировании жюри присяжных путем заявления безмотивных отводов (ст. 297, 298 CPP); 4) участвовать в исследовании доказательств через посредство председателя суда и непосредственно (ст. 312, 315 CPP); 5) высказываться по спорным вопросам (ст. 316 CPP); 6) выступать в судебных прениях (ст. 346 CPP).

Кроме перечисленных, защитник обладает еще некоторыми важными правами, связанными с обжалованием вынесенных судебных решений в порядке оппозиции, апелляции, кассации и ревизии. При этом защитник действует либо опосредованно, как юридический советник осужденного (например, помогая ему составить жалобу), либо непосредственно, как его представитель (путем участия в судебных слушаниях).¹⁴⁹

Обвиняемый (лицо, привлеченное к рассмотрению) в судебном производстве вправе заявлять ходатайства, принимать участие в исследовании доказательств в суде (вопросы свидетелям и экспертам через судью), обжаловать судебные решения, консультироваться с защитником (ст. 277-278, 281, 317, 393, 397-1, 417, 552 CPP).¹⁵⁰

Потерпевший имеет практически совпадающие с обвиняемым возможности в ходе судебного производства. Он вправе задавать вопросы свидетелям и экспертам в ходе судебного разбирательства, доводить до суда свою позицию по завершению исследования доказательств,

¹⁴⁸ О полномочиях прокурора см. подробнее: *Гуценко К. Ф., Головки Л. В., Филимонов Б. А.* Уголовный процесс западных государств. С. 327-331, 333-341, 357-358, 362, 372, 384-385, 394, 396, 400-401.

¹⁴⁹ Речь идет о заявлении соответствующих ходатайств, постановке вопросов перед свидетелями и экспертами и т. п.

¹⁵⁰ См. о функциональных правах защитника и обвиняемого во французском уголовном судопроизводстве: *Comparative Criminal Procedure*. P. 31-35, 71-72.

обжаловать судебные решения (с некоторыми ограничениями),¹⁵¹ в том числе по поводу суммы присужденного возмещения.¹⁵²

Основное назначение полицейских и исправительных судов — разрешение уголовных дел. Делается это в порядке ординарного (обычного) производства (исправительный суд) и упрощенного производства (полицейский суд).

В ходе ординарного производства основные функции суда следующие: 1) решение вопроса о принятии дела к рассмотрению (ст. 388 CPP) (на основании решения судебных органов предварительного следствия или прокуратуры); 2) осуществление подготовительных действий к судебному разбирательству (проверка явки и т. п. — ст. 406-426 CPP); 3) исследование доказательств, представленных прокуратурой и заинтересованными лицами (ст. 427-457 CPP); 4) истребование дополнительных доказательств (ст. 434, 456 CPP); 5) направление дела для дополнительного расследования (следственному судье того же суда; ст. 463 CPP); 6) заслушивание выступлений прокурора и заинтересованных лиц в судебных прениях (ст. 460 CPP); 7) постановление приговора (ч. 1 ст. 464 CPP); 8) отсрочка решения вопроса о наказании (простая или с испытанием) и его разрешение (ст. 469-1 CPP); 9) рассмотрение дела об уголовно-наказуемых деяниях, совершенных во время судебного заседания (по собственной инициативе — ст. 675-678 CPP).¹⁵³

Упрощенное производство возможно в порядке уголовного приказа и штрафа в твердо установленной сумме. В первом случае суд рассматривает требование прокурора об издании уголовного приказа и при наличии процессуальных препятствий возвращает дело прокурору, а при отсутствии таковых принимает решение по существу (оправдать или назначить наказание в виде штрафа).¹⁵⁴ Во втором случае фактически речь идет о добровольном исполнении наказания на основании полицейского протокола о правонарушении, которое не предполагает какой-либо судебной деятельности вообще.

¹⁵¹ Например, он не может обжаловать решения о передаче на поруки и временном заключении под стражу.

¹⁵² *Comparative Criminal Procedure*. P. 72-73.

¹⁵³ См. об этом: *Боботов С. В.* Буржуазная юстиция. Состояние и перспективы развития. М., 1989. С. 53-55; *Гуценко К. Ф., Головки Л. В., Филимонов Б. А.* Уголовный процесс западных государств. С. 384-385; *Comparative Criminal Procedure*. P. 51-52.

¹⁵⁴ *Гуценко К. Ф., Головки Л. В., Филимонов Б. А.* Уголовный процесс западных государств. С. 389-391; *Comparative Criminal Procedure*. P. 40-41, 83.

Кроме этого, исправительные суды (в прежнем составе судей) могут пересматривать разрешенные ими уголовные дела в порядке оппозиции.¹⁵⁵ Это допустимо лишь в ситуации, когда дело по первой инстанции рассматривалось в особом заочном производстве (ст. 412 СРР) и обвиняемый требует повторного судебного разбирательства на основании того, что он не был информирован о его вызове в суд.

Апелляционные суды пересматривают по жалобам заинтересованных участников процесса (подсудимых, прокуроров, гражданских истцов и гражданских ответчиков) приговоры исправительных и полицейских судов.¹⁵⁶ Судебное разбирательство в этом случае осуществляется так же, как и в суде первой инстанции, но без права выхода за пределы первого рассмотрения дела и заявленных апелляционных требований.¹⁵⁷

В суде ассизов, разрешающем дело по существу, функции профессиональных судей (председателя и ассессоров) и непрофессиональных судей (жюри) различаются.¹⁵⁸

Председатель: 1) принимает дело к производству; 2) вручает копию постановления следственного судьи или следственной камеры о предании суду подсудимому; 3) удостоверяется в личности подсудимого и разъясняет ему его права; 4) назначает защитника (если он выбран подсудимым); 5) организует передачу подсудимому и гражданскому истцу копий материалов дела (наиболее принципиальные — бесплатно и независимо от волеизъявления указанных лиц, остальные — по желанию за их счет); 6) предоставляет возможность сторонам ознакомить друг друга с имеющимися у них списками свидетелей и экспертов; 7) вручает подсудимым список жюри; 8) руководит проведением судебного заседания (при определенном участии ассессоров); 9) исследует доказательства (по своему усмотрению и независимо от мнения других членов суда и жюри); 10) составляет и оглашает вопросы, подлежащие разрешению при постановлении

¹⁵⁵ Об оппозиции см., напр.; *Гуценко К. Ф., Головки Л. В., Филимонов Б. А.* Уголовный процесс западных государств. С. 392-393.

¹⁵⁶ Приговоры полицейских судов пересматриваются в апелляционном порядке в ограниченных пределах (например, если размер штрафа, назначенного в качестве наказания, превышает 5000 французских франков).

¹⁵⁷ Об апелляции см.: *Боботов С. В.* Буржуазная юстиция. Состояние и перспективы развития. С. 99; *Гуценко К. Ф., Головки Л. В., Филимонов Б. А.* Уголовный процесс западных государств. С. 393-395; *Comparative Criminal Procedure*. P. 54-58.

¹⁵⁸ По некоторым категориям уголовных дел (шпионаж, терроризм, незаконный оборот наркотиков и т. п.) суд ассизов является полностью профессиональным и действует в составе председателя и шести ассессоров.

приговора; 11) дает наставление жюри (общая формула без конкретных инструкций). Помимо этого еще до судебного заседания председатель может: 12) издать распоряжение о производстве дополнительных следственных действий, произвести их лично или поручить ассессору либо следственному судье; 13) дать наставление жюри (общая формула без конкретных инструкций).

Ассесоры совместно с председателем и на условиях равенства с ним (т. е. как коллегия профессиональных судей): 1) разрешают споры между сторонами, возникающие в ходе судебного заседания, 2) налагают процессуальные взыскания, а также 3) выносят решение по гражданскому иску.

Жюри в ходе судебного заседания пассивно. Однако с разрешения председателя его члены вправе задавать вопросы свидетелям.

Суд ассизов в полном составе (профессиональные судьи и жюри совместно и на равных условиях) осуществляет лишь одну функцию: принятие решения о виновности и наказании подсудимого (без обсуждения путем тайного письменного голосования).

Как и в других судах, в суде ассизов возможно заочное производство. При этом все функции сосредоточены в руках профессионалов (жюри не участвует), защитник не допускается, свидетели не допрашиваются (можно лишь получать объяснения от родственников и друзей подсудимого о причине его неявки), приговор считается условным (аннулируется при обнаружении подсудимого) и реализуется лишь в части материальных ограничений (например, при назначении конфискации имущества в качестве меры наказания).¹⁵⁹

Суд ассизов, действующий в апелляционном порядке, исполняет функции, аналогичные суду ассизов, разрешающему дело по существу.¹⁶⁰

Кассационный суд Франции исправляет судебные ошибки, допущенные нижестоящими судами, в порядке кассации и ревизии. Таким путем он призван обеспечивать единообразие судебной практики.

Закон предусмотрел кассационный пересмотр двух видов: в интересах сторон (личных и публичных) и в интересах закона.

¹⁵⁹ О производстве в суде ассизов см. *подробнее: Гуценко К. Ф., Головки Л. В., Филимонов Б. А. Уголовный процесс западных государств. С. 368-381.*

¹⁶⁰ Подробнее об истории создания и развития суда ассизов см.: *Михайлов П. Л. Суд присяжных во Франции: становление, развитие и трансформация. СПб., 2004. С. 94-142, 158-170, 207-220, 293-296, 299.*

Возможности первого вида пересмотра весьма ограничены. Он может быть осуществлен: 1) в отношении судебных решений (за исключением оправдательного приговора суда ассизов), по которым исключаются другие формы обжалования; 2) только по вопросам права; 3) при наличии обстоятельств прямо указанных в законе (неправомочный состав суда, отсутствие прокурора, превышение судебных полномочий, отсутствие у суда юрисдикции на рассмотрение дела, нарушение уголовно-процессуального и уголовного законов); 4) при условии обоснования в жалобе ущерба, причиненного соответствующим интересам; 5) в пределах кассационных требований; 6) с соблюдением запрета поворота к худшему. Конкретные функции Кассационного суда при этом заключаются в следующем: 1) изучение жалобы; 2) заслушивание доводов заинтересованных лиц и заключения прокурора; 3) принятие решения (отклонить жалобу, направить дело на новое рассмотрение, прекратить дело).¹⁶¹

Второй вид пересмотра осуществляется при нарушении законов и отличается от первого рядом существенных моментов. Прежде всего нужно отметить, что принятое решение, даже если оно реально затрагивает интересы сторон, не может быть использовано ими в свою пользу (ст. 621 СРР), т. е. реально это решение влияет только на правоприменительную практику, но не на положение сторон. Исключение составляет лишь случай обжалования обвинительного приговора по инициативе министра юстиции (ст. 620 СРР), когда можно исправить ошибку в интересах подсудимого или иного лица. Кроме того, данный вид пересмотра допустим в отношении как вступивших, так и не вступивших в силу судебных решений.¹⁶²

Пересмотр решений в порядке ревизии предусматривается для исправления фактических судебных ошибок, вызванных неправильным применением закона. Он ограничен запретом поворота к худшему и конкретным перечнем обстоятельств (есть достаточные основания для предположения того, что жертва осужденного за убийство жива; существует обвинительный приговор в отношении другого лица за совершение им преступления, которое уже было инкриминировано осужденному; установлен факт лжесвидетельствования против осужденного; обнаружены новые обстоятельства или представлены новые доказательства, указывающие на невиновность осужденного, — ст. 622 СРР).

¹⁶¹ Гуценко К. Ф., Головки Л. В., Филимонов Б. А. Уголовный процесс западных государств. С. 396-398.

¹⁶² Там же. С. 398-399.

При ревизии Кассационный суд должен: 1) произвести необходимое для установления истины исследование и 2) вынести решение об отклонении ходатайства о ревизии либо отмене обвинительного приговора или направлении дела на новое судебное рассмотрение (ст. 625 CPP).¹⁶³

Очевидно, что главенствующее положение во французском судебном производстве занимает судья. Остальные участники судебного производства ограничены, как и в Германии, доминирующей активностью суда. Конечно, в осуществлении своих функций они самостоятельны, но в принятии решений, касающихся основных сфер ответственности, — нет. Французские судьи, подобно своим немецким коллегам, эффективно контролируют каждую из этих сфер. Лишь в сфере обжалования участники производства автономны. Причем судебный авторитаризм во Франции даже сильнее, чем в Германии. В частности, он усиливается полномочием суда направлять дело для дополнительного расследования. Этот институт, признанный в нашей стране недемократическим, продолжает оставаться обычным институтом уголовного процесса одной из ведущих западных демократий. Правда, его существование оправдывается тем, что дополнительное расследование производится следственным судьей, но это не меняет авторитарной природы суда, концентрирующего в своих руках всю полноту власти и подчиняющего себе всех участников процесса. В то же время в отличие от Германии сами суды распределены по сферам ответственности. В сфере разрешения уголовных дел есть два ограниченных возможностью пересмотра автономных центра (полицейские и исправительные суды), в сфере пересмотра — три (суды ассизов, пересматривающие свои решения в другом составе судей, апелляционные суды, действующие в порядке повторного судебного разбирательства, и Кассационный суд Франции, действующий в порядке кассации и ревизии в основном в интересах закона). Сфера признания вины самостоятельного значения не имеет. В сфере исследования доказательств доминирует суд.

Таким образом, французская система судебного производства во всех ее аспектах является типично иерархической системой.

¹⁶³ Там же. С. 399-401. — Дело направляется на новое рассмотрение тогда, когда требуется исследовать вопросы факта. В случае если новый суд оставляет в силе обжалованное решение, дело возвращается в Кассационный суд для принятия окончательного решения. Близким к ревизии (по существу ревизионным) является пересмотр решений по уголовным делам на основании постановлений Европейского суда по правам человека (ст. 626-1- 626-7 CPP).

В *России* взаимоотношения между основными участниками судебного производства обнаруживают немалое сходство с германским и французским судопроизводством.

В российском судебном производстве прокуратура уполномочена поддерживать государственное обвинение, обеспечивая его законность и обоснованность, а также поручать поддержание обвинения в суде дознавателю или следователю, производившему дознание по данному делу (ч. 4 ст. 37 УПК РФ). В ходе осуществления данной функции прокурор может представлять и исследовать доказательства, доводить до суда свое мнение по существу обвинения и другим вопросам, высказывать предложения о применении уголовного закона и назначении наказания (ст. 274–290 УПК РФ), предъявлять или поддерживать гражданский иск, смягчать обвинение или отказываться от него с разрешения вышестоящего прокурора (ч. 5–8 ст. 246, ст. 274–290, 292 УПК РФ). Кроме того, прокурор вправе обжаловать судебные решения, с которыми он не согласен, в апелляционном, кассационном и надзорном порядке и обязан принимать участие в рассмотрении собственных представлений и жалоб других участников судебного производства в соответствующих судах (ст. 354, 364–366, 377, 402, 407 УПК РФ). Особым полномочием прокурора является дача согласия обвиняемому, признавшему свою вину, на особый порядок принятия судебного решения — без исследования доказательств (ст. 314–316 УПК РФ).

Обвиняемые (подсудимые, осужденные) и их защитники, а также потерпевшие (по делам частного обвинения — частные обвинители) располагают в целом аналогичными возможностями.

Полномочия судов первой инстанции (профессиональные судьи, единолично или коллегиально) таковы: 1) подготовка к судебному заседанию в общем порядке и порядке предварительного слушания (определение подсудности, принятие мер по обеспечению вреда, исключение недопустимых доказательств, прекращение уголовного дела, возвращение дела прокурору, назначение судебного заседания и т. п. — ст. 227–239 УПК РФ); 2) организация и ведение судебного заседания (ст. 243, 261–272 УПК РФ); 3) исследование доказательств (ч. 1 ст. 86, ст. 273–291 УПК РФ); заслушивание прений сторон и последнего слова подсудимого (ст. 292, 293 УПК РФ); 4) постановление приговора (ст. 296–313 УПК РФ).

В суде присяжных профессиональный судья, председательствующий в судебном заседании, приобретает ряд дополнительных организационных полномочий, подобных полномочиям английского и

американского судьи (например, инструктирование присяжных — постановка вопросов, подлежащих разрешению присяжными, напутственное слово, дополнительные разъяснения и уточнение, поставленных вопросов; ст. 338-340, 344 УПК РФ), лишается возможности исследовать доказательства по делу. Кроме того, постановление приговора судьей основывается на вердикте присяжных (виновен или не виновен подсудимый, заслуживает снисхождения или нет), а также предполагает предварительное исследование и обсуждение соответствующих правовых вопросов. Однако обвинительный вердикт присяжных не обязателен для судьи. В случае если, по его мнению, существуют основания для оправдательного приговора, он распускает коллегию присяжных и направляет дело на новое рассмотрение в ином составе присяжных (ст. 347-351 УПК РФ).

В особом порядке принятия судебного решения суд выясняет, добровольно ли было заявлено обвиняемым ходатайство, понятно ли ему обвинение, согласен ли он с ним, осознает ли он правовые последствия постановления приговора, вынесенного в этом порядке (приговор не подлежит обжалованию по фактическим основаниям), нет ли у кого-либо из участников судопроизводства (подсудимого, государственного или частного обвинителя, потерпевшего) возражений (ч. 4 ст. 316 УПК РФ). После этого суд либо прекращает особый порядок принятия решения и назначает рассмотрение дела в общем порядке, либо постановляет приговор, основываясь на изложенных в материалах дела доказательствах (если придет к выводу об обоснованности обвинения). В случае необходимости суд может до вынесения приговора исследовать обстоятельства, характеризующие личность подсудимого, а также обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание (ч. 5-7 ст. 316 УПК РФ).

Суд второй инстанции осуществляет свои полномочия в апелляционном, кассационном и надзорном порядке.

В апелляционном порядке районные суды пересматривают решения мировых судей по правилам судебного разбирательства. Однако повторный допрос лиц, допрошенных в суде первой инстанции, производится лишь в случаях, когда суд признает это необходимым или стороны будут оспаривать их показания. Другие доказательства исследуются в суде при условии, что сторонам было отказано в их собирании, истребовании мировым судьей (ч. 1, 4, 5 ст. 365, ч. 1 ст. 367 УПК РФ).

Кассационный пересмотр осуществляется в отношении судебных решений, не вступивших в законную силу, путем заслушивания

доводов и аргументов сторон. Непосредственное исследование доказательств возможно по ходатайству стороны. Допускается представление дополнительных материалов (с определенными ограничениями в их использовании — ч. 3-7 ст. 377 УПК РФ).

В порядке надзорного производства пересматриваются судебные решения, вступившие в законную силу. Разрешение на пересмотр дает суд надзорной инстанции. Рассмотрение уголовного дела осуществляется в форме обсуждения доклада, представляемого членом суда надзорной инстанции, с участием сторон (ст. 406, 407 УПК РФ).¹⁶⁴

Определяющая роль суда в российском судебном производстве несомненна. Однако нельзя сказать, что суд доминирует и подчиняет себе стороны во всех или большинстве сфер ответственности, подобно германскому или французскому суду. Его доминирование очевидно в двух сферах принятия решений (как и во всех других юрисдикциях): разрешение дела по существу и пересмотр судебных решений. Причем, строго говоря, эти сферы, как и в Германии, не являются сепаратными, поскольку все суды, исключая мировых судей, выступают в качестве судов первой и второй инстанции. Сфера обжалования принадлежит сторонам, которые ограничены в его реализации, главным образом, формальными требованиями. Сфера признания вины выделена как самостоятельная (в отличие от Германии и Франции), но существенно отличается от аналогичной сферы в США, Англии и Уэльсе. Дело заключается в том, что подсудимый не может свободно распорядиться своим правом без согласия обвинителя и потерпевшего. Его признание само по себе является не юридическим фактом, влекущим за собой судебное решение, а одним из условий такого решения, которое должно быть обосновано имеющимися в деле доказательствами. Иначе говоря, автономия подсудимого в данном вопросе серьезно ограничена. Вот почему нельзя проводить прямую аналогию между англо-американской сделкой или заявлением о признании вины и российским особым порядком судебного разбирательства. Природа этих институтов и место, которое они занимают в уголовном процессе, принципиально различны: для США, Англии и Уэльса это важнейший институт всей системы состязательного правосудия, для России — один из институтов судебного производства. Даже если особый порядок судебного разбирательства

¹⁶⁴ О судебном производстве в России см. подробнее: *Цыганенко С. С.* Производство по уголовным делам в российском уголовном процессе. Ростов н/Д, 2003. С. 138-174.

рассматривать как проявление состязательности, это состязательность явно не англо-американского образца, где равенство сторон предполагает высокую степень их автономности в принятии определенных решений. Равенство сторон в данном институте связывает их необходимостью согласия с заявленным подсудимым ходатайством и практически лишает его возможности свободно распорядиться своим правом.

Еще одна сфера ответственности — исследование доказательств. В российском судебном производстве она не принадлежит всецело сторонам, как в английском и американском, или суду, как в германском или французском процессе. В российском уголовном процессе стороны самостоятельны в исследовании доказательств, равны в своих процессуальных возможностях в этой сфере между собой и перед судом. Разумеется, суд несет ответственность за результат и в этом смысле его ответственность в исследовании выше, чем ответственность сторон, и реализуется с разной степенью интенсивности в иных полномочиях суда. Однако в любом случае роль суда в этой сфере явно не сугубо арбитражная или организационно-распорядительная. Исключение составляет суд присяжных, который прежде всего является арбитром в правовом споре. Но этот институт не определяет всего содержания российского судопроизводства и не может рассматриваться в качестве его центрального, системообразующего элемента, как бы высоко мы ни оценивали его политическое или юридическое значение.

Таким образом, в судебном производстве России сфера разрешения уголовных дел и сфера пересмотра судебных решений относятся к судам, автономным и иерархически связанным между собой одновременно. Сфера обжалования принадлежит сторонам (обвинитель, потерпевший, обвиняемый, защитник), автономным в подаче жалоб и представлений. Сфера признания вины не является сферой принятия автономных решений. Сфера исследования доказательств разделена между сторонами и судом, которые самостоятельны и обладают примерно равными возможностями в доказывании (с некоторыми преимуществами у сторон и ведущей организующей роли суда).

Иначе говоря, российское судебное производство в целом — это иерархическая система с более или менее выраженными одноранговыми отношениями (автономностью) в сфере исследования доказательств.

В результате можно сделать следующие выводы:

1) отношения внутри судов всех рассматриваемых стран в отличие от полиции и прокуратуры характеризуются типичной одноранговостью (в силу высокой степени автономизации функции правосудия: судьи независимы друг от друга и от кого бы то ни было в каждом случае разрешения ими уголовных дел). При этом между судьями нижестоящих и вышестоящих судов на неформальном уровне возникает некоторое подобие субординации: более или менее выраженное в Германии, Франции и России, почти невыраженное или незначительно выраженное в США, Англии и Уэльсе;

2) типично иерархическими судебными системами являются судебные системы Германии, Франции и России. Судебная система США децентрализована, включает в себя два относительно автономных уровня, организованных по принципу иерархии и соподчиненных в единую систему Верховным Судом — высшей судебной инстанцией страны. Английская судебная система децентрализована и не обладает четко выраженной иерархией. Единство достигается за счет отношений координации и возможности пересмотра вышестоящими судами приговоров нижестоящих судов, а также прецедентов;

3) судебное производство в Англии и Уэльсе является в целом типично одноранговой системой с четким разделением на автономные сферы ответственности, американское судебное производство — преимущественно одноранговой системой с таким же четким делением, германское и французское — типично иерархическими системами с доминирующей ролью суда и почти полным отсутствием разделения на сферы ответственности, судебное производство в России — иерархической системой с ограниченным доминированием суда и делением на некоторые сферы ответственности.

Таким образом, во всех сравниваемых юрисдикциях в судебном производстве мы видим определенное сочетание одноранговых и иерархических связей. В одних ярко выражены первые связи, в других — вторые. Причем каждая из проанализированных нами национальных систем по своим функциональным характеристикам отличается значительным своеобразием, которое объясняется не столько рациональным выбором той или иной модели, сколько особенностями национального развития. Эти характеристики, будучи формализованы на законодательном, прецедентном уровне, поддаются различным интерпретациям. Вырванные из контекста действительности, они иногда приводят к парадоксальным выводам. Так,

С. Д. Шестакова считает, что состязательная форма процесса характеризуется равенством сторон на протяжении всего производства по уголовному делу (разделение функций на уголовное преследование, защиту и юстицию, равные процессуальные возможности сторон в доказывании), инквизиционная форма — неравенством, а смешанная — неравенством в досудебном производстве и равенством в судебном производстве.¹⁶⁵ Если мы экстраполируем данную теоретическую конструкцию на германский или французский уголовный процесс с учетом приведенного выше функционального описания, то неизбежно приходим к выводу, что это чисто инквизиционные формы производства, ведь ни о каком равенстве прокурора и обвиняемого там речи не идет. Можно лишь говорить о том, что доминирующее положение прокурора в досудебном производстве уравнивается доминирующим положением судьи в судебном производстве. По мнению немецких ученых, это превращает германский процесс, структура которого возникла под влиянием французского права, в процесс особого типа, именуемый обвинительно-следственным (обвинительным — потому, что судебное производство возможно только при наличии возбужденного прокуратурой государственного обвинения; следственным — потому, что суд монополизирует исследование обстоятельств дела и не связан ни позицией защиты, ни позицией прокурора). Иначе говоря, здесь нет противоборствующих сторон и, в данном смысле, состязательности.¹⁶⁶ Однако не надо забывать, что деление на стороны или отрицание сторон указывают лишь на расхождение в методах (безусловно, принципиальное), ведущих к достижению общих целей. К тому же противоборство, правовой спор далеко не всегда существуют в действительности. Во всяком случае, использование тех или иных методов само по себе не свидетельствует о демократичности или недемократичности соответствующих систем судопроизводства. Это зависит не от метода, а оттого, как и ради чего он применяется. Если состязательный метод в одних юрисдикциях и следственный метод в других способны преодолеть присущую всем сравниваемым странам односторонность (в смысле преимуществ одной стороны) досудебного производства и приводят к одним и тем же результатам, то их нельзя оценивать

¹⁶⁵ Шестакова С. Д. Генезис метода российского уголовно-процессуального права... С. 28.

¹⁶⁶ См. об этом подробнее: Филимонов Б. А. Защитник в германском уголовном процессе. М., 1997. С. 54-59.

с позиций «лучше — хуже», «демократичное — авторитарное». Более того, противопоставление этих методов может привести к выводу о том, что в странах англосаксонского типа процесса взаимное положение субъектов свидетельствует об их юридическом равенстве, а в странах континентально-правового типа — о юридическом неравенстве. Юридическое равенство не означает отсутствия отношений господства и подчинения. Оно выражается не в равенстве правовых возможностей субъектов правоотношений или правового положения (статуса), а во взаимообусловленности их прав и обязанностей.¹⁶⁷ Другое дело приемы, способы обеспечения такого равенства: юридическая централизация (единый центр принятия решений) и юридическая децентрализация (множество центров принятия решений).¹⁶⁸ В данном смысле все сравниваемые системы и типы судопроизводства одинаковы. Они юридически централизованы судом, независимо от фактического равенства или неравенства участников производства по делу. Только суд принимает окончательное решение, будь то сделка о признании вины, вердикт или приговор. Вот почему было бы неверно отождествлять состязательность и инквизиционность в уголовном судопроизводстве с методами правового регулирования.¹⁶⁹

Сказанное означает, что надо не преувеличивать значимость анализируемых нами аспектов судопроизводства и делать акцент на способах обеспечения юридической централизации.

Итак, для всех сравниваемых стран характерна судебская автономия (одноранговый признак) и судебная иерархия (иерархический признак). Для США, Англии и Уэльса характерны равенство сторон и арбитражная роль суда (одноранговость), для Германии, Франции — доминирующая роль суда и отсутствие равенства сторон (иерархичность), для России — ограниченное доминирование суда и равенство процессуальных возможностей сторон (преобладание иерархичности над одноранговостью). Получается, что в судебном производстве одноранговость не противоречит иерархичности, а сочетается с ней, хотя, по логике, должно быть наоборот. Объяснение этому, в общем, аналогично данному применительно к досудебному производству:

¹⁶⁷ См., напр.: *Спиридонов Л. И.* Теория государства и права. М., 1998. С. 111.

¹⁶⁸ На это верно обращает внимание Н. М. Кропачев: *Кропачев Н. М.* Уголовно-правовое регулирование: механизм и система. СПб., 1999. С. 175.

¹⁶⁹ Так полагает, например, С. В. Шестакова: *Шестакова С. Д.* Генезис метода российского уголовно-процессуального права... С. 23.

§ 2. Функции участников уголовного процесса в судебном производстве

1) отнесение судебного производства англосаксонского типа к одноранговому, а континентально-правового типа к иерархическому следует рассматривать как деление только по способу процессуального взаимодействия суда и других участников процесса;

2) деление на состязательный и смешанный процесс по критерию равенства сторон (государственных и негосударственных участников) на всех этапах производства по делу и неравенства только на досудебном этапе не существует;

3) природа судебного производства требует юридической централизации — метода, используемого для достижения общих целей в обоих типах процесса.

Заключение

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС РОССИИ В СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОМ КОНТЕКСТЕ

Итак, подведем итоги проведенного исследования, буквально воспроизводя некоторые из сформулированных ранее положений.

Процесс взаимовлияния и взаимопроникновения национальных правовых систем носит естественный и неизбежный характер. Он является следствием культурного диалога, который страны мира настоятельно веди и ведут в ходе своего исторического развития. Этот процесс в юридической науке именуется интернационализацией права и может происходить как стихийно, так и организованно, в рамках сознательно проводимой политики правовой интеграции.¹ Осуществление указанной политики происходит вследствие разных причин. К их числу следует отнести необходимость обеспечения опережающего развития своей собственной страны, соответствие требованиям «глобального» мира, сотрудничества с другими государствами для решения сходных или общих проблем. В любом случае перед государством, осознающим подобного рода необходимость, встает задача модернизации собственной правовой системы и выбора соответствующего способа ее решения.

История знает два таких способа: заимствование отдельных элементов «чужой» правовой системы (фрагментарная юридическая аккультурация) и заимствование идеи права (тотальная юридическая аккультурация или рецепция). В первом случае речь идет об обычном культурном взаимодействии, сопровождающемся переносом и адаптацией правовых образцов из других стран. Во втором — о коренном изменении важнейших составляющих правовой жизни общества в целом, способствующем либо ее обогащению на новой основе, либо разрушению (юридической декультуризации).² Последнее происходит тогда, когда национальное право отторгается, а чужое не приживается.

¹ См. об этом: *Бахин С. В.* Сотрудничество государств по сближению национальных правовых систем (унификация и гармонизация права): Авторсф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2003. С. 16.

² *Карбонье Ж.* Юридическая социология. М., 1998. С. 198-201; *Рулан Н.* Юридическая антропология. М., 1999. С. 194-196; *Княгини В. Н.* Рецепция зарубежного права как способ модернизации российской правовой системы // Правовая реформа и зарубежный опыт. Красноярск, 2000. С. 7-8; и др.

Российское государство несколько раз на протяжении своего многовекового существования использовало рецепцию для модернизации права. Сначала это была аккультурация византийской идеи права, связанная с христианизацией Руси, и в дальнейшем, после падения Византии, принятие на себя ее роли в православном мире в качестве «третьего Рима». Рецепция византийского права производилась постепенно (укоренение византийского права в X-XV вв., самостоятельное развитие в XV-XVII вв.), не была столь глубокой и масштабной, как рецепция римского права в западноевропейских странах, и, хотя привела к созданию нового правового строя, не смогла обеспечить успешного решения всех государственных задач военно-политического, торгово-экономического, культурного противостояния Западу.³ Поэтому на смену ей пришла рецепция западного права (реформы Петра I и его преемников — XVII-XX вв.), приведшая, в конечном счете, к вхождению российского права в романо-германскую правовую семью. Причем правовое развитие в данном направлении шло от прямого копирования целых правовых массивов западного права к творческому восприятию его принципов и самостоятельному правотворчеству.⁴ Однако предотвратить системный кризис российской государственности начала XX в. эти изменения не смогли. Реакцией на него явилась социальная модернизация права в XX в. как попытка не только преодолеть разрыв с Западом, но и обогнать его, построив общество будущего на основе радикальных марксистских (по сути западных) идей. В результате была создана внешне неповторимая государственная правовая система, но главная цель — достигнуть и превзойти уровень развития западных стран — так и осталась нереализованной. В конце XX в. Россия в очередной раз оказалась перед необходимостью серьезного реформирования национальной правовой системы с учетом западного правового опыта и в настоящий период переживает период постсоциалистической модернизации. На первый взгляд, данный период является как бы продолжением прежних реформаторских устремлений российского государства.

³ См. об этом: *Княгинин В. Н.* Рецепция зарубежного права как способ модернизации российской правовой системы. С. 18.

⁴ *Исаев И. А.* История России: Правовые традиции. М., 1995. С. 72-152; *Ильин В. В., Ахиезер А. С.* Российская государственность: истоки, традиции, перспективы. М., 1997. С. 164-167; *Мушкет И. И., Хохлов Е. Б.* Полицейское право России: проблемы теории. СПб, 1998. С. 62-78; *Наумов А. В.* Сближение правовых систем как итог развития. Уголовное право в XX в. и его перспектива в XXI в. // Государство и право. 1998. № 6. С. 50-58.

Вместе с тем условия, в которых он протекает, принципиально иные. Мир стал глобальным, все сферы жизни интернационализированными. Международное право все больше превращается в инструмент глобализации, когда национально-государственные интересы начинают уступать интересам транснациональным. Правовая политика ведущих в экономическом и политическом отношении стран мира (прежде всего западных) становится все в большей мере интернациональной, а право все более унифицированным. Причем образцы, создаваемые этими странами, в силу их экономического и политического превосходства навязываются остальным «отстающим» странам.⁵

Характерным в данном отношении было высказанное одним западным автором предложение полностью заимствовать западную систему права путем прямого перенесения соответствующих законов на российскую почву. При этом возможные «напряжения», которые могут возникать на практике, по его мнению, будет преодолевать российский законодатель, внося определенные коррективы в закон.⁶ В российской литературе указанное предложение было подвергнуто серьезной критике. Так, М. Н. Марченко прямо назвал это правовой утопией.⁷ Действительно, подобного рода рецепция означает для России не только отказ от своего собственного богатого исторического наследия, но и, по сути, замену творческого подхода к законодательствованию на механистический. Риск декультуризации здесь многократно возрастает. В результате модернизация правовой системы оказывается под вопросом, поскольку очевидно, что при таком подходе не учитываются многообразные социальные факторы (экономические, идеологические, культурные, политические, национальные, психологические и т. д.). Не следует забывать, что правовая система любой страны есть результат ее исторического развития, это своего рода культурно-исторический феномен, лишаясь которого страна фактически теряет значительную часть своей культуры и, в конечном счете, самостоятельность. Разумеется, необходимо критически относиться к своему правовому прошлому и настоящему, но не как к правовой отсталости, а как к правовому наследию, в том числе и с учетом западного опыта.

⁵ Подробнее об использовании рецепции права в России см.: *Княгинин В. Н.* Рецепция зарубежного права как способ модернизации российской правовой системы. С. 18-23.

⁶ *Поттер К.* Открытое общество и его враги. Т. 1. Чары Платона. М. li 992. С. 10.

⁷ *Марченко М. Н.* Курс сравнительного правоведения. М., 2002. С. 163.

В указанном контексте сравнение российского процесса с уголовным процессом ведущих западных стран представляется особенно значимым.

Уголовный процесс Англии и Уэльса, США, Германии, Франции и России — это конкретные правовые системы, сложившиеся в результате длительной исторической эволюции. На теоретическом уровне сравнения они типизируются путем выделения общих существенных признаков и классифицируются путем распределения по родственным группам на основании типичных сходств и различий. Традиционно в качестве таких признаков выделяются: наличие или отсутствие кодификации, господство закона над прецедентом или прецедента над законом, приоритет материального или процессуального права, использование следственного или состязательного метода, преобладание публично-правовых или частноправовых интересов, распространенность иерархических или одноранговых отношений.

По первым признакам этой дихотомии уголовный процесс Германии и Франции относят к континентально-правовому (романо-германскому) типу; по вторым признакам уголовный процесс США, Англии и Уэльса — к англосаксонскому (англо-американскому) типу. Российский уголовный процесс всегда рассматривался как континентально-правовой, за исключением советского периода, когда его превратили в уголовный процесс социалистического типа. Но и в тот период по своим основным характеристикам он оставался романо-германским (если не брать во внимание социалистическую экономику, политику и идеологию). Правда, следует отметить, что в современных условиях значение этих (хотя и не всех) типологических признаков применительно к сфере уголовного судопроизводства изменилось.

Практически не имеет фундаментального характера такой признак, как отсутствие или наличие кодификации, поскольку все без исключения страны обладают более или менее систематизированным законодательством (консолидированным в странах общего права и кодифицированным в странах континентального права). Утратил свою прежнюю роль и приоритет материального или процессуального права, так как наказание преступников и защита прав и свобод обвиняемого признаются одинаково важными во всех сравниваемых странах. То же самое можно сказать и о преобладании публично-правового или частноправового интереса, — данного деления давно уже нет и быть не может, пока существует преступность как социальное явление.

Другие признаки сохраняют свое фундаментальное значение, хотя и не имеют такой «чистоты», как прежде.

Развитие законодательства в странах общего права, с одной стороны, и все большее фактическое признание прецедента в странах континентального права — с другой, несколько «смягчили» деление по признаку господства закона над прецедентом или прецедента над законом. Однако вряд ли в обозримом будущем можно будет говорить о «снятии» указанного различия, связанного со способом юридического мышления (общее право — разрешение уголовного дела на основе гибкого, видоизменяющегося прецедента, жестко не определяемого законом и, по сути, его развивающего; континентальное право — разрешение дела на основе закона, в пределах его нормативно заданного значения, которое не может меняться в ходе или в результате правоприменения).⁸

Деление по признаку использования следственного или состязательного метода также претерпело некоторые изменения. В досудебном производстве всех рассматриваемых стран следственный метод является ведущим. С его помощью формируется позиция государственных участников уголовного процесса, с которыми не могут конкурировать ни обвиняемые, ни потерпевшие, ни адвокаты. «Равенство оружия» в буквальном смысле здесь невозможно (даже при условии расширения весьма ограниченных во всех странах, кроме России, процессуальных прав негосударственных участников уголовного производства). Иное было бы равнозначно отказу от борьбы с преступностью. В судебном производстве, напротив, главенствующая роль состязательного метода в странах общего права и следственного метода в странах континентального права очевидна. Поэтому (с учетом особого положения суда в уголовном процессе и несмотря на наметившуюся тенденцию к определенному ограничению в использовании этих методов) данное деление продолжает оставаться актуальным.

Аналогично обстоит дело и с делением по признаку распространенности иерархических или одноранговых отношений: первые преобладают в странах континентального права, вторые — в странах общего права. Вместе с тем сказанное не противоречит тому, что уголовный процесс тех и других стран в настоящее время в целом юридически централизован.

⁸ Об особенностях англо-американского правового мышления в отличие от континентального см. подробнее: *Леви Э. Х.* Введение в правовое мышление. М., 1995.

Таким образом, английский и американский уголовный процесс характеризуется использованием прецедента для разрешения уголовного дела, доминированием состязательного метода и преобладанием одноранговых отношений, а германский, французский и российский процесс — использованием закона для разрешения дела, господством следственного метода и преобладанием иерархических отношений. Иначе говоря, глубокие межтиповые различия сохраняются (на уровне способов функционирования), и потому слияния уголовного процесса в один тип, равно как и доминирования одного типа судопроизводства над другим, в ближайшей исторической перспективе вряд ли можно ожидать.

Что касается вопроса о том, к каким из сравниваемых национальных видов уголовного процесса ближе всего российское судопроизводство, — ответ здесь очевиден. Типологически это может быть только германский и французский уголовный процесс, что подтверждается проведенным нами в гл. IV анализом. Причем по своим функциональным характеристикам наше судопроизводство примыкает скорее к германскому виду (хотя и не столь очевидно). По крайней мере, отсутствие в России традиционного для Франции института следственного судьи ярко свидетельствует об этом.

Вместе с тем нельзя не отметить наличия у российского уголовного процесса некоторых черт, напоминающих англо-американское судопроизводство. Главным образом, имеется в виду суд присяжных, а также усиление конфронтационности, связанное с ограничением следственной активности профессионального судьи, увеличением и выравниванием процессуальных возможностей сторон. В связи с этим в литературе появились утверждения о том, что после принятия нового УПК российский уголовный процесс сближается с англосаксонским. Так, К. Леман (директор программы евразийского региона Министерства юстиции США) считает, что российская «система судопроизводства в целом стала более состязательной по существу»,⁹ а П. Л. Михайлов полагает, что она «все больше смещается в сторону системы общего права».¹⁰ Причем используемая этими авторами аргументация сама по себе не вызывает возражений. По мнению К. Лемана, УПК РФ «отражает новый подход к уголовному

⁹ *The Russian Federations Code of Criminal Procedure* (Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации)/ Published by the U. S. Department of Justice, Washington D. C and U. S. Embassy in Moscow, Russia. 2004. P. iv.

¹⁰ Михайлов П. Л. Суд присяжных во Франции: становление, развитие и трансформация. СПб., 2003. С. 279.

правосудию в соответствии с либеральными положениями российской Конституции и требованиями Европейской конвенции по правам человека». ¹¹ Это выражается в том, что «значительно укреплена судебная власть... существенно расширены права обвиняемых... повышена роль защиты...». ¹² Более конкретен П. Л. Михайлов. Его аргументы таковы: 1) снизилась роль суда в истребовании доказательств; 2) стороны получили право определять порядок исследования доказательств; 3) свидетели разделены по сторонам; 4) суд уполномочен санкционировать заключение под стражу; 5) суд не может исследовать показания, полученные в ходе предварительного следствия, без согласия сторон; 6) институт дополнительного расследования отменен; 7) установлен особый порядок судебного разбирательства; 8) вопрос о применении закона в суде присяжных решает один судья, а не коллегия судей; 9) предусмотрено проведение предварительного слушания с участием сторон и возможность исключения доказательств. ¹³

Но свидетельствуют ли приведенные аргументы о сближении российского уголовного процесса с англосаксонским? Ведь, как отмечает тот же П. Л. Михайлов, уголовное судопроизводство в России «в своей основе остается смешанным, следственно-обвинительным...» ¹⁴ или, как утверждает А. С. Барабаш, имеет лишь внешне состязательный характер. ¹⁵ Иначе говоря, произошедшие изменения не повлияли на существенные, типологические черты нашего уголовного процесса. Конечно, весьма вероятно, что разработчики нового УПК РФ хотели «сменить парадигму уголовного судопроизводства и перейти от традиционной для России модели... континентального типа к "ультрасовременному" варианту состязательного процесса». ¹⁶ Но им это не удалось. Более того, так называемая «новая идеология» УПК РФ на самом деле во многом продолжает то, что уже было заложено в прежнем УПК РСФСР: расширение прав обвиняемых и потерпевших, предоставление им дополнительных гарантий защиты

¹¹ *The Russian Federations Code of Criminal Procedure* (Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации). Р. iv.

¹² Ibid.

¹³ Михайлов П. Л. Суд присяжных во Франции. С. 280.

¹⁴ Там же. С. 288.

¹⁵ Барабаш А. С. Природа российского уголовного процесса, цели уголовно-процессуальной деятельности и их установление. СПб., 2005. С. 53–63.

¹⁶ Головкин Л. В. Новый УПК Российской Федерации в контексте сравнительного уголовно-процессуального права // Государство и право. 2002. № 5. С. 51.

их законных интересов. Причем в данном отношении УПК РСФСР сильно отличался от УПК ФРГ и УПК Франции, которые даже в настоящее время не дают обвиняемым, защитникам и потерпевшим такого объема прав и соответствующих гарантий, как наше законодательство. То же самое можно сказать об английском и американском уголовном процессе. Их несомненно состязательная конструкция в принципе не предполагает подобного расширения в досудебном производстве.

Разумеется, это не означает отрицания новизны УПК РФ (порой значительной), равно как и отрицания противоречий, пробелов и иных недостатков (порой существенных), имеющих в нем. Речь идет лишь о том, что российский уголовный процесс осуществляется теми же способами, что и раньше, т. е. сохраняет свою принадлежность континентальному типу судопроизводства. Даже если и признавать усиление состязательности по УПК РФ, то это состязательность не англо-американского образца.¹⁷ Дознаватель, следователь и прокурор не перестали быть субъектами, ответственными за всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств уголовного дела. Прокурор продолжает осуществлять свою правоохранительную функцию (наряду с другими). Суд не превратился в пассивного арбитра, разрешающего правовой спор между сторонами (за исключением суда присяжных) или утверждающего сделку (заявление) о признании вины без оценки доказательств (при особом порядке судебного разбирательства).

В то же время необходимо отметить, что принятие нового УПК РФ было не подготовлено, проводилось в закрытой обстановке, без широкого обсуждения юридической общественностью и предварительной экспертной оценки.¹⁸ В результате получился «достаточно "сырой", теоретически не выдержанный и организационно не обеспеченный государством закон»,¹⁹ вступление которого в силу парализовало работу правоохранительных органов, существенно увеличило безнаказанность как одну из серьезных причин преступности.²⁰ По данным,

¹⁷ Критику такого представления о состязательности см., напр.: Лукашевич В. 3., Чичканов А. П. Принцип состязательности и равноправия сторон в новом УПК РФ // Правоведение. 2002. № 2. С. 102-109.

¹⁸ См. об этом: Лунев В. В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. М., 2005. С. 78-79.

¹⁹ Дерюшев /Ю. В. «Новая идеология» и наука уголовного судопроизводства // Вестник Томского гос. ун-та. Серия «Экономика. Юридические науки». 2003. № 4. С. 16.

²⁰ Как отмечает В. В. Лунев, среди неправомочно преследуемых (число которых в отдельные годы достигает 200 тыс. человек) заметно возросла доля лиц, фактически совершивших преступления, но не избранных в этом (Лунев В. В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. С. 78-80).

приводимым В. В. Лунеевым, в год введения в действие нового УПК РФ при фактическом росте преступности произошло ее выборочное сокращение (в целом количество учтенных преступлений сократилось на 15 %, тяжких и особо тяжких — на 24 %, причинивших значительный ущерб — на 24 %, краж — на 27 % и т. д.).²¹ Такое сокращение могло быть только искусственным (произошло в очень короткий промежуток времени) и во многом было обусловлено «самым демократичным в мире УПК».²² Подобный эффект был вызван тремя факторами: 1) внешне состязательным характером многих новелл законодателя, которые воспринимались как отказ от достижения истины и создавали впечатление о смещении российского уголовного процесса в сторону англосаксонского судопроизводства (в его классическом теоретическом воплощении); 2) внезапностью, неожиданностью для правоприменителя появления этих нововведений; 3) игнорированием необходимости учета взаимосвязи между уровнем защиты прав и свобод обвиняемых и эффективностью борьбы с преступностью. Первый фактор (если признать, что авторы законопроекта сознательно стремились американизировать наш уголовный процесс) говорит о том, что разработчики проекта нового УПК, по-видимому, не оценивали риска юридической декультуризации, не брали во внимание мировой опыт реформирования современного уголовного процесса; второй — о том, что изменения планировались как своего рода шоко-терапия (во всяком случае, так они были проведены); третий — об отсутствии качественного правового и криминологического анализа актуальной ситуации в сфере борьбы с преступностью, а также прогноза последствий реализации тех или иных положений закона на практике.²³ Тем не менее российский уголовный процесс практически выдержал нанесенный ему подобным реформированием удар и продолжает следовать в русле своих собственных (континентально-правовых по типу) традиций. Об этом свидетельствует, в частности

²¹ Там же. С. 79.

²² Там же. С. 79-80. — Аналогичный вывод делает и Ю. М. Антонян: *Антонян Ю. М. Криминология: Избранные лекции*. М., 2004. С. 58-59.

²³ На необходимость такого анализа (предшествующего принятию УПК РФ и в настоящее время) указывали и продолжают указывать многие видные ученые-правоведы и криминологи. См., напр.: *Лунеев В. В.* Вступительное слово на научно-практической конференции «Правовая и криминологическая оценка нового УПК РФ» // *Государство и право*. 2002. № 9. С. 89-90; *Побегайло Э. Ф.* Кризис современной российской уголовной политики // *Уголовное право*. 2004. № 4. С. 21; *Босхолов С. С.* Современная уголовная политика как часть социально-правовой политики государства // *Сибирский криминологический журнал*. 2006. № 1. С. 10.

(как это ни парадоксально), вывод, сделанный по результатам мониторинга действия нового УПК, инициированного его идеологами: «Имеется противоречие между высоким юридическим и правовым стандартом нового УПК, архаичностью мышления правоприменителей и практикой его реализации».²⁴ Ведь очевидно, что континентально-правовой тип мышления (не архаический) и практики воспротивился внешне состязательным нововведениям и воспроизвел себя.

В связи со сказанным обращает на себя внимание то, каким образом осуществляется преобразование французского и германского уголовного процесса, типологически близкого российскому судопроизводству. Нужно сразу подчеркнуть, что в сравнении с Россией никаких «революционных» шагов по реформированию своего уголовного процесса ни Германия, ни Франция в современный период не сделали (хотя определенные попытки такого реформирования во Франции и были). Обновление законодательства происходит постепенно с ориентиром на Европейскую конвенцию по правам человека и с учетом собственных правовых традиций. Направления производимого и планируемого реформирования в целом совпадают с теми, по которым изменялся российский уголовный процесс: расширение прав обвиняемого и потерпевшего, усиление судебного контроля в досудебном производстве и конфронтационности в судебном производстве. Но движение в этих направлениях идет крайне медленно и осторожно. Практически не изменилось положение суда. Он по-прежнему обладает подавляющей следственной активностью. Не произошло и сколько-нибудь существенного расширения прав негосударственных участников процесса. Заметно усилился лишь судебный контроль в досудебном производстве (особенно в Германии). Наиболее радикальное предложение об упразднении часто критикуемого института следственного судьи было реализовано только в Германии (1975 г.); во Франции же попытки сделать это предпринимались неоднократно, но всякий раз категорически отвергались (в 1949, 1987, 1990, 1993 гг.).²⁵

Очевидно, подобные медлительность и осторожность не случайны. Думается, они вызваны наличием как вполне естественного консерватизма в среде юристов, так и определенными разумными

²⁴ Цит. по: Лунеев В. В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. С. 79.

²⁵ О реформировании французского и германского уголовного процесса см. подробнее: *Comparative Criminal Procedure*. P. 85-92, 161-169.

опасениями. Нововведения, если они не поддерживаются, идеологически, политически и организационно не обеспечены, будут неизбежно отторгнуты практикой и способны негативно воздействовать на эффективность борьбы с преступностью. Нельзя исключать и того, что Германия и Франция учитывают свой исторический опыт, который показывает, что заимствованные английские или американские институты уголовно-процессуального права не приживаются: суд присяжных существовал в Германии только в период Веймарской республики, а во Франции был серьезно модифицирован с учетом собственных правовых традиций. Идеи процедурного равенства и состязательности были воплощены в жизнь и развились как устойчивая система ценностей в странах общего права. Как предельно общие ценности они вполне приемлемы и для стран континентального права, но возникли в другой правовой среде, предполагающей принципиально иные способы их реализации. Отсюда и возникают «напряжения» при попытке переноса данных ценностей на континентально-правовую почву. Отсюда и необходимость поиска такого пути развития, при котором бы фундаментальные права и свободы уважались, но уголовный процесс коренным образом не менялся. Поэтому во Франции и Германии упор в большей мере делается на гуманизацию уголовно-правовой политики, эффективный процессуальный контроль, высокие профессиональные и этические стандарты и т. п. В конце концов, если общество способно гарантировать такую работу своих правоохранительных органов, при которой к обвиняемым относятся гуманно, не допускается привлечение к уголовной ответственности невиновных и обеспечивается неотвратимое и справедливое наказание виновных, то оно может позволить себе существование консервативного уголовного судопроизводства следственного типа.

Вот почему (не исключая работы над ошибками и совершенствования нового УПК) в настоящее время необходимо акцентировать внимание не на формально-правовых характеристиках уголовного процесса сравниваемых стран, а на идеологических и политических перспективах его развития.

Проведенный нами анализ показывает, что современный уголовный процесс находится в стадии не формально-правового, а уголовно-политического сближения. Это, на наш взгляд, убедительно демонстрируют выделенные нами шесть основных стратегий, тесно связанных с уголовной политикой современных государств: 1) защиты

прав и свобод обвиняемого, 2) уголовного преследования, 3) социальной поддержки обвиняемого, 4) социальной поддержки потерпевшего, 5) рациональности и эффективности уголовного судопроизводства, 6) примирения. Каждая из этих стратегий обладает определенным набором признаков, отражающих ту или иную идеологическую или политическую перспективу, имеет криминологическое основание и определенную практику реализации.²⁶ К этим признакам относятся цели, принципы и функции, имеющие объединяющее значение, в отличие от типологически правовых способов их осуществления, имеющих разделяющее значение. В своей совокупности они (признаки) указывают на наличие в уголовном процессе всех сравниваемых стран единой ценностной основы, обусловленной общностью социальной, уголовно-политической природы уголовного процесса (как части уголовной юстиции вообще) рассматриваемых стран. При этом уголовно-процессуальные стратегии вполне согласуются между собой (по крайней мере, теоретически), если:

1) рассматриваются в качестве общегосударственных инструментов, призванных обеспечить потребности общества в сдерживании преступности и контроле над ней, возмещении убытков от нее и предупреждении совершения новых преступлений (т. е. являются уголовно-политической реакцией на преступность);

2) осуществляются путем чередования, усиления одних и ослабления интенсивности других, расширения или сужения сферы их применения и т. п. в зависимости от конкретной социальной ситуации;

3) направлены (вне зависимости от субъективных нужд и притязаний) на достижение общих социально-интегративных целей публичного реагирования на преступления, обеспечение справедливости (меры социального согласия) и поддержание баланса интересов между потерпевшим (жертвой) и обвиняемым (преступником).

Оценивая реализацию уголовно-процессуальных стратегий, нельзя не отметить того, что все они по-разному воплощаются в жизнь и обнаруживают себя на практике в виде тенденций. Они не просто соседствуют друг с другом, но и взаимопроникают, влияют

²⁶ В российской юридической литературе указанные стратегии в таком виде и в процессуальном контексте не выделяются, но в криминологическом плане фактически признаются. См., напр.: *Современные проблемы и стратегия борьбы с преступностью* / Науч. ред. В. Н. Бурлаков, Б. В. Волженкин. СПб., 2005. С. 472-475, 505-512.

друг на друга. В зависимости от конкретных социальных факторов (возрастание или ослабление криминальной угрозы обществу, успех или неуспех в реализации профилактических программ, политическое и общественное давление в защиту жертв преступлений или обвиняемых и т. п.) одни стратегии могут усиливаться, другие — ослабляться, третьи — модернизироваться.

Однако при этом они ни в коем случае не должны противопоставляться, когда, например, санкция уступает место превенции, исправлению и перевоспитанию, возмещению ущерба или охранительным и восстановительным мерам воздействия на преступников.²⁷ Такой подход, восторженно воспринятый учеными разных стран на фоне кризиса традиционной карательной модели уголовной юстиции, чреват опасностью ослабления борьбы с преступностью в целом, поскольку ведет к созданию юстиции без процесса, способной в высокой степени учитывать интересы потерпевших (жертв) и обвиняемых (преступников), но не способной в той же мере обеспечивать поддержание общественного порядка.²⁸ Даже Х. Зер — наиболее авторитетный сторонник смены карательной парадигмы (государственного правосудия) на восстановительную (общественную) — высказывает определенные опасения по этому поводу.²⁹ Можно сказать, что они не напрасны. На это указывают общемировые тенденции и закономерности преступности. В 1960 г. абсолютный показатель и коэффициент преступности составляли соответственно: США — 2 014 600 и 1123, Франция — 687 766 и 1505, Германия (только ФРГ) — 1 590 515 и 2871, Англия и Уэльс — 4 542 806 и 1606, Россия — 429 832 и 361. На 1990 г. показатели были таковы: США — 14 475 600 и 5820, Франция — 3 492 712 и 6169, Германия (только ФРГ) — 4 455 333 и 7108, Англия и Уэльс — 4 543 611 и 8996, Россия — 1 839 451 и 1243. В 2000 г.: США —

²⁷ См., напр.: Макклиток Ф. Г. Планирование уголовной политики в контексте социальной защиты. С. 105; Мельникова Э. Б., Карнозова Л. М. Ювенальная юстиция — охранительная и восстановительная. М., 2002. С. 64; Жалинский А. Э. Современное немецкое уголовное право. М., 2004. С. 37–39.

²⁸ См. об этом: *Informal Justice?* / Ed. by R. Matthews. London, 1988. P. 102; Головкин Л. В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. СПб., 2002. С. 225–230. — Критику такого подхода см. так же в работах западных ученых, чьи позиции были воспроизведены Л. В. Головкин: Tulkens K, Van de Kerchove M. La justice penale... P. 493; Pradel J. Le ministere public. Breves remarques sur son evolution depuis 1959 // Revue penitentielle et de droit penal. 2000. № 1. P. 29; и др.

²⁹ Зер Х. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание. С. 254, 260.

11 608 070 и 4124, Франция — 3 771 849 и 6421, Германия — 6 264 723 и 7625, Англия и Уэльс — 5 170 831 и 9767, Россия — 2 952 367 и 2028.³⁰ Хотя приведенные цифры не отражают (по разным причинам) всей реальной картины, рост преступности вполне очевиден и может рассматриваться как общемировая тенденция.³¹ Причем раскрываемость преступлений (важнейший показатель эффективности органов уголовной юстиции) в США за последние 30 лет по индексным преступлениям не превышала 21-22 %. В Англии и Уэльсе средняя раскрываемость регистрируемых преступлений находится в пределах 35 %, а в Германии — 45 %. Что касается России, то в 1991 г. раскрываемость преступлений составляла 52 %, в 1995 — примерно 64 %, в 2000 — 75,6 %, в 2003 — 54,5 %. Общемировой показатель — около 50 %.³² Хотя данным по России доверять нельзя (в связи с характерным для правоохранительных органов нашей страны манипулированием цифрами), все же они указывают в целом на серьезное снижение качества деятельности соответствующих учреждений.³³ Очевидно, это было обусловлено разными причинами, в том числе неподготовленностью к работе в условиях, заданных новым УПК РФ. Вместе с тем, как полагают криминологи, столь низкий уровень раскрываемости объективен, являясь своего рода платой за приверженность законности и правам человека.³⁴ Однако отсюда не следует, что можно игнорировать (в особенности при планировании и осуществлении правовых реформ) приведенные выше (и другие) показатели, отражающие основные тенденции и закономерности преступности.³⁵ Ведь они ясно показывают, как совершенно верно отмечает В. В. Лунеев, какая угроза правам человека становится главенствующей в современном мире: криминал.³⁶ Разумеется, приведенное утверждение не означает отказа от борьбы за права обвиняемого, которая всегда требовала и требует самого серьезного отношения. Это утверждение означает другое: реформирование уголовного процесса должно производиться в самом широком уголовно-политическом контексте.

³⁰ Данные приводятся по: Лунеев В. В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. С. 47-49.

³¹ Об этом подробнее см.: Там же. С. 23-58.

³² Данные приводятся по: Там же. С. 86.

³³ Там же. С. 86-87.

³⁴ Там же. С. 87.

³⁵ Подробно и обстоятельно тенденции и закономерности преступности XX века анализируются в вышеуказанной монументальной работе В. В. Лунеева.

³⁶ Там же. С. V.

Не менее опасен и другой, так называемый минималистский подход, когда из сферы уголовной юстиции исключаются все меры социального воздействия, кроме уголовно-правового реагирования, т. е. все сводится лишь к одной карательной стратегии или модели.³⁷ Подобный подход грозит дегуманизацией системы уголовной юстиции, игнорированием личных интересов потерпевших и обвиняемых, ведет к подчинению уголовного процесса только цели наказания и, следовательно, к экспансии классической уголовной репрессии. Характерным примером в данном отношении служит уголовная политика США. Во время правления президента Б. Клинтона ужесточение борьбы с преступностью (запрет на продажу и хранение 19 видов наступательного оружия, распространение смертной казни на 50 составов федеральных преступлений в отношении наиболее опасных преступников: террористов, профессионалов, членов организованных группировок, патологически агрессивных и ситуативно-корыстно-агрессивных людей, сексуальных маньяков) сочеталось с хорошо продуманной социальной профилактикой. На цели борьбы с преступностью и ее предупреждение было выделено 30,2 млрд долл. В результате серьезная преступность снизилась за период, когда Б. Клинтон находился у власти (8 лет) на 22 %. Однако при президенте Дж. Буше, несмотря на еще более жесткое репрессивное противодействие, рост преступности возобновился.³⁸ И это не случайно, так как усиливалась только одна стратегия, а другие оставались без внимания. Более того, подобный подход способен привести и к отрицательным последствиям для прав и свобод обвиняемых. Так произошло в США с политикой назначения детерминированного наказания. Оправдываемая ведением жесткой борьбы с преступностью (действительно необходимой), она привела к применению на практике правила «три удара и ты выбываешь из игры», когда преступник за совершение третьего преступления приговаривается к пожизненному заключению без права на условно-досрочное освобождение.³⁹ Однако, как отмечают американские исследователи, такая политика, привлекательная

³⁷ См. об этом: *Макклиток Ф. Г.* Планирование уголовной политики в контексте социальной защиты. С. 103-104

³⁸ *Лунеев В. В.* Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. С. 84.

³⁹ См. об этом: *Сойер К. К.* Вынесение присяжными вердикта в условиях информированности о грозящем подсудимому наказании // Основные принципы современного уголовного права: Сборник текстов. Ч. 4. Предмет 1. Тилбург, 1998. С. 2-3.

своей бескомпромиссностью, приводит к чрезмерному усилению законодательной власти, лишает судей возможности смягчать слишком суровый закон. В результате судьи не могут провести разграничение между тем, кто представляет серьезную угрозу для общества, и тем, кто нет. Это равнозначно справедливости наказания для одних и несправедливости для других. Кроме того, что важно для американского правосудия, если судьи лишаются возможности определять наказания по своему усмотрению, то у обвиняемых пропадает стимул к признанию вины. Следовательно, усиливается власть прокурора, решения которого в таких условиях практически предвосхищают приговор и даже способны привести к вынужденному признанию обвиняемых.⁴⁰

Поэтому не случайно так заметна модернизация стратегии уголовного преследования, выражающаяся в: признании неэффективности сурового уголовного наказания; отказе во многих странах мира от смертной казни за преступления; широком распространении альтернативных лишению свободы мер уголовно-правового воздействия (штрафы, общественные работы и т. п.); декриминализации малозначительных правонарушений; восприятию необходимости и важности уважения и соблюдения прав и свобод обвиняемых, а также учета интересов потерпевших.⁴¹ Можно сказать, что данная стратегия смогла освободиться от многих своих наиболее одиозных черт, вытекающих из идеи полезности причинения страданий преступникам, и поставлена в настоящее время в правовые рамки фундаментальных прав и свобод человека и гражданина. Продолжая отказываться от полного (без ограничений) утверждения прав личности в уголовном процессе, теперь она не приветствует их полной отмены или консервативного (со значительными ограничениями) признания. Выбор сделан в пользу либерального подхода, когда методы уголовного преследования обвиняемых сопровождаются умеренными ограничениями их прав.⁴² Для большинства европейских стран (прежде всего западно-европейских) сказанное означает торжество идей новой

⁴⁰ Там же. С. 4-5.

⁴¹ См., напр.: *Гилинский Я. И.* Криминология: Курс лекций. СПб., 2002. С. 316-317; *Малиновский А. А.* Сравнительное правоведение в сфере уголовного права. М., 2002. С. 15; *Долгова А. И.* Преступность, ее организованность и криминальное общество. М., 2003. С. 536; *Йешек Г.-Г.* Предисловие // Уголовный кодекс Федеративной Республики Германия. СПб., 2003. С. 22-38.

⁴² Об этом как о криминологической проблеме см., напр.: *Криминология* /Под ред. Дж. Ф. Шели. М., 2003. С. 51-52.

социальной защиты М. Анселя в современной уголовной политике: 1) сочетание искупления вины преступниками через их наказание с охраной общества от преступных посягательств; 2) нискарательное воздействие на преступников (нейтрализация, а не причинение страданий); 3) направленность на ресоциализацию; 4) гуманизация мер уголовно-правового воздействия; 5) исследование преступного деяния и лица, его совершившего, не только в чисто уголовно-правовом (формально-юридическом) отношении, но и в социальном и личностном.⁴³ То есть речь идет не об отказе, а о преобразовании традиционной системы уголовного правосудия (с выходом в определенной мере за ее пределы).⁴⁴

Однако подобная модернизация отнюдь не означает, что изменились наиболее фундаментальные признаки рассматриваемой стратегии, о которых мы говорили в гл. II и которые наиболее ярко проявляются в уголовной политике, ориентирующей суды на выбор меры наказания лишь в соответствии со степенью тяжести преступления.⁴⁵

В некотором отношении оказалась unsuccessful реализация стратегии социальной поддержки потерпевших, которая (несмотря на видимое улучшение положения потерпевших, связанное с предоставляемой законом возможностью выражать и учитывать их взгляды и интересы на соответствующих стадиях судопроизводства) в действительности не привела к желаемому результату — развитию положительных отношений между преступником и жертвой.⁴⁶ Дело заключается в том, что предусмотренные этой стратегией компенсационные решения в пользу потерпевших затрагивают только материальный вред, в то время как ущерб, причиненный моральному и психологическому состоянию потерпевшего, его связям и отношениям с ближайшим социальным окружением (родными, близкими, друзьями, коллегами по работе и т. п.), не учитывается вообще или учитывается в весьма незначительной степени. Причем ни потерпевший (жертва), ни обвиняемый (преступник) не участвуют в процессе принятия решения о компенсации. Поэтому обвиняемый

⁴³ Ансель М. Новая социальная защита: Гуманистическое движение в уголовной политике. М., 1970. С. 34-35.

⁴⁴ Там же. С. 32-33.

⁴⁵ Характеристику этой политики применительно к США, Англии и Уэльсу см.: Кристи Н. Борьба с преступностью как индустрия. С. 149-153.

⁴⁶ О возмещении (компенсации) вреда как о конструктивном акте исправления обвиняемого, способствующем его примирению с потерпевшим, см., напр.: Шнайдер Г. Криминология. С. 365.

относится к данному решению как к одной из мер уголовного наказания.⁴⁷ Жертва же преступления деперсонализируется и деиндивидуализируется такой помощью, создавая условия для самооправдания правонарушителя.⁴⁸

Кроме того, решения о компенсации, принимаемые судом или другими органами юстиции, не отвечают своему назначению и с точки зрения возмещения материального ущерба от преступления.⁴⁹ Во-первых, вред редко возмещается полностью ввиду обязанности суда при определении размера компенсации принимать во внимание материальное положение подсудимого, которое в большинстве случаев недостаточно даже для покрытия судебных издержек.⁵⁰ Во-вторых, суды часто предпочитают использовать в дополнение к компенсационным решениям такие меры финансового характера, как штрафы и возложение судебных издержек на обвиняемого, что само по себе снижает ценность компенсации как средства персонификации его ответственности перед потерпевшим.⁵¹ В-третьих, авторитетность судебных решений о компенсации невелика по причине разной их результативности в различных судах (по данным некоторых исследований процент осужденных, полностью закончивших выплаты потерпевшим, колеблется в течение года от 56 % до 86 %).⁵² В-четвертых, многие потерпевшие по делам о преступлениях, за которые обвиняемые были осуждены, не получают компенсации вообще по причине отсутствия соответствующего обращения, что объясняется не только обнаружением собственности, неофициальной договоренностью с преступником, примирением с утратой, но и недостаточной надежностью данных о размере вреда, собранных в ходе предварительного расследования.⁵³ В-пятых, потерпевшие (жертвы) фактически лишаются возможности получить компенсацию в тех случаях, когда вместо возбуждения уголовного дела преступнику

⁴⁷ *Watson D., Boucherat J., Davis D.* Reparation for Retributivists// Mediation and Criminal Justice: Victims, Offenders and Community. London, 1989.

⁴⁸ *Шнайдер Г.* Криминология. С. 364.

⁴⁹ *Miers D.* Compensation for Criminal Inquiries. London, 1990.

⁵⁰ *Dignan J., Cavadino M.* Towards a Framework for Conceptualizing and Evaluating Victim-Oriented Models of Criminal Justice. Sheffield, 1995. P. 7-8.

⁵¹ *Moxon D., Corkey J., Hedderman C.* Developments in Use of Compensation Orders in Magistrates Courts since October 1988. London, 1992. P. 29.

⁵² *Ibid.*

⁵³ *Dignan J., Cavadino M.* Towards a Framework for Conceptualizing and Evaluating Victim-Oriented Models of Criminal Justice. P. 8-9.

выносится предупреждение.⁵⁴ В-шестых, следует иметь в виду значительный удельный вес латентной преступности, исключающей вообще постановку вопроса о возмещении вреда.⁵⁵

Даже с точки зрения искупления вины государства перед жертвой за его неспособность защитить ее от преступлений рассматриваемая стратегия обнаружила целый ряд слабых мест, таких как:

- оказание помощи ограниченной категории потерпевших (в основном от насильственных преступлений);
- зависимость положения потерпевших (жертв) от официальных решений соответствующих учреждений социальной защиты;
- недостаточная информированность жертв преступлений о наличии специальных институтов и условиях их поддержки;
- отсутствие ответственности потерпевших (жертв) за обращение (необращение) для получения помощи и корреспондирующих ему обязанностей должностных лиц;
- использование в качестве критерия социальной поддержки жертв преступления политической целесообразности.⁵⁶

Существуют и другие недостатки, имеющие как менее, так и более общий характер по сравнению с перечисленными. Например, оказывается, что потерпевшие от правонарушений, не признанных преступлениями в связи с не достижением возраста уголовной ответственности или вследствие невменяемости, не могут рассчитывать на помощь. Некоторые виды виктимного поведения (например, нарушение правил фабричного законодательства потерпевшим, создавшее условие или спровоцировавшее преступление) исключают возможность поддержки жертвы. Аналогично решается вопрос и о так называемых «незаконопослушных» или «не заслуживающих доверия» потерпевших, отказ в защите которых обуславливается их образом жизни и жизненной позицией.⁵⁷

Кроме того, принципиальное значение для оценки анализируемой стратегии имеет то обстоятельство, что помощь зачастую сводится лишь к финансовым выплатам и исключаются другие пути содействия

⁵⁴ Walklate S., Mawbe R. A Victim Oriented Criminal Justice System // Paper presented to British Criminology Conference in Cardiff, July 1993.

⁵⁵ Ibid.

⁵⁶ Shapland J., Willmore J., Durr. P. Victims in the Criminal Justice System. Aldershot, 1985; Newburn T., Merry S. Keeping in touch: Police-victim Communication in Two Areas. London, 1990.

⁵⁷ Miers D. Compensation for Criminal Inquiries. P. 75-79.

потерпевшим.⁵⁸ Причем внимание учреждений социальной поддержки (прежде всего частных и общественных) концентрируется исключительно на интересах жертв (потерпевших) и игнорируются интересы преступников (обвиняемых), иные стороны преступления и его последствия.⁵⁹

Стратегия примирения при всей ее относительной популярности и распространенности также характеризуется определенными недостатками,⁶⁰ связанными с тем, что на практике в некоторых случаях потребности потерпевших ставятся на второй план по отношению к потребностям обвиняемых. Потерпевшие не всегда консультируются в установленном порядке и иногда даже подвергаются давлению с тем, чтобы обеспечить их участие в посредничестве в пользу обвиняемого. Кроме того (и это самое существенное), в указанной стратегии не удастся в достаточной степени учесть социальное и моральное значение преступлений для всего общества.⁶¹

Итак, на основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

- 1) уголовное судопроизводство всех рассматриваемых стран находится в процессе уголовно-политического, а не формально-правового сближения;
- 2) слияние в один тип, равно как и доминирование одной системы судопроизводства над другой, в настоящее время невозможно в силу культурно-исторических причин (означает потерю национальной идентичности);
- 3) глубокие (межтиповые) различия сохраняются только на функциональном уровне;
- 4) общая философия уголовного процесса (международно признанные принципы, стандарты правосудия и т. п.) не способна привести к стиранию этих различий. Они появились в результате исторической эволюции каждой системы судопроизводства, имеют естественный характер, обеспечивают целостность системы, но не препятствуют интеграционным процессам на международно-правовом уровне;

⁵⁸ *Rock P.* Helping Victims of Crime. Oxford, 1990.

⁵⁹ *Dignan J., Cavadino M.* Towards a Framework for Conceptualizing and Evaluating Victim-Oriented Models of Criminal Justice. P. 15.

⁶⁰ *Davis G., Watson D., Boucheral J.* Reparation in the Service of Diversion: the subordination of a good idea // *Howard Journal of Criminal Justice*. 1988. № 27. P. 127-162.

⁶¹ *Penal Theory and Penal Practice: Tradition and innovation in Criminal Justice* / Eds. A. Duff, S. Marshall et al. Manchester, 1994.

5) эффективность борьбы с преступностью, уровень защиты прав и свобод человека не находятся в прямой зависимости от функциональных типовых (англосаксонский и романо-германский тип) либо видовых (германский, французский вид) различий. Обе системы сориентированы на соблюдение и защиту прав человека, требующих надлежащей правовой процедуры (процессуальной справедливости), и на контроль над преступностью, требующий обнаружения истины и наказания преступников (материальной справедливости);

6) появление и осуществление общих уголовно-процессуальных стратегий возможно независимо от таких различий и способно влиять на сближение национальных уголовно-процессуальных правовых систем на уровне целей и принципов;

7) российский уголовный процесс по своим функциональным характеристикам является континентально-правовым и ближе всего к немецкому и французскому судопроизводству (следственность и иерархичность), структурные и функциональные особенности которых были заимствованы и творчески переработаны на протяжении двух прошедших столетий. Наличие англосаксонского (по типу) института суда присяжных на тип системы не влияет;

8) развитие уголовного процесса в России происходит на собственной исторической основе с учетом международно-правового опыта. Наиболее значимые заимствования, осуществленные в ходе судебно-правовой реформы, касаются области прав человека и суда (стандарты правосудия, общепризнанные принципы, судебный контроль в стадии предварительного расследования и суд присяжных). Все они находятся в процессе адаптации и сами по себе деструктивного влияния на практику не оказывают;

9) российский уголовный процесс в новых прямых правовых заимствованиях не нуждается, но существует объективная потребность в использовании опыта реализации общих уголовно-процессуальных стратегий.

Тем не менее, несмотря на указанные недостатки, иного пути развития современного уголовного процесса, на наш взгляд, не существует. Следовательно, с учетом как западного, так и своего исторического опыта, Россия должна идти в данном направлении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Научная и справочная литература

- Almond G., Verba S.* The Civic Culture. Political Attitude and Democracy in Five Nations. Princeton, 1963.
- Alschuler A. W., Deiss A. G.* A Brief History of the Criminal Jury in the United States//61 University of Chicago Law Review. 1994.
- Armer M.* Methodological Problems and Possibilities in Comparative Research // Comparative Social Research / Ed. M. Armer, A. Grimshaw. New York, 1973.
- Ashworth A.* The Criminal Process: An evaluative study. Oxford, 1998.
- Ashworth A.* Sentencing and Criminal Justice. 2 ed. London, 1995.
- Balbus I.* The Dialectics of Legal Repression. New York, 1973.
- Barton L. G.* The Structure of Criminal Procedure. Connecticut, 1987.
- Bayles M. D.* Principles of Law: A normative analysis. Boston, 1984.
- Black D.* The Behaviour of Law. London, 1976.
- Braithwaite J.* Crime, Shame and Reintegration. Cambrige, 1989.
- Braithwaite J., Muford S.* Conditions of Successful Reintegration Ceremonies: Dealing with Juvenile Offenders// British Journal of Criminology. 1994. N 34.
- Burnham W.* Introduction to the Law and Legal System of the United States. West Publishing, 1994.
- Cheng Y.* Criminal Procedure in China: Some Comparisons with English System // 37 International and Comparative Law Quarterly. 1988.
- Comparative Criminal Procedure* / Ed. J. Hatchard, B. Huber, R. Vogler. London, 1996.
- Comparing Nations. Concepts, Strategies, Substance/* Ed. by M. Dogan, A. Kazancigil. Oxford, 1995.
- Coughlan S. G.* The Adversary System: Rhetoric or Reality? // 8 Canadian Journal of Law and Society. 1994.
- Criminal Justice: An Introduction to the Criminal Justice System of England and Wales.* London, 1995.
- Criminal procedure systems in the European Community* / Ed. C Van Den Wyngaert. London, 1993.
- Damaska M. R.* Structures of Authority and Comparative Criminal Procedure // 84 Yale Law Journal. 1975.
- Darbyshire P.* English Legal System in a Nutshell. London, 1995.
- David R., Brierley J. E. C* Major Legal Systems in the World Today. London, 1985.
- Davis G., Watson D., Boucherat J.* Reparation in the Service of Diversion: the subordination of a good idea// Howard Journal of Criminal Justice. 1988. № 27.
- Dignan J., Cavadino M.* Towards a Framework for Conceptualizing and Evaluating Victim-Oriented Models of Criminal Justice. Sheffield, 1995.
- Dubber M. D.* The German Jury and the Metaphysical Volk: From Romantic Realism to Nazi Ideology // 43 American Journal of Comparative Law. 1995.
- Eggleston R.* Evidence, Proof and Probability. London, 1983.
- Emmelman D.* Trial by Plea Bargain: Case Settlement as a Product of Recursive Decisionmaking// Law and Society Review. 1996. № 30.
- Erez E.* Victim Participation in Sentencing: An the Debate does on... // International Review of Victimology. 1994. N 3.

- Eugen E.* Fundamental Principles of Sociology of Law. New York, 1962.
- Field S.* Judicial Supervision and Pre-trial Process // 21 (1) Journal of Law and Society. 1994.
- Frank J.* Courts on Trial. Myth and Reality in American Justice. Princeton, 1973.
- Frase R., S.* Comparative Criminal Justice as a good to American Law Reform: How the French Do It, How We Find Out and Why Should We Care? // 78 California Law Review. 1990.
- Fricke Ch.* 5000 Criminal Definitions. Terms and Phrases. Los Angeles, California, 1968.
- Friedman L.* The Legal System. A Social Science Perspective. London, 1975.
- Frohmann L.* Convictability and Discordant Locales: Reproducing Race, Class, and Gender Ideologies in Prosecutorial Decisionmaking // Law and Society Review. 1996. № 31.
- Garfinkel H.* Conditions of Successful Degradation Ceremonies // American Journal of Sociology. 1956. Vol. 6.
- Garraud R.* Traite theorique et pratique d'instruction crimenelle et de procedure penale. Paris, 1907. T. 1.
- Gibson J. L., Caldeira G. A.* The Legal Culture of Europe // 1 Law and Society Review. Vol. 30. 1996.
- Goldschmidt J.* Der Prozeß als Rechtslage. Berlin, 1925.
- Golstein A., Marcus M.* The Myth of Judicial Supervision in Three «Inquisitorial» Systems: France, Italy and Germany // 87 Yale Law Journal. 1977-78.
- Great Political Thinkers, Plato to the Present /* Ed. W. Ebenstain, A. O. Ebenstain. Oxford, 1991.
- Griffiths J. A. G.* The Politics of the Judiciary. 3 ed. London, 1989.
- Gessner V., Hoeland A., Varga C.* European Legal Cultures. New York, 1996.
- Gibson J., Caldeira G. A.* The Legal Cultures of Europe // Law and Society Review. Vol. 30/1. 1996.
- Griffiths J.* Ideology in Criminal Procedure or Third «Model of the Criminal Practices» // 3 Yale Law Journal. 1970. January. Vol. 79.
- Habermas J.* Legitimation Crisis. Boston, 1973.
- Hans V., Vidmar N.* Judging the Jury. New York; London, 1986.
- Harris J.* Legal Philosophies. New York, 1997.
- Hedderman C., Moxon D.* Magistrates' Court or Crown Court? Mode of Trial Decisions and Sentencing // Home Office Research Study. № 125. 1992.
- Helie F.* Traite de L'instruction crimenelle ou theorie du code d'instruction crimenelle. 2 ed. Paris, 1867. T. 1.
- Heinze L.* Dispositionenprinzip und Officialprinzip. Verhandlungstform und Untersuchungsform. Goldtammers Archiv. 1876.
- Hrones S.* Interrogation Abuses by the Police in France — A Comparative Solution // 12 Criminal Law Quarterly. 1969.
- Informal Justice? /* Ed. by R. Matthews. London, 1988.
- Jackson J. D.* Two Methods of Proof in Criminal Procedure // 51 Modern Law Review. 1988.
- Jackson J. D.* Theories of Truth Finding in Criminal Procedure: An Evolutionary Approach // 10 Cardozo Law Review. 1988.
- Jehle J. -M.* Criminal Justice in Germany: facts and figures. Bonn, 1997.
- Joutsen M.* Victim in Proceedings and Sentencing in Europe // International Review of Victimology. 1994. N 3.
- Joutsen M.* The Criminal Justice System of Finland: A General Introduction. Helsinki, 1995.
- King M.* The Framework of Criminal Justice. London, 1981.

- Kozolchyk B.* Trends in Comparative Legal Research: Apropos Dainow's the Role of Judicial Decisions and Doctrine in Civil Law and in Mixed Jurisdictions// The American Journal of Comparative Law. Vol. 24.
- Langsman S.* Reading in Adversarial Justice: The American Approach to Adjudication (American Bar Association Section on Litigation). West Publishing, 1988.
- Langbein J.* Controlling Prosecutorial Discretion in Germany // 4 University of Chicago Law Review. 1977.
- Langbein J. H.* Torture and Plea Bargaining //The University of Chicago Law Review. 1978-79. Vol. 46.
- Langbein J.* Mixed Court and Jury Court: Could The Continental Alternative Fill the American Need?//American Bar Foundation Research Journal. 1981.
- Lawton Sir F.* What Follows the Judith Ward Case? //136 Solicitors' Journal. 1992.
- Mayer E. A.* Reinstating Islamic Criminal Law in Libya // Law and Islam in Middle East/ Ed. D. H. Dwyer. London, 1990.
- MacClintock F. H.* Children in trouble in Scotland. Some Issues. Yauceson, 1979.
- Mitani T.* Judiciary and Political Party in Japan. Oxford, 1990.
- Morn F., Tozo M.* The Legal Culture and Legal System in Post-Franco Spain //14 (2) International Journal of Comparative and Applied Criminal Justice. 1990.
- Maguire M., Corbett C.* Effects of Crime and the Work of Victim Support Schemes. Aldershot, 1987.
- Major Criminal Justice Systems/* G. F. Colee, S. J. Francowski, M. G. Gertz and others. London, 1981.
- Marshall T.* Merry S. Crime and Accountability: Victim/Offender Mediation in Practice. London, 1990.
- McEwan J.* Evidence and the Adversarial Process. The Modern Law. Oxford, 1992.
- Moris A., Maxwell G., Robertson J.* Giving Victims a Voice: A New Zealand Experiment // The Howard Journal of Criminal Justice. 1993. N 32.
- Moxon D., Corkey J., Hedderman C* Developments in Use of Compensation Orders in Magistrates Courts since October 1988. London, 1992.
- Neal D.* Law and Authority in Early New South Wales. The Campaign for Trial by Jury// 7 Journal of Legal History. 1987.
- Neubauer D. W.* America's Courts and the Criminal Justice System. Belmont, 1988.
- Newbum T., Merry S.* Keeping in touch: Police-victim Communication in Two Areas. London, 1990.
- Nijboer J. F.* Common Law Tradition in Evidence Scholarship Observed from a Continental Perspective//41 American Journal of Comparative Law. 1993.
- Olson A.* Parliament, Empier and Parliamentary Law 1776// Three British Revolutions, 1641, 1688,1776/ Ed. J. Pocock. London, 1989.
- Packer H.* Two Models of the Criminal Procedure //113 University of Pennsylvania Law Review. 1964.
- Packer H.* The Limits of the Criminal Sanction. Stanford, 1968.
- Penal Theory and Penal Practice: Tradition and innovation in Criminal Justice /* Eds. A. Duff, S. Marshall et al. Manchester, 1994.
- Perkins R.* Criminal Law. 2 ed. Mineola, New York, 1969.
- Perspectives on Crime Victims/* Eds. B. Galaway, J. Hudson. St. Louis; Toronto; London, 1981.
- Pizzi W.* The O. J. Simpson Trial and the American Legal System // 145 New Law Journal. 1995.
- Plank J.* Syslematische Darstellung des deutschen Srafverfahrens. Gottingen, 1857.

- Pound R.* Social Control Through Law. New York, 1968.
- Pradel J.* Procedure penale. 9 ed., Paris, 1997; 1999.
- Pradel J.* Le ministère public. Brèves remarques sur son évolution depuis 1959 // Revue pénitentiaire et de droit pénal. 2000. N 1.
- Pizeworski A., Tame H.* The Logic of Comparative Social Inquiry. New York, 1970.
- Radzinowicz S. L., Hood R.* The American volte-face in sentencing thought and practice // Crime, Proof and Punishment. Essays in Memory of Sir Rupert Cross. London, 1981.
- Reid T.* Crime and Criminology. New York, 1976.
- Relational Justice: Repairing the Bragch* / Eds. J. Bumside, N. Baker. Winchester, 1994.
- Riley D., Vennard J.* Triable-Eilher-Way Cases: Crown Court or Magistrates' Court? // Home Office Research Study. № 28. 1988.
- Rock P.* Helping Victims of Crime. Oxford, 1990.
- Roxin C.* Strafverfahrensrecht. 24. Aufl. München, 1995.
- Sanders A., Young R.* Criminal Justice. London, 2000.
- Schur E.* Law and Society. New York, 1968.
- Scolnik J.* Justice without Trial. New York, 1966.
- Shapland J., Ml/more J., Durr P.* Victims in the Criminal Justice System. Aldershot, 1985.
- Silver J. S.* Equality of Arms and the Adversarial Process: a New Constitutional Right // 4 Wisconsin Law Review. 1990.
- Stephen J. F.* A general view of the criminal law. London, 1863.
- Staple G.* Serious and Complex Fraud: A New Perspective // Modern Law Review. 1996. N 56.
- Spiller P. R.* The Jury System in Early Natal (1846-1874) // Journal of Legal History. 1987.
- Thompson S.* The Authority of Law // 75 Ethics. 1964.
- Tulkens E., Van de Kerchove M.* La justice pénale: justice imposée, justice participative, justice consensuelle ou justice négociée // Revue de droit pénal et de criminologie. 1996. № 5.
- The European System for the Protection of Human Rights* / Ed. By K. Macdonald, F. Matscher, H. Petzold. Dordrecht, 1993.
- The Russian Federation's Code of Criminal Procedure* (Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации) / Published by the U. S. Department of Justice, Washington D. C and U. S. Embassy in Moscow, Russia. 2004.
- Vach A.* Struktur des Strafprozesses (Separatabdruck aus der Festschrift für Binding), i 914.
- Van Caenegem R. C.* Judges, Legislators and Professors. Chapters in European Legal History. Cambridge, 1987.
- Vidal G.* Cours de droit criminel et de science pénitentiaire. Paris, 1901.
- Vouin R.* French Criminal Procedure // The Accused: A Comparative Study / Ed. J. E. Coutts. London, 1966.
- Walklate S., Mawbe R.* A Victim Oriented Criminal Justice System // Paper presented to British Criminology Conference in Cardiff, July 1993.
- Watson D., Boucherat J., Davis D.* Reparation for Retributivists // Mediation and Criminal Justice: Victims, Offenders and Community. London, 1989.
- Weinreb L.* Continental Criminal Procedure: «Myth» and Reality // 87 Yale Law Journal. 1977-78.
- Wice E. M.* Criminal Justice Policy and Comparativism // Nouvelles Etudes Penales. 1997. N 17.
- Wilson R. J.* Criminal Justice in Revolutionary Nicaragua: Intimations of the Adversarial in Socialist and Civil Law Traditions (1991-1992) // 23 (2) University of Miami Inter-American Law Review. 1993.

- Wolff R. P. The Rule of Law. New York, 1971.
- Zander M. A matter of justice. The legal system in Ferment. New York, 1989.
- Zehr H. Changing Lenses: A New Focus for Criminal Justice. Scottdale, 1990.
- Абадинский Г. Организованная преступность. М., 2002.
- Абдулаев М. И. Права человека и закон. СПб., 2004.
- Азаров В. А. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: двойные стандарты в установлении истины? // Вестник Томского государственного университета. Сер. «Экономика. Юридические науки». 2003. № 4.
- Александров А. И. Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности. СПб., 2003.
- Алексеев Н. С, Даев В. Г., Кокорев Л. Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса. Воронеж, 1980.
- Апсель М. Новая социальная защита: Гуманистическое движение в уголовной политике. М., 1970.
- Антонян Ю. М. Криминология. Избранные лекции. М., 2004.
- Апарова Т. В. Суды и судебный процесс Великобритании. Англия, Уэльс, Шотландия. М., 1996.
- Базылев Б. Т. Юридическая ответственность. Красноярск, 1985.
- Барабаш А. С. Природа российского уголовного процесса, цели уголовно-процессуальной деятельности и их установление. СПб., 2005.
- Барак А. Судейское усмотрение. М., 1999.
- Бахин С. В. Сотрудничество государств по сближению национальных правовых систем (унификация и гармонизация права): Автореф. дис.... д-ра юрид. наук. СПб., 2003.
- Бахин С. В. Субправо (международные своды унифицированного контрактного права). СПб., 2002.
- Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знаний. М., 1995.
- Бернэм У. Суд присяжных заседателей. М., 1995.
- Боботов С. В. Буржуазная юстиция. Состояние и перспективы развития. М., 1989.
- Боботов С. В., Жигачев И. Ю. Введение в правовую систему США. М., 1997.
- Бойков А. Д. Третья власть в России. Кн. 2. Продолжение реформ. М., 2002.
- Бойльке В. Уголовно-процессуальное право ФРГ. Красноярск, 2004.
- Бородин С. В. Борьба с преступностью: теоретическая модель комплексной программы. М., 1990.
- Босхолов С. С. Основы уголовной политики. М., 1999.
- Босхолов С. С. Современная уголовная политика как часть социально-правовой политики государства // Сибирский криминологический журнал. 2006. № 1.
- Брайсон У. К. Американская судебная система // Верховенство права: Сборник. М., 1992.
- Брейнсма Ф. Три этапа юридического образования // Юридическое образование: новые подходы в России и Западной Европе. М., 2001.
- Бурданова В. С. Поиски истины в уголовном процессе. СПб., 2003.
- Вандышев В. В. Уголовный процесс: Конспект лекций. СПб., 2002.
- Васильев А. И., Кудрявцев В. Н. Право: развитие общего понятия // Советское государство и право. 1985. № 7.
- Ведерников А. Н., Ведерников Н. Т. Некоторые актуальные вопросы деятельности Конституционного суда Российской Федерации в области уголовного

- процесса // Вестник Томского государственного университета. Сер. «Экономика. Юридические науки». Приложение. № 4. 2003. Февраль.
- Викторский С. И.* Русский уголовный процесс. М., 1997.
- Власихин В. А.* Служба обвинения в США: Закон и политика. М., 1981.
- Власов В. И.* Расследование преступлений. Проблемы качества. Саратов, 1988.
- Волженкина В. М.* Нормы международного права в российском уголовном процессе. СПб., 2001.
- Волеводз А. Г.* Правовое регулирование новых направлений международного сотрудничества в сфере уголовного процесса. М., 2002.
- Волколуп О. В.* Система уголовного судопроизводства и проблемы ее совершенствования. СПб., 2003.
- Гаджиев К. С.* Введение в геополитику. М., 1998.
- Гиленсен В. М.* Федеральное бюро расследований США. Ч. II. М., 1979.
- Гилинский Я. И.* Криминология: Курс лекций. СПб., 2002.
- Глобализация и развитие законодательства: Очерки / Отв. ред. Ю. А. Тихомиров, А. С. Пиголкин.* М., 2004.
- Головко Л. В.* Новый УПК Российской Федерации в контексте сравнительного уголовно-процессуального права // Государство и право. 2002. № 5.
- Головко Л. В.* Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. СПб., 2002.
- Гомьен Д., Харрис Д., Зваак Л.* Европейская конвенция о правах человека и Европейская социальная хартия: право и практика. М., 1998.
- Горшенев В. М., Шахов И. Б.* Контроль как правовая форма деятельности. М., 1987.
- Государственный строй США / Отв. ред. А. С. Никифоров.* М., 1976.
- Гревцов Ю. И.* Социология права: Курс лекций. СПб., 2001.
- Гренюйзен М.* Развитие виктимологии и его влияние на политику в отношении уголовного судопроизводства // Основные принципы современного уголовного права: Сборник текстов. Ч. 4. Предмет 2. Тилбург, 1998.
- Гуревич П. С.* Философия. М., 2003.
- Губанов А. В.* Полиция зарубежных стран. Организационно-правовые основы, стратегия и тактика деятельности. М., 1999.
- Гуценко К. Ф.* Уголовная юстиция США. М., 1979.
- Гуценко К. Ф., Головко Л. В., Филимонов Б. А.* Уголовный процесс западных государств. М., 2002.
- Давид Р., Жоффре-Спинози К.* Основные правовые системы современности. М., 1998.
- Давыдов Ю. Н.* Макс Вебер и современная теоретическая социология. М., 1998.
- Дайчман И.* ФБР — империя неприкосновенных. М., 2004.
- Дари Ф.* Следственный судья и справедливый суд // Юридические и судебные практики: Репрессивная судебная система. Справедливый процесс. Гласность вещных прав на недвижимость: Сборник документов франко-российского сотрудничества. № 2. 1998. Ноябрь.
- Дельмас-Мартин М.* Интернационализация преступности и ответ движения социальной защиты. Европейская модель уголовного правосудия // Уголовная юстиция: проблемы международного сотрудничества: Международный научно-исследовательский проект. М., 1994. С. 35.
- Деришнев Ю. В.* «Новая идеология» и наука уголовного судопроизводства // Вестник Томского государственного университета. Сер. «Экономика. Юридические науки». 2003. № 4.

- Добровольская Т. Н. Принципы советского уголовного процесса: Вопросы теории и практики. М., 1971.
- Додонов В. Н., Крутских В. Е. Прокуратура в России и за рубежом. М., 2001.
- Долгова А. И. Преступность, ее организованность и криминальное общество. М., 2003.
- Дробышевский С. А. Классические теоретические представления о государстве, праве и политике. Красноярск, 1999.
- Дробышевский С. А., Будилина Т. В. Научная мысль в поисках наилучшей политико-правовой системы. Красноярск, 2000.
- Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т. 1. М., 2000.
- Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб., 2004.
- Жалинский А. Э. Содержание уголовной политики // Уголовная политика в борьбе с преступностью. Свердловск, 1986.
- Жалинский А., Рёрихт А. Введение в немецкое право. М., 2001.
- Жалинский А. Э. Современное немецкое уголовное право. М., 2004.
- Жидков О. А. Верховный суд США: право и политика. М., 1985.
- Загородников Н. И. Советская уголовная политика. М., 1979.
- Зер Х. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание. М., 2002.
- Ильин В. В., Ахиезер А. С. Российская государственность: истоки, традиции, перспективы. М., 1997.
- Исаев И. А. История России: Правовые традиции. М., 1995.
- Исаев И. А. История государства и права России. М., 1996.
- Йешек Г.-Г. Предисловие // Уголовный кодекс Федеративной Республики Германия. СПб., 2003.
- Йорг Н., Фильд С, Брантс К. Происходит ли сближение следственной и процессуальной систем? // Сборник текстов: Основные принципы современного уголовного права. Ч 4. Предмет 2. Тилбург, 1998.
- Кален Р. Полиция в демократическом обществе: сфера деятельности и гражданский контроль // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД. 1999. № 1.
- Карбонье Ж. Юридическая социология. М., 1998.
- Карлен Д. Американские суды: Система и персонал: Организация правосудия в США. М., 1972.
- Керимов Д. А. Философские основания политико-правовых исследований. М., 1986.
- Керимов Д. А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). М., 2001.
- Кларк Р. Преступность в Америке. Замечания по поводу ее природы, причин, предупреждения и контроля. М., 2002.
- Княгинин В. Н. Рецепция зарубежного права как способ модернизации российской правовой системы // Правовая реформа и зарубежный опыт. Красноярск, 2000.
- Ковалев В. А. Буржуазная законность: теоретические иллюзии и судебно-политическая реальность. М., 1986.
- Козлихин И. Ю. Право и политика. СПб., 1996.
- Коллисон. Неправосудные суды. М., 1961.
- Кондаков Н. И. Введение в логику. М., 1967.
- Конституции зарубежных государств: Великобритания, Франция, Германия, Италия, Европейский союз, Соединенные Штаты Америки, Япония, Индия: Учебное пособие / [Сост. сб., пер., авт. введ. и вступ. ст. В. В. Маклаков]. М., 2006.

- Коробеев А. И., Усс А. В., Голик Ю. В. Уголовно-правовая политика: тенденции и перспективы. Красноярск, 1991.
- Коряковцев В. В. Правоохранительные органы РФ: Учебное пособие. СПб., 2005.
- Криминология / Под ред. Дж. Ф. Шели. СПб., 2003.
- Криминология: Учебник для вузов / Под общ. ред. А. И. Долговой. М., 2003.
- Кристи Н. Пределы наказания. М., 1985.
- Кристи Н. Борьба с преступностью как индустрия. Вперед, к Гулагу западного образца? М., 1999.
- Кропачев Н. М. Уголовно-правовое регулирование: механизм и система. СПб., 1999.
- Кудрявцев В., Трусов А. Политическая юстиция в СССР. М., 2000.
- Кудрявцев В. Н. Стратегии борьбы с преступностью. М., 2003.
- Кудрявцев С. В. Конфликт и насильственное преступление. М., 1991.
- Культурология. XX век: Энциклопедия. СПб., 1998.
- Курс советского уголовного процесса: Общая часть / Под ред. А. Д. Бойкова и И. И. Карпеца. М., 1989.
- Ларин А. М., Мельникова Э. Б., Савицкий В. М. Уголовный процесс России: Лекции-очерки. М., 1997.
- Леви Э. Х. Введение в правовое мышление. М., 1995.
- Липинский Д. А. Проблемы юридической ответственности. СПб., 2003.
- Ллойд Д. Идея права. М., 2002.
- Лубенский А. И. Предварительное расследование по законодательству капиталистических государств. М., 1977.
- Лунеев В. В. Вступительное слово на научно-практической конференции «Правовая и криминологическая оценка нового УПК РФ» // Государство и право. 2002. № 9.
- Лунеев В. В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. М., 2005.
- Лукашева Е. В. Право, мораль, личность. М., 1986.
- Лукашевич В. З. Установление уголовной ответственности в советском уголовном процессе. Л., 1985.
- Лукашевич В. З., Чичканов А. П. Принцип состязательности и равноправия сторон в новом УПК РФ // Правоведение. 2002. № 2.
- Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве (их виды, содержание и формы). М., 1976.
- Макклиток Ф. Г. Планирование уголовной политики в контексте социальной защиты. Роль исправительных учреждений // Планирование мер борьбы с преступностью. М., 1982.
- Малиновский А. А. Сравнительное правоведение в сфере уголовного права. М., 2002.
- Малько А. В., Субочев В. В. Законные интересы как правовая категория. СПб., 2004.
- Мальцев Г. В. Понимание права: Подходы и проблемы. М., 1999.
- Марченко М. Н. Курс сравнительного правоведения. М., 2002.
- Марченко М. Н. Теория государства и права. М., 2004.
- Мельникова Э. Б. Ювенальная юстиция: Проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминологии: Учеб. пособие. М., 2000.
- Мельникова Э. Б., Карнозова Л. М. Ювенальная юстиция — охранительная и восстановительная. М., 2002.
- Мещераков Ю. В. Формы уголовного судопроизводства. Л., 1990.

- Мизулина Е. Б. Современное уголовно-процессуальное законодательство: Проект УПК Российской Федерации // Информационный бюллетень Следственного комитета при МВД России. 2001. № 1 (107).
- Михайлов П. Л. Суд присяжных во Франции: становление, развитие и трансформация. СПб., 2003.
- Михайловская И. Б. Цели, принципы и функции российского уголовного судопроизводства (уголовно-процессуальная форма). М., 2003.
- Мишин А. А., Власихин В. А. Конституция США: Политико-правовой комментарий. М., 1985.
- Мур Д. Н. Верховенство права: обзор // Верховенство права: Сборник. М., 1992.
- Мушкет И. И., Хохлов Е. Б. Полицейское право России: проблемы теории. СПб., 1998.
- Нажимов В. П. Типы, формы и виды уголовного процесса. Калининград, 1977.
- Назаров А. Д. Влияние следственных ошибок на ошибки суда. СПб., 2003.
- Наумов А. В. Сближение правовых систем как итог развития. Уголовное право в XX в. и его перспектива в XXI в. // Государство и право. 1998. № 6.
- Николайчик Н. И., Матвиенко Е. А. Всесторонность, полнота и объективность предварительного расследования. Минск, 1969.
- Николайчик В. М. Уголовный процесс США. М., 1981.
- Николайчик В. М. Уголовное правосудие в США.
- Николайчик В. М. Уголовное правосудие в США. Ч. 11. Правовая процедура от ареста до апелляции // США: Экономика. Право. Идеология. 1995. № 3.
- Осакве К. Сравнительное правоведение в схемах: Общая и Особенная части. М., 2002.
- Особенности доказывания в судопроизводстве: Научно-практическое пособие / Под ред. А. А. Власова. М., 2004.
- Пергатая А. А. Сравнительные аспекты уголовного процесса по делам несовершеннолетних: Россия и Германия // Правовая реформа и зарубежный опыт: Сборник научных статей. Красноярск, 2000.
- Пермяков Ю. А. Лекции по философии права. Самара, 1995.
- Петрухин И. Л., Батуров Г. П., Морщакова Т. Г. Теоретические основы эффективности правосудия. М., 1979.
- Петрухин И. Л. Состязательность и правосудие // Государство и право. 1994. № 10.
- Побегайло Э. Ф. Кризис современной российской уголовной политики // Уголовное право. 2004. № 4.
- Поляков А. В. Общая теория права. СПб., 2001.
- Поляков А. В. Общая теория права: Курс лекций. СПб., 2003.
- Полянский Н. Н. Основные формы построения уголовного процесса // Ученые записки Московского университета. Труды юридического факультета. 1949. Вып. 145.
- Полянский Н. Н. Вопросы теории советского уголовного процесса. М., 1956.
- Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 1. Чары Платона. М., 1992.
- Прокурорский надзор в Российской Федерации: Учебник / Под ред. В. И. Рохилина. СПб., 2000.
- Резник Ю. М. Введение в социальную теорию: Социальная системология. М., 2003.
- Решетникова И. В. Доказательственное право Англии и США. М., 1999.
- Ривман А. В. Виктимологические факторы и профилактика преступления. Л., 1975.

- Розз Г. Введение в немецкое уголовно-процессуальное право. Красноярск, 2001.
- Романов А. К. Правовая система Англии. М., 2002.
- Российская социологическая энциклопедия. М., 1998.
- Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре: Трактаты. М., 1998.
- Рулан Н. Юридическая антропология. М., 1999.
- Рыбальская В. Я. Виктимологические исследования в системе криминологической разработки проблем профилактики преступлений несовершеннолетних // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 33. М., 1980.
- Рэгин Ч. Особенности компаративистики // Современная сравнительная политология: Хрестоматия. М., 1997.
- Рэньяр К. Прокуратура и справедливый суд // Юридические и судебные практики: Репрессивная судебная система. Справедливый процесс. Гласность вечных прав на недвижимость: Сборник документов франко-российского сотрудничества. № 2. 1998. Ноябрь.
- Садовский В. И. Основания общей теории систем. М, 1974.
- Саидов А. Х. Сравнительное правоведение и юридическая география мира. М., 1993.
- Свиридов М. К. Состязательность и установление истины в уголовном судопроизводстве // Правовые проблемы укрепления российской государственности. Ч. 10: Проблемы уголовного процесса в свете нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Томск, 2002.
- Семухина О. Б. Типология уголовного процесса англо-американской и романо-германской правовой систем. Томск, 2002.
- Случевский В. К. Учебник русского уголовного процесса. СПб., 1895.
- Смирнов А. В. Модели уголовного процесса. СПб., 2000.
- Смирнов А. В. Состязательный процесс. СПб., 2001.
- Современные проблемы и стратегия борьбы с преступностью / Науч. ред. В. Н. Бурлаков, Б. В. Волженкин. СПб., 2005.
- Сойер К. К. Вынесение присяжными вердикта в условиях информированности о грозящем подсудимому наказании // Сборник текстов: Основные принципы современного уголовного права. Ч. 4. Предмет 1. Тилбург, 199ft
- Солнцева Н. Принцип-невидимка в уголовном судопроизводстве // Законность. 2003. № 5.
- Соловьев А. Б. Причины следственных ошибок // Вопросы укрепления законности и устранения следственных ошибок в уголовном судопроизводстве: Сб. науч. трудов. М, 1988.
- Соловьев А. Б. От чего нельзя отказаться при подготовке Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Закономерности преступности, стратегия борьбы и закон / Под ред. А. И. Долговой. М., 2001.
- Соловьев А. Б. Подход к принципам уголовного судопроизводства в УПК РФ требует уточнения // Концептуальные основы реформы уголовного судопроизводства в России. М., 2002.
- Спиридонов Л. И. Теория государства и права. М., 1998.
- Спиркин А. Г. Философия. М, 2001.
- Становление американского государства / Отв. ред. А. А. Фурсенко. СПб., 1992.
- Шифен Д. Уголовное судопроизводство вообще, английское в особенности, изложенное сравнительно с шотландским и французским. СПб., 1864.
- Стойко Н. Г. Недоказанность обстоятельств уголовного дела. Красноярск, 1984.
- Стойко Н. Г. Уголовная юстиция России в развитии. Красноярск, 1997.

Литература

- Стойко Н. Г., Шагинян А. С.* Уголовный процесс Англии и Уэльса, Бельгии и Дании: сравнительно-правовой аспект. Красноярск, 1997.
- Стойко Н. Г.* Законодательство и прецедент как источники уголовно-процессуального права западноевропейских стран и России // Правовая реформа и зарубежный опыт: Сборник научных статей. Красноярск, 2000.
- Стойко Н. Г., Семухана О. Б.* Уголовный процесс в США. Красноярск, 2000.
- Стойко Н. Г.* Новое уголовно-процессуальное право и Проект Уголовно-процессуального кодекса РФ // Российский бюллетень по правам человека. Вып. 13. 2000.
- Стойко Н. Г., Никитин Г. А.* Уголовный процесс в США: Защита личных прав и свобод: Учебное пособие. СПб., 2006.
- Строгович М. С.* Природа советского уголовного процесса и принцип состязательности. М., 1939.
- Строгович М. С.* Уголовный процесс. М., 1946.
- Судебная система России: Учебное пособие.* М., 2001.
- Судебные системы европейских стран.* Справочник. М., 2002.
- США: конституция и права граждан /* Под ред. И. А. Геевского (отв. ред.), В. А. Власихина, С. А. Червонной М., 1987.
- США: Преступность и политика /* Под ред. Б. С. Никифорова. М., 1972.
- Танцерева М. Е., Стойко Н. Г.* Потерпевший и его функция в российском уголовном процессе. Красноярск, 2002.
- Тарбагаев А. Н.* Ответственность в уголовном праве. Красноярск, 1994.
- Теория государства и права: Курс лекций /* Под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. М., 1999; М., 2006.
- Теория юридического процесса/* Под ред. В. М. Горшенева. Харьков, 1985.
- Тихомиров Ю. А.* Курс сравнительного права. М., 1996.
- Томин В. Т.* Избранные труды. СПб., 2004.
- Уайнреб Л. Л.* Отказ в правосудии. Уголовный процесс в США. М., 1985.
- Уголовная юстиция: проблемы международного сотрудничества.* Международный научно-исследовательский проект. М., 1994.
- Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: Учебник/* Отв. ред. П. А. Лупинская. М., 2003.
- Уголовный процесс/* Под ред. В. П. Божьева. М., 2004.
- Уголовный процесс России: Общая часть /* Под ред. В. З. Лукашевича. СПб., 2004.
- Уголовный процесс: Учебник/* Под ред. И. Л. Петрухина. М., 2001.
- Уголовный процесс: Учебник для студентов юридических вузов и факультетов /* Под ред. К. Ф. Гуценко. М., 1997.
- Уемов А. И.* Системный подход и общая теория систем. М., 1978.
- Уилшер А. М.* Уголовный процесс. М., 1947.
- Уолкер Р.* Английская судебная система. М., 1980.
- Фаттах Э. А.* От ориентира вины к ориентиру последствий. Новая система понятий уголовного права XXI века// Основные принципы современного уголовного права: Сборник текстов. Ч. 4. Предмет 2. Тилбург, 1998.
- Филимонов Б. А.* Основы уголовного процесса Германии. М., 1994.
- Филимонов Б. А.* Защитник в германском уголовном процессе. М., 1997.
- Филиппов С. В.* Судебная система США. М., 1980.
- Философский энциклопедический словарь.* М., 1983.
- Философский энциклопедический словарь.* М., 1997.
- Философский энциклопедический словарь.* М., 1998.

- Философский энциклопедический словарь.* М., 1999.
- Философский словарь.* М., 1988. С. 157.
- Франк Л. В.* Потерпевшие от преступления и проблемы советской виктимологии. Душанбе, 1977.
- Франковски С, Гольдман Р., Лентовска Э.* Верховный Суд США о гражданских правах и свободах. Варшава, 1998.
- Флетчер Дж., Наумов А. В.* Основные концепции современного уголовного права. М, 1998.
- Фойницкий И. Я.* Курс уголовного судопроизводства. Т. 1. СПб., 1996.
- Фридмэн Л.* Введение в американское право. М., 1993.
- Хайдегер М.* Время и бытие. М, 1993.
- Харелл М. Э., Андерсон Б.* Равное правосудие на основе закона. Верховный суд в жизни Америки. М., 1995.
- Хасан Б. И.* О понятийной схеме и особенностях конфликта в деятельности по расследованию преступлений // Проблемы психологии следственной деятельности. Красноярск, 1989.
- Хасан Б. И.* Психотехника конфликта и конфликтная компетентность. Красноярск, 1996.
- Хубер В.* Развитие уголовного права в Европе: обзор // Основные принципы современного уголовного права: Сборник текстов. Ч. 4. Предмет 2. Тилбург, 1998.
- Цвайгерт К., Кетц Х.* Введение в сравнительное правоведение: В 2 т. Т. 1. Основы. М., 1998.
- Цыганенко С. С.* Производства по уголовным делам в Российском уголовном процессе. Ростов н/Д, 2003.
- Чельцов-Бebutov М. А.* Курс уголовно-процессуального права: Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. СПб., 1995.
- Шадрин В. С.* Обеспечение прав личности при расследовании преступлений. М, 2002.
- Шадрин В. С.* Уголовно-процессуальная деятельность прокурора и органов предварительного расследования. Досудебное производство. СПб., 2005.
- Шестакова С. Д.* Состязательность уголовного процесса. СПб., 2001.
- Шестакова С. Д.* Генезис метода российского уголовно-процессуального права в условиях конвергенции и дивергенции англосаксонской и континентально-правовой систем (теоретико-правовое исследование): Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2004.
- Шнайдер Г.* Криминология. М., 1994.
- Шпилев В. Н.* Содержание и формы уголовного судопроизводства. Минск, 1974.
- Штофф В. А.* Моделирование и философия. М.; Л., 1966.
- Элькин П. С.* Сущность советского уголовно-процессуального права. Л., 1963.
- Юридическая процессуальная форма /* Под ред. П. Е. Недбайло и В. М. Горшенева. М., 1976;
- Якимович Ю. К.* Структура советского уголовного процесса: система стадий и система производств. Основные и дополнительные производства. Томск, 1991.

Стойко Николай Геннадьевич

**УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС ЗАПАДНЫХ ГОСУДАРСТВ И РОССИИ:
СРАВНИТЕЛЬНОЕ ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ И РОМАНО-ГЕРМАНСКОЙ
ПРАВОВЫХ СИСТЕМ**

Редактор: канд. филол. наук *Н. С. Лосев*

Корректор: *Т. П. Рындак*

Тех. редактор и компьютерная верстка: *Е. Е. Кузьмина*

Дизайн обложки: *Н. В. Радченко*

Подписано в печать 15.11.2006. Формат 60х90 1/16

Печать офсетная. Гарнитура «Тайме». Бумага офсетная

Уч.-изд. л. 18,8. Усл. печ. л. 16,5

Заказ № **1926**

Издательство юридического факультета СПбГУ

Издательский Дом СПбГУ

199004, Россия, Санкт-Петербург, В. О., 6-я линия, д. 11

Тел./факс: +7(812) 334 2193, 329 2823

www.lavvpress.ru

info@lawpress.ru

Типография «Береста»

196006, Санкт-Петербург, ул. Коли Томчака, д. 28